

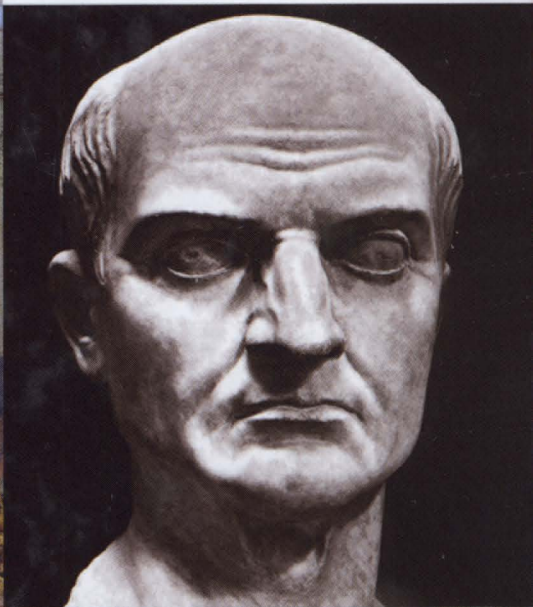
М. Бондаренко

МЕЦЕНАТ

ЖЗЛ

МЕЦЕНАТ

Михаил
Бондаренко

ЖЗЛ — МАЛАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

МАЛАЯ СЕРИЯ
ВЫПУСК
99

Михаил Бондаренко

МЕЦЕНАТ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 94(3)“-01”
ББК 63.3(0)323
Б 81

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03875-2

© Бондаренко М. Е., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

*Светлой памяти
моей доброй наставницы,
профессора, доктора филологических наук
Елены Васильевны Федоровой
посвящается эта книга*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сентябрь 746 года от основания города Рима. Кроваво-красное солнце неумолимо клонится к закату. В густой синеве сентябрьского неба медленно гаснут его лучи. Утомленную дневной жарой столицу римлян окутывают вечерние сумерки. В садах, раскинувшихся вокруг великолепного дворца на Эсквилинском холме, тихо журчат фонтаны и мелодично стрекочут цикады. Сюда почти не долетают звуки города, не слышно шума ремесленных мастерских, воплей торговцев и криков детворы. В огромном атриуме отделанного каррарским мрамором дворца стоит усыпанное лепестками роз и увитое гирляндами цветов высокое погребальное ложе, украшенное резной слоновой костью. В воздухе разлит сильный аромат восточных благовоний, струящийся от многочисленных бронзовых курильниц, расставленных вокруг.

У ложа сгрудились громко рыдающие домашние рабы, вольноотпущенники, дальние родственники покойного и нанятые по такому случаю плакальщицы. Неподалеку от них стоит пожилой, низенький, толстый человек с лысиной, обрамленной венчиком седых волос. Это знаменитый римский поэт

Гораций. Он содрогается от беззвучных рыданий, размазывает по лицу слезы и безуспешно пытается вырваться из рук рабов, заботливо поддерживающих его с двух сторон.

На погребальном ложе покоится пожилой, убежденный сединами, немного полноватый человек. Он облачен в белоснежную тогу, а руки его унижены многочисленными драгоценными перстнями. Лицо покойного хранит отпечаток безмятежности и одухотворенности; может даже показаться, что он доволен своей кончиной.

Семь дней спустя после смерти друга и родственники по знаку либитинариев¹ подходят к ложу с набальзамированным телом усопшего, поднимают его и выносят на улицу. Похоронная процессия медленно отправляется в путь. Возглавляет ее группа музыкантов — трубачей и флейтистов, издающих печальные и заунывные мелодии. Далее следуют плакальщицы, громко рыдающие и вопящие на всю округу, мимы и танцоры, изображающие сценки из жизни умершего. За ними двигаются клиенты в масках предков покойного. Масок очень много, и все они исполнены с величайшим искусством. Наконец следуют носилки с погребальным ложем, которые несут ближайшие друзья умершего. За носилками шествуют родственники и знакомые покойного в траурной черной одежде, многочисленные вольноотпущенники, а за ними высшие должностные лица и сенаторы. Замыкает шествие огромная толпа простых людей и зевак. Вдоль всей процессии, по обычаю, медленно двигаются рабы с горячими еловыми факелами в руках.

Достигнув форума, похоронная процессия оста-

¹ См. Терминологический словарь в конце книги.

навливается у подножия ростр. Носилки с покойным устанавливают на помосте, специально сооруженном по такому случаю, а вокруг располагаются клиенты в масках предков. Затем на трибуну восходит император Август и как единственный наследник произносит похвальную речь в честь покойного, в которой упоминает не только все его многочисленные заслуги перед государством, но и славные деяния его предков. Будучи великим понтификом, император не имеет права смотреть на мертвое тело, и поэтому погребальное ложе скрыто от него широким занавесом. Такова проза жизни. Самый могущественный человек Рима даже не может бросить последний взгляд на тело своего ближайшего друга!

После окончания церемонии процессия отправляется в обратный путь на Эсквилинский холм. Здесь уже сложен высокий погребальный костер в виде жертвенника, украшенный гирляндами, кипарисовыми ветвями, дорогими тканями и коврами, а также подготовлена роскошная мраморная гробница. Несмотря на запрещение погребать покойников в черте города, для умершего сделано исключение ввиду его выдающихся заслуг перед Римским государством.

Наконец процессия достигает своей цели, и ложе с покойным осторожно помещают на высокий погребальный костер. Тело его предварительно поливают различными благовониями, осыпают ладаном и нардом, кладут рядом с ним дорогие для него при жизни предметы, производят необходимые жертвоприношения подземным богам. Стенающая толпа бросает на костер всевозможного рода дары: кольца, браслеты, венки. Затем к костру подходит поэт Гораций с факелом и, по обы-

чаю, отвернув в сторону свое лицо, поджигает костер. Пламя с ревом устремляется к небу. Вокруг раздаются стенания и вопли, сопровождающиеся скорбными звуками флейт и труб. Пока костер пожирает погребальное ложе и тело покойного, небо темнеет и хмурится, и, наконец, спустя некоторое время, когда костер уже начинает угасать, раздастся первый удар грома и на землю обрушивается сильнейший ливень. Кажется, что сама природа скорбит по умершему...¹

Кого же так пышно провожали в последний путь в сентябре 746 года от основания города, или в сентябре 8 года до н. э. по нашему счету? Имя этого человека — Гай Цильний Меценат. Пройдет столетие, и знаменитый римский поэт-эпиграмматист Марциал, обращаясь к одному из своих современников, воскликнет:

Ежели дедовский век современности так уступает
И при владыке своем так разрастается Рим,
Ты удивлен, что ни в ком нет искры священной Марона
И не способен никто мощно о войнах трубить.
Будь Меценаты у нас, появились бы, Флакк, и Мароны:
Ты б и на поле своем встретить Вергилия мог².

Вергилий Марон, как, впрочем, и Гораций и Проперций были величайшими поэтами своего времени. Но лишь благодаря материальной поддержке со стороны Мецената они смогли посвятить всю свою

¹ К сожалению, до сих пор неизвестно, как именно провожали Мецената в последний путь. Данное выше описание похорон является приблизительной реконструкцией.

² *Марциал*. VIII. 55 (56). 1—6. Здесь и далее античные авторы цитируются по публикациям, указанным в списке источников, за исключением специально оговоренных случаев.

жизнь поэтическому творчеству. Как бы мы сейчас сказали, Меценат был «спонсором» практически всех известных поэтов своего времени, и без него, очевидно, не наступила бы эпоха расцвета древнеримской поэзии, ее подлинный золотой век.

Биография Мецената до сих пор, спустя более двух тысячелетий, все еще окутана таинственным покровом неизвестности. Очень мало мы знаем о его предках, семье, его личной жизни и политической деятельности. По крупинкам приходится собирать сведения о нем, разбросанные по многочисленным страницам сочинений античных писателей. Но имя Мецената известно каждому. Уже спустя столетие после его смерти оно стало нарицательным. До сих пор слово «меценат» обозначает человека, бескорыстно оказывающего материальную помощь и поддержку людям искусства и культуры.

Глава первая
ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО, ЮНОСТЬ

Этрусский город Арретий (современный Ареццо) раскинулся на живописных холмах близ соединения долин рек Кианы и Арно. В глубокой древности он контролировал проход к Фьезоле и Падуанской Этрурии¹. Город был основан приблизительно в VI веке до н. э. и долгое время являлся одним из самых богатых и мощных центров этрусского содружества («Двенадцатиградия»). Своего процветания он достиг благодаря торговле с другими городами Центральной Италии, а также крупному ремесленному производству. Арретий особенно прославился как центр гончарного и бронзолитейного дела. Арретинская тонкостенная керамика славилась по всему Средиземноморью. Бронзовые изделия также пользовались большим спросом. Среди найденных при археологических раскопках памятников этрусского искусства следует выделить замечательную бронзовую статую Минервы и знаменитую фигуру Химеры². От античного периода сохранились развалины

¹ Робер Ж.-Н. Этруски. М., 2007. С. 78. По некоторым данным, древнейшее этрусское поселение появилось на месте Арретия еще в IX веке до н. э.

² Franciosi G. Arezzo. Bergamo, 1909. P. 10.

этрусских крепостных стен, римского амфитеатра (II век н. э.), использовавшегося, очевидно, для демонстрации гладиаторских боев, а также остатки нескольких храмов, небольшого театра, терм (бань) и этрусского некрополя¹.

Основатели Арретия этруски, или тиррены, как их называли греки, — один из самых необычных и загадочных народов древней Италии. Пожалуй, лучше всего о них написал древнегреческий историк Диодор Сицилийский: «...в древности они, прославившись своим мужеством, покорили огромную страну и основали много значительных городов. Равным образом достигнув могущества благодаря своим боевым кораблям, они установили господство на морях, почему омывающее Италию море и стали называть Тирренским, а усовершенствуя сухопутные силы, изобрели в высшей степени полезную на войне боевую трубу, которая получила от них название “тирренской”, кроме того, изобрели звания для полководцев, должность сопровождающих полководцев ликторов, кресло из слоновой кости и тогу с пурпурной каймой, а для домов изобрели круговые портики, весьма полезные для избавления от сутолоки прислуживающей черни: большинство из этих изобретений заимствовали римляне и, усовершенствовав их, приспособили для нужд своего государства. Кроме того, тиррены разработали письменность, учение о природе и учение о богах, и более всех народов разработали наблюдение за молниями. Поэтому до сих пор римляне, установившие свое господство почти во всем мире, восхищаются этими мужами и обращаются к ним как к толкователям Зевсовых знамений, являемых молниями. Обитая в необычай-

¹ *Cittadini L. Storia di Arezzo. Firenze, 1855. P. 5—55.*

но плодородной стране, они обрабатывают землю и получают обильные урожаи, достаточные не только для того, чтобы прокормиться, но и чтобы вести роскошный и изнеженный образ жизни. Два раза в день они накрывают богатый стол, пользуясь всем, что необходимо для изысканных удовольствий, приготовив разукрашенные покрывала и множество всевозможных серебряных сосудов, а также немалое число домашних слуг, из которых одни замечательны пригожим видом, а другие — одеждами более роскошными, чем те, которые подобает носить рабам. Разного рода особые жилища имеют среди них не только прислужники, но и большинство свободных. Вообще же, поскольку тиррены утратили воинский дух, к которому ревностно стремились в древности, и проводят жизнь за вином и в недостойной мужей изнеженности, то вполне закономерно, что они утратили и славу, добытую в войнах отцами. Появлению у них роскоши в немалой степени способствовали и замечательные условия их страны, поскольку, живя на земле, которая приносит всевозможные урожаи и необычайно плодородна, они получают в изобилии самые разные плоды»¹.

История Арретия богата событиями. После длительного периода процветания город в конце IV века до н. э. попал в орбиту римского влияния. Во время Второй Пунической войны Арретий сыграл важную роль в снабжении римских легионов, готовившихся вторгнуться в Африку. Так, по сведениям историка Тита Ливия, город поставил римлянам «три тысячи щитов и столько же шлемов, копья, галльские дротики, длинные копья — всего пятьдесят тысяч предметов, каждого вида оружия поровну, — а также то-

¹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. V. 40.

поры, заступы, косы, корзины, ручные мельницы, сколько этого нужно для сорока военных судов; сто двадцать тысяч модиев пшеницы и дорожных денег десятникам и гребцам»¹. Это очень важное свидетельство, указывающее на то, что Арретий и в конце III века до н. э. продолжал оставаться крупным центром ремесленного производства. Со II века до н. э. началась постепенная романизация местного этрусского населения. Пережив разорительные гражданские войны в первой половине I века до н. э. и приняв несколько волн римских колонистов, Арретий во второй половине века превратился в один из крупнейших городов Италии и стал надежнейшей опорой римской власти в регионе.

Вот в этом-то древнем и славном этруском городе родился и вырос Гай Цильний Меценат (*Gaius Cilnius Maecenas*). «Гай» — это обычное римское личное имя (*praenomen*). «Цильний» (*nomen*) — указывает на происхождение из могущественного рода Цильниев по материнской линии². «Меценат» — это не семейное прозвище (*cognomen*), как обычно было принято у римлян, а также указание (*nomen*) на происхождение из рода, в данном случае из рода Меценатов по отцовской линии³.

Семья Цильниев была самой знатной и богатой в Арретии. Источником ее богатства служили плодородные земли, окружавшие город⁴. Древ-

¹ *Тит Ливий*. XXVIII. 45. 16—17. Перевод М. Е. Сергеевко.

² Для этрусков было характерно вести свой род по материнской линии. См.: *Эргон Ж.* Повседневная жизнь этрусков. М., 2009. С. 106—107.

³ *Graverini L.* Mecenate, mecenatismo e poesia augustea // *Annali Aretini*. 2006 (12). P. 53—54.

⁴ *Немировский А. И.* Этрусски. От мифа к истории. М., 1983. С. 134—135.

ний род Цильниев восходил к этрусским царям (лукумонам) и некогда управлял Арретием. Римский историк Тит Ливий писал, что в 302 году¹ «восстала Этрурия, возбужденная мятежом арретинцев, которые взялись за оружие, чтобы изгнать могущественный род Цильниев из зависти к их богатству»². Недаром Август в одном из своих писем в шутку назвал Мецената «лазерпиций (очень дорогая приправа. — М. Б.) арретинский» и «сма-рагд Цильниев»³.

О родне Мецената по отцовской линии мы почти ничего не знаем. Известно лишь, что дедом нашего Мецената был всадник Гай Меценат, который в 91 году выступал в Риме против народного трибуна Марка Друза и о котором в связи с этим упоминает знаменитый оратор Марк Туллий Цицерон в своей речи «В защиту Авла Клуенция Габита» (153). Цицерон особо подчеркнул скромность деда Мецената и его приверженность всадническому сословию. Отец же Мецената, Луций Меценат, известен лишь тем, что в начальный период гражданской войны вместе с сыном перешел на сторону Октавиана, будущего императора Августа⁴. О том, что Луций Меценат действительно был отцом Гая Мецената, свидетельствует надпись на мраморном постаменте с Афинского акрополя:

¹ Здесь и далее все годы приводятся до нашей эры, кроме особо оговоренных случаев.

² *Тит Ливий*. X. 3. 2. Перевод Н. В. Брагинской.

³ *Макробий*. Сатурналии. II. 4. 12.

⁴ *Николай Дамасский*. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании. 117. XXXI. 133; *Andreae B.* Die Bildnisse des Gaius Cilnius Maecenas in Arezzo und an der Ara Pacis // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. 2005/2006. № 112. S. 125, 133.

«Народ (статую) Гая Мецената, сына Луция, (поставил) [Афине посвятил?]]»¹.

Меценат появился на свет 13 апреля², но год его рождения, к сожалению, неизвестен. Скорее всего, Меценат, как и блистательный Марк Випсаний Агриппа, был почти ровесником Октавиана, старше его не более чем на два-три года. Если это так, то год рождения Мецената приходится, вероятно, на 65 год³.

У этрусков, как и у римлян, при рождении ребенка не было принято пользоваться услугами врачей. Считалось, что повитухи в этом деле намного искуснее. По римскому обычаю (об этрусских обычаях сведений почти не сохранилось, но вряд ли они так уж сильно отличались от римских) после родов младенца клали у ног отца, который символически поднимал ребенка с земли и тем самым как бы принимал его в семью. Спустя девять дней следовали очистительные жертвы богам и, наконец, младенцу давали имя. По такому случаю в богатые дома приглашались ближайшие родственники и гости, которые дарили новорожденному амулеты, защищающие от злых духов, и первые игрушки. Устраивалось и небольшое пиршество. Забота о младенце возлагалась на его мать или рабыню-кормилицу. В богатых семьях мать редко заботилась о ребенке и весь груз ответственности ложился исключительно на кормилицу. К подрастающим мальчикам приставляли нескольких рабов-«педагогов», которые опекали своих питомцев, повсюду сопровождали их,

¹ *Inscriptiones Graecae*. III. 600. Перевод автора.

² *Гораций*. Оды. IV. 11. 13—20.

³ *Andreae B.* Op. cit. S. 134. Зарубежные исследователи предполагают, что Меценат родился между 74 и 64 годами до н. э.

учили хорошим манерам и нередко наказывали за непослушание¹.

Как же выглядел Арретий во времена детства и юности Мецената? Это был довольно крупный город, окруженный мощными крепостными стенами. Частные дома преобладали, а вот многоквартирных домов типа инсул (*insula*) было мало. Город прорезали прямые улицы, пересекавшиеся под прямыми углами. Их ширина составляла не более десяти метров; почти все они были вымощены каменными плитами, имели тротуары и сточные канавы. Причем ширина тротуаров колебалась от одного до двух метров, и они часто были значительно приподняты над мостовой, чтобы прохожие в непогоду не замочили ноги. В городе имелся водопровод, который снабжал не только общественные источники и фонтаны, но и частные дома.

Как и в других итальянских городах, центром общественной жизни был форум — центральная площадь, на которой находились основные общественные здания и храмы. Здесь обычно заседал городской совет, проводились выборы городских магистратов, совершались официальные жертвоприношения, разбирались судебные дела, заключались сделки и, конечно, велась бурная торговля. Летом здесь было очень жарко, тесно и пыльно, а в ненастную погоду — грязно и неудобно. От непогоды и жары можно было найти спасение в окружавших форум портиках.

Интересной особенностью древних итальянских форумов было обилие статуй великих людей и героев, а также отличившихся граждан города. На фо-

¹ Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995. С. 76—78; Сергеев М. Е. Жизнь в Древнем Риме. 2-е изд. СПб., 2000. С. 149—151.

руме в Арретии стояли почти те же статуи, что и на форуме Рима, а элегии, вырезанные на мраморных пьедесталах, воспевали подвиги не этрусских царей, а героев Рима — Ромула, Фабия Кунктатора и Эмилия Павла¹.

Однако основную роль на арретинском форуме все же играла торговля. Чем только здесь не торговали! И зерном, и тканями, и овощами, и фруктами, и сладостями, и вином, и мясом, и рыбой. Здесь же сидели менялы, ювелиры, медники, башмачники, торговцы готовыми кушаньями, варившие их в котлах. Здесь же прогуливались люди, завязывались знакомства, назначались свидания. Было очень шумно: кричали и бегали дети, а из портиков, где нередко устраивались начальные школы, доносилась брань учителей. Надо сказать, что такие школы имелись в каждом, даже самом захолустном городке. Они были исключительно частными, и открывали их обычно люди по своему желанию, без какой-либо регламентации со стороны государства². Античность не знала дипломов об образовании и судила о людях по наличию подлинных знаний. Учились в таких школах обычно дети из небогатых семей.

Нам неизвестно, как проходило детство Мецената, но очевидно, что оно мало отличалось от детства других римских детей из богатых семей, да и не только из богатых. Свое детство почти все дети того времени проводили в различных нехитрых играх и развлечениях, ну и, конечно, им приходилось учиться. Мальчишки охотно играли в кости, в орехи, в мяч, который перебрасывали друг другу или

¹ *Эргон Ж.* Указ. соч. С. 285.

² *Гиро П.* Указ. соч. С. 83; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 157.

бросали о стену, в кубарь (небольшой деревянный конус, обычно из букса), который вертели на земле с помощью специального ремня. Вот как описывал игру в кубарь поэт Вергилий:

Так от ударов бича кубарь бежит и кружится,
Если дети его на дворе запускают просторном;
Букс, гонимый ремнем, по дуге широкой несется,
И, позабыв за игрой обо всем, глядит и дивится
Дружно проворству его толпа простодушных мальчишек,
Пуше стараясь взбудорить кубарь ударами¹.

Играли также в войну, в суд, в гладиаторов, в цирковых возниц, в прятки, в чет или нечет, орел или решку, бегали взапуски, строили дворцы из песка, скакали на палочках, изображавших лошадей, и, конечно, мучили животных: привязывали к хвостам домашних животных разные предметы, запрягали мышей в маленькие повозки, ловили лягушат, держали птиц в клетках². Не забывали и проказничать. Так, если мальчишки хотели посмеяться над кем-либо, то они старались потихоньку привязать своей жертве сзади хвост или же, чтобы намекнуть обидчику, что он сильно смахивает на осла, приставляли обе ладони к своим ушам и тихонько ими помахивали³.

С семилетнего возраста начиналось обучение мальчиков. В знатных семьях уже с малых лет они знакомились с древними родовыми традициями; им рассказывали о великих деяниях предков, восковые маски которых хранились в специальном шкафу и были перед глазами каждый день. Отец показывал

¹ *Вергилий*. Энеида. VII. 378—383. Перевод С. Ошерова.

² *Гораций*. Сатиры. II. 3. 247, 248, 249, 251, 275; *Петроний*. Сатирикон. 46.

³ *Гораций*. Сатиры. II. 3. 53; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 315.

своим сыновьям, как ездить верхом, как обращаться с оружием, иногда лично учил читать, писать и считать. Мальчики из богатых семей, в отличие от других детей, получали начальное образование дома, и для них нанимали или покупали хороших учителей¹. Безусловно, и Меценат как отпрыск царского рода не посещал начальную школу для бедных, а учился дома у своего персонального учителя.

Образование детей бедняков ограничивалось начальной школой. Дети из состоятельных семей, напротив, продолжали учиться дальше и в 12—13 лет отправлялись в специальные грамматические школы. Здесь они углубляли свои знания латинского и греческого языков, читали и толковали произведения знаменитых греческих и латинских прозаиков и поэтов.

В 15—16 лет мальчик надевал белую мужскую тогу и становился полноправным членом общества. Он снимал с себя защитный амулет, подаренный ему в младенчестве, и вешал его в качестве жертвы около изображения ларов — божеств, охраняющих дом. Затем мальчик вместе с родителями отправлялся в храм для того, чтобы принести благодарственные жертвы богам². После этого отпрыски знатных родов обычно начинали военную службу или полностью отдавались политической карьере, поступая в школу какого-нибудь известного ритора.

В школе ритора юноши обучались ораторскому искусству и готовились к политической или судебной деятельности. Это был своего рода «университет» того времени, и обучение в такой школе стоило очень дорого. Ученики читали произведения

¹ Гиро П. Указ. соч. С. 82—83; Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 154.

² Гиро П. Указ. соч. С. 79.

знаменитых ораторов, усваивали специальные ораторские приемы, сочиняли речи на заданные темы, декламировали их перед соучениками¹. Учился ли Меценат в такой школе? Весьма вероятно, поскольку его собственные произведения, о которых будет сказано ниже, указывают на его знакомство с лучшими образцами греческой и латинской литературы.

Как и его дед и отец, Меценат по социальному положению был всадником и оставался им до самой смерти². Всадническое сословие занимало среднее положение между сенаторами и простыми гражданами (плебсом). Изначально всадники составляли основу римской кавалерии; позднее именно из них формировался офицерский костяк армии. В качестве отличительного знака они носили на пальце золотое кольцо и имели на тунике узкую пурпурную полосу. Всадники часто были весьма зажиточны, поскольку занимались в основном финансовыми делами: государственными подрядами и откупам, сбором податей, арендой казенных земель, банковским делом и торговлей³. Соответственно, становится понятно происхождение фантастического богатства Мецената, которое он, вероятно, частично получил по наследству, а частично приобрел во время гражданских войн. Ни для кого не было секретом, что Меценат, будучи всадником, происходил, как уже говорилось, из ро-

¹ Там же. С. 86; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 172—181.

² *Гораций.* Оды. III. 16. 20; *Проперций.* II. 1. 73; III. 9. 1; *Тациит.* Анналы. VI. 11; *Веллей Патеркул.* II. LXXXVIII. 2; *Марциал.* VIII. 55 (56). 9; X. 73. 4; XII. 3(4). 2; *Дион Кассий.* XLIX. 16. 2; LI. 3. 5; LV. 7. 1, 4.

³ *Гиро П.* Указ. соч. С. 319—322.

да этрусских царей-лукумонов¹, правивших некогда в Арретии и, очевидно, имевших не только значительные богатства, но и серьезные связи, прежде всего, с римской политической элитой. Известно также, что Меценат был приписан в Риме к Помптинской (*Pompina*) сельской трибе², в которую и входил Арретий.

Юноше из такой родовитой, царской семьи явно были предначертаны прямая дорога в Рим и блестящая политическая карьера. Но неумолимая судьба решила по-иному. Детство и юность Мецената пришлось на грозные годы, когда Римская республика агонизировала, и гражданские войны, свидетелем которых он, безусловно, был, наложили серьезный отпечаток на всё его мировоззрение.

Что же происходило с Римом в первой половине I века до н. э.?

В то время Рим представлял собой огромное, непомерно разросшееся государство, включавшее в себя множество провинций. Власть официально принадлежала римскому народу (квиритам), управляли которым, во-первых, сенат, состоявший из бывших магистратов и нобилей (аристократов), во-вторых, народное собрание, объединявшее всех римских граждан, и, в-третьих, магистраты, главными из которых были два консула, избиравшиеся ежегодно. Экономическое процветание Римской республики обеспечивали многочисленные рабы, трудившиеся во всех сферах производства. Серьезной проблемой являлось обезземеливание и, соответственно, обед-

¹ Гораций. Оды. I. 1. 1; III. 29. 1; Сатиры. I. 6. 1—2; *Проперций*. III. 9. 1; Элегия о Меценате. I. 13; *Марциал*. XII. 3 (4). 2; *Силий Италик*. VII. 29; X. 40; *Порфирий*. Комментарии к Горацию. Оды. I. 1.

² *Corpus Inscriptionum Latinarum*. VI. 21771.

нение свободного крестьянства, выходцы из которого устремлялись в города и пополняли собой городской плебс, требовавший только одного: «Хлеба и зрелищ!»

В 65 году подходила к концу третья кровопролитная война с понтийским царем Митридатом VI Евпатором, и главнокомандующий римскими войсками Гней Помпей Магн находился в зените своей славы. В результате его побед большая часть Малой Азии перешла под власть Рима; Селевкидское царство было официально упразднено и в 64 году превратилось в римскую провинцию.

В Риме же в это самое время нарастала острая политическая борьба между различными группировками. Луций Сергий Катилина, бывший соратник диктатора Суллы, организовал заговор с целью силой захватить консульскую власть и установить единоличное правление. Чтобы привлечь к себе максимальное количество соратников, он заявил, что отменит все долги, если получит должность консула. Однако Катилина провалился на выборах и вступил в прямой конфликт с консулом 63 года Марком Туллеем Цицероном, которому удалось раскрыть заговор и арестовать некоторых заговорщиков, угрожавших его жизни. В итоге Катилина бежал в Этрурию, где с помощью своих соратников собрал огромное войско из бывших ветеранов Суллы, и двинулся на Рим. В битве при Пистории 5 января 62 года легионы Катилины были разгромлены правительственными войсками, а сам он погиб в бою¹.

В 62 году с Востока в Италию возвратился победитель Гней Помпей со своей армией. Высадив

¹ *Саллюстий*. О заговоре Катилины; *Плутарх*. Цицерон. 10—23; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 2—7.

шись в Брундизии, он, как положено, распустил свои войска. Отпраздновав великолепный триумф, он вскоре столкнулся с противодействием сената по вопросу наделения землей его ветеранов. Более того, сенат, опасаясь растущего авторитета Помпея, отказал ему в консульской должности и не утвердил все его распоряжения на Востоке¹. Ситуация в Риме стала накаляться.

Чтобы сломить сопротивление сената, Помпей заключил в 60 году негласное соглашение с двумя крупнейшими политическими деятелями — Марком Лицинием Крассом и Гаем Юлием Цезарем. Это соглашение вошло в историю как «первый триумvirат»². Заключая соглашение, каждый из политиков преследовал собственные цели: Помпей стремился обеспечить земельными наделами своих ветеранов и утвердить свои распоряжения на Востоке; Красс как представитель всаднического сословия был заинтересован в укреплении своей власти и власти всадников в провинциях; а Цезарь, будучи выразителем интересов городского плебса, стремился к консульской должности.

В 59 году Юлий Цезарь при поддержке Помпея и Красса был избран консулом. Это позволило триумвирам не только расширить свое политическое влияние, но и провести ряд важнейших законов в свою пользу. Второй консул Кальпурний Бибул, являвшийся представителем сенатской олигархии, фактически оказался не у дел. Авторитет Цезаря стремительно рос, и в итоге его консульство превратилось практически в единоличное правление³.

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 9; *Плутарх*. Помпей. 43.

² *Плутарх*. Помпей. 47.

³ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 10—13; *Плутарх*. Помпей. 47, 48; Цезарь. 14.

Более того, по истечении срока консульских полномочий Цезарь добился для себя пятилетнего наместничества в провинциях Цизальпинская Галлия, Нарбонская Галлия и Иллирик, что открывало для него огромные возможности для обогащения.

Чтобы сохранить свое политическое влияние после отъезда в провинции, Цезарь привлек на свою сторону народного трибуна Публия Клодия Пульхра. Это был достаточно популярный среди городского плебса человек, отличавшийся крайней беспринципностью, весьма неуравновешенным характером и склонностью к авантюризму. Однако, проведя несколько важных законов в пользу плебса, он обеспечил себе народную поддержку и сумел добиться временного изгнания из Рима Цицерона — крупнейшего представителя сенатской олигархии и противника Юлия Цезаря¹.

С 58 года Юлий Цезарь находился вне Рима и проводил широкую завоевательную политику в Галлии (современная территория Франции и Бельгии), населенной различными кельтскими племенами. В итоге уже к 56 году под властью Рима оказалась огромная территория от реки Рейн до Пиренейских гор. Цезарь даже высадился в Британии, но сил на завоевание этой страны у него не хватило. Тем не менее за несколько лет завоевательной войны в руки Цезаря в качестве военных трофеев попали огромные богатства, значительная часть которых была использована им для подкупа римских политиков.

В середине 50-х годов политическая ситуация в Риме вновь обострилась. В отсутствие Цезаря меж-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 14—15; *Плутарх*. Помпей. 48; Цезарь. 14.

ду Помпеем и Крассом началась непримиримая вражда, и триумvirат грозил распасться. Кроме того, народный трибун Клодий стал выступать против Помпея, постепенно сближавшегося с олигархами. Помпей же, в свою очередь, заподозрил в нападениях Клодия прямое влияние Цезаря¹. Чтобы спасти триумvirат и продлить свои полномочия в Галлии, Юлий Цезарь решил принять экстренные меры. По его инициативе в 56 году триумvиры собрались на встречу в городе Луке в Северной Этрурии, где состоялся большой совет с участием значительного числа сенаторов, специально прибывших из Рима. Триумvиры договорились о следующем: Цезарю еще на пять лет продлевается наместничество в Галлии, Помпей и Красс становятся консулами 55 года, а по истечении полномочий Помпей получает Испанию и Африку, а Красс — Сирию². Решения триумvиров в Луке были автоматически проведены через народное собрание и сенат и вскоре стали государственными законами, что фактически означало ликвидацию независимых республиканских учреждений. Против этого резко выступили не только плебеи во главе с Клодием, но и олигархи под руководством Цицерона и Катона Младшего. Назревал новый виток политического кризиса.

В конце 55 года Красс отправился в провинцию Сирия, собрал огромное войско и двинулся завоевывать Парфию, где в то время начался династический конфликт. Видимо, ему не давали покоя лавры Помпея. В 54 году войска Красса переправились через Евфрат и захватили несколько городов, однако затем удача отвернулась от римлян. В

¹ *Плутарх*. Помпей. 48, 49.

² Там же. 51, 52; Цезарь. 21; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 17—18.

мае 53 года армия Красса была атакована превосходящими силами парфян у города Карры. Началась кровавая бойня, и римские войска были вынуждены обратиться в бегство. Самого Красса, отступившего к местечку Синнака, парфяне заманили якобы для переговоров и коварно убили 9 июня того же года¹. Огромная армия Красса была почти полностью уничтожена. Лишь отряд Гая Кассия, квестора Красса, чудом уцелел и сумел добраться до римской провинции.

Не менее драматично для римлян разворачивались события в Галлии, где в 54—52 годах произошло несколько восстаний местного населения, недовольного римскими порядками. И хотя эти восстания были успешно подавлены Цезарем, он не учел, что галлы способны сплотиться и выдвинуть талантливую лидера. В 52 году вспыхнуло самое мощное галльское восстание под руководством вождя племени арвернов Верцингеторига. Римляне были застигнуты врасплох и не смогли его быстро подавить. Долгой и упорной была борьба восставших галлов против своих поработителей. В конце концов Цезарь осадил главный оплот восставших — укрепленный город Алезию, где укрылся Верцингеториг со своими главными силами.

По сообщению Плутарха, «во время осады этого города, казавшегося неприступным из-за высоких стен и многочисленности осажденных, Цезарь подвергся огромной опасности, ибо отборные силы всех галльских племен, объединившихся между собой, прибыли к Алезии в количестве трехсот тысяч человек, в то время как число запершихся в городе было не менее ста семидесяти тысяч. Стиснутый

¹ *Плутарх*. Красс. 23—27, 29—31.

и зажатый меж двумя столь большими силами, Цезарь был вынужден возвести две стены: одну — против города, другую — против пришедших галлов, ибо было ясно, что если враги объединятся, то ему конец. Борьба под Алезией пользуется заслуженной славой, так как ни одна другая война не дает примеров таких смелых и искусных подвигов. Но более всего удивительно, как Цезарь, сразившись с многочисленным войском за стенами города и разбив его, проделал это незаметно не только для осажденных, но даже и для тех римлян, которые охраняли стену, обращенную к городу. Последние узнали о победе не раньше, чем услышали доносящиеся из Алезии плач и рыдания мужчин и женщин, которые увидели, как римляне с противоположной стороны несут в свой лагерь множество щитов, украшенных серебром и золотом, панцирей, залитых кровью, множество кубков и галльских палаток. Так мгновенно, подобно сну или призраку, была уничтожена и рассеяна эта несметная сила, причем большая часть варваров погибла в битве»¹. К концу 51 года Галлия была полностью усмирена и окончательно покорена римлянами.

Чем же занимался в это время Помпей? Он оставался в Риме, постепенно сближаясь с сенатской олигархией и всё больше влияя на государственную политику. Это не могло не тревожить Юлия Цезаря, особенно после того, как он получил известие о гибели Красса в Парфии. Триумvirат прекратил свое существование, и на политической арене лицом к лицу оказались два непримиримых противника. За Помпеем стояли сенат и все Римское государство, а за Цезарем — неисчислимы богатства покоренной

¹ *Плутарх. Цезарь. 27.*

Галлии. Чтобы подорвать авторитет и могущество Помпея, Цезарь на первых порах прибег к надежному и давно проверенному способу — подкупу политических лидеров, благо денег у него теперь было в изобилии¹.

28 февраля 52 года Помпей впервые в истории Рима был избран консулом без коллеги и тем самым стал фактически единоличным правителем Римского государства. За ним также сохранялись наместничество в испанских провинциях и широкие полномочия по снабжению Рима². Популярность Помпея стремительно росла, и после окончания своих консульских полномочий он стал задумываться о том, как бы ему избавиться от Цезаря. Сенат же начал готовить законопроект, согласно которому Цезарь должен распустить свою армию, сложить с себя власть наместника и отчитаться перед сенатом о своей деятельности в Галлии.

1 марта 50 года истекли полномочия Цезаря в Галлии. На заседании сената его сторонники потребовали, чтобы одновременно с Цезарем все свои чрезвычайные полномочия сложил и Помпей³. Однако это предложение не получило поддержки. Сенату было нужно, чтобы Цезарь распустил свои войска, ибо в противном случае он представлял угрозу для республиканского строя. 1 декабря состоялось очередное заседание сената, и вопрос о полномочиях Цезаря снова не был окончательно решен.

Тем не менее 1 января 49 года сенат проголосовал за лишение Цезаря всех полномочий и прика-

¹ *Плутарх*. Помпей. 53, 57; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 19.

² *Плутарх*. Помпей. 54; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 23.

³ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 27.

зал ему распустить армию. Цезарь оказался перед дилеммой — либо война с сенатом и Помпеем, либо забвение. Он выбрал войну, благо на его стороне была значительная политическая группировка, отражавшая интересы самых разных слоев населения, а также огромная армия, закаленная в боях с галлами и заинтересованная в получении земельных наделов. 7 января сенат объявил Цезаря вне закона и приказал Помпею набирать войска¹.

В ночь с 10 на 11 января 49 года Юлий Цезарь переправился со своими войсками через пограничную реку Рубикон, которая являлась границей между Цизальпинской Галлией и Италией, и тем самым объявил войну своему собственному государству². По словам Плутарха, когда он приблизился к речке, «он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение. Затем он поделился своими сомнениями с присутствовавшими друзьями, среди которых был и Азиний Поллион; он понимал, началом каких бедствий для всех людей будет переход через эту реку и как оценит этот шаг потомство. Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: “Пусть будет брошен жребий!” — и двинулся к переходу»³.

Противоборствующие силы были приблизительно равны, но монолитная и дисциплинирован-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 32—33, 34.

² *Плутарх*. Помпей. 60; Цезарь. 32; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 35.

³ *Плутарх*. Цезарь. 32.

ная армия Цезаря имела огромный опыт, а войска Помпея были раздроблены, находились вне Италии и более десяти лет не участвовали в сражениях. Кроме того, Цезарь решил воспользоваться фактором внезапности и долгое время делал вид, что собирается распустить легионы и уйти в отставку. Даже в Италию он прибыл всего с одним легионом и накануне переправы через Рубикон демонстративно устроил большой прощальный пир, чтобы ввести в заблуждение Помпея и сенат¹.

Перейдя через Рубикон, Юлий Цезарь стремительно двинулся по Фламиниевой дороге и встретил серьезное сопротивление лишь у города Корфиния, где три легиона Помпея пытались остановить его. Однако после проникновенных уговоров и многочисленных обещаний Цезаря они перешли на его сторону. Сенат и Помпей были в панике, так как набор новобранцев проводить было некогда, а вызывать войска из Африки и Испании уже поздно. 17 марта Помпей покинул Италию и перебрался в Грецию, дабы собрать там свои легионы и подготовиться к решающей битве². Вместе с ним из Рима бежали многие сенаторы, опасавшиеся за свою жизнь.

1 апреля 49 года Юлий Цезарь вступил в Рим практически без всякого сопротивления и захватил государственную казну. Затем он объявил набор в армию и значительно пополнил свои войска. Понимая, что к прямому столкновению с Помпеем он еще не готов, Цезарь отправился с несколькими легионами в Испанию, чтобы разбить находившиеся там восемь легионов своего противника. В бою при

¹ Там же. 32.

² *Плутарх*. Помпей. 62; Цезарь. 34, 35; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 38, 40.

Илерде 2 августа 49 года деморализованные войска Помпея, лишённые своего полководца, находившегося в Греции, сдались и перешли на сторону Цезаря¹. Потеря восьми легионов больно ударила по самолюбию Помпея, однако в его распоряжении находились ещё огромные ресурсы восточных провинций и около десяти легионов, набранных в Греции.

В конце ноября 49 года Цезарь вернулся в Рим. Он решил не ждать, пока Помпей накопит ещё большие силы, а всего с шестью легионами стремительно двинулся в Грецию. В начале 48 года он высадился около города Орик и направился к Диррахию, но путь ему преградила армия Помпея. В июне, после нескольких месяцев бесплодного маневрирования, Цезарь потерпел поражение в битве при Диррахии. От гибели его спасла лишь странная нерешительность Помпея, прекратившего преследование².

Потрёпанные легионы Цезаря отошли в Фессалию на отдых, а Помпей стал наращивать силы для решающей битвы. 9 августа 48 года войска непримиримых врагов встретились при Фарсале³. И хотя численность войск Помпея была почти в два раза больше, в кровопролитном сражении главную роль сыграл полководческий талант Цезаря. По сообщению Плутарха, «когда Помпей с противоположного фланга увидел, что его конница рассеяна и бежит, он перестал быть самим собою, забыл, что он

¹ *Плутарх*. Помпей. 62; Цезарь. 35; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 41, 42—43.

² *Плутарх*. Помпей. 65; Цезарь. 39; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 55—62.

³ О битве при Фарсале подробнее см.: *Цезарь*. Гражданская война. III. 92—96; *Плутарх*. Помпей. 69—72; Цезарь. 44—45; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 65—82.

Помпей Магн. Он походил скорее всего на человека, которого божество лишило рассудка. Не сказав ни слова, он удалился в палатку и там напряженно ожидал, что произойдет дальше, не двигаясь с места до тех пор, пока не началось всеобщее бегство и враги, ворвавшись в лагерь, не вступили в бой с караульными. Тогда лишь он как бы опомнился и сказал, как передают, только одну фразу: “Неужели уже дошло до лагеря?” Сняв боевое убранство полководца и заменив его подобающей беглецу одеждой, он незаметно удалился»¹. Армия Помпея была полностью разбита, а сам он бежал в Египет, где его предательски убили 29 сентября по приказу юного царя Птолемея XIII.

Прибыв следом за Помпеем в Египет, Юлий Цезарь был втянут в серьезный династический конфликт, вспыхнувший между Птолемеем XIII и его сестрой Клеопатрой VII. Цезарь не устоял перед чарами юной Клеопатры и влюбился в нее. В ходе разгоревшейся в 47 году вооруженной борьбы за престол Птолемей XIII был убит, а трон получила Клеопатра VII. Сам Цезарь чуть не погиб в Александрии в ходе конфликта, получившего впоследствии название «Александрийская война». Печальным итогом этой войны стал большой пожар в Александрийской библиотеке, уничтоживший десятки тысяч ценнейших книг².

Долгое пребывание Цезаря в Египте негативно повлияло на политическую ситуацию в Риме. Его противники вновь стали собираться с силами. Кроме того, в Африке до сих пор находились шесть преданных помпеянцам легионов, а перешедшие

¹ *Плутарх*. Цезарь. 45.

² Там же. 49; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 90.

на сторону Цезаря испанские легионы взбунтовались и призвали к себе двух сыновей Помпея — Гнея и Секста. Наконец, боспорский царь Фарнак, сын погибшего в 63 году понтийского царя Митридата VI Евпатора, незаконно вернул себе отцовские земли, а заодно захватил огромные территории в Малой Азии.

Первым противником, с которым решил покончить Цезарь, стал царь Фарнак. Переправившись в Малую Азию, римские войска 2 августа 47 года в битве при Зеле разгромили армию боспорского царя. Упомянув именно об этой победе, Цезарь написал в своем письме сенату: «Пришел, увидел, победил»¹. Прибыв после этого в Рим, он обратился к внутренним делам государства, провел серию успешных реформ, наделил земельными участками своих ветеранов, выплатил им щедрые награды. Нормализовав ситуацию в Италии, Цезарь перешел к решению следующей проблемы и отправился с пятью легионами в Африку. 6 апреля 46 года в сражении при Тапсе легионы помпеянцев были полностью разбиты, и вся провинция сдалась на милость Цезаря².

Возвратившись в Рим 25 июля 46 года, Юлий Цезарь торжественно отпраздновал четыре триумфа (галльская, александрийская, понтийская и африканская кампании)³. Римский триумф представлял собой чрезвычайно пышное зрелище. Провозглашенный «императором» и удостоенный триумфа военачальник облачался в роскошную пурпурную тогу, расшитую золотыми нитями; лицо его по-

¹ *Плутарх*. Цезарь. 50; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 91.

² *Плутарх*. Цезарь. 52—53; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 95—97.

³ *Плутарх*. Цезарь. 55; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 101.

крывали киноварью. В одну руку он брал лавровую ветвь, а в другую — скипетр из слоновой кости с изображением орла. Затем триумфатор садился в специальную золотую триумфальную колесницу. Рядом с ним стояли его дети, а сзади — общественный раб, который держал над его головой золотой венок и время от времени говорил ему: «Помни, что ты смертный человек». Шествие открывали магистраты и сенаторы, а за ними шли трубачи. Непосредственно перед колесницей везли трофеи и добычу, захваченную у противника. За колесницей шествовали легионы триумфатора, участвовавшие в битвах. Вся эта пышная процессия медленно вступала в Рим и двигалась к Капитолию, где триумфатор торжественно приносил жертву Юпитеру¹.

Однако Цезарь не мог быть полностью удовлетворен, поскольку оставались еще сыновья Помпея — Секст и Гней, вставшие во главе испанских легионов их отца. Пришлось отправляться в Испанию. 17 марта 45 года произошло кровопролитное сражение при Мунде. Войска Цезаря одержали победу над помпеянами, но досталась она ценой невероятного напряжения и очень больших усилий². Это была последняя военная кампания Юлия Цезаря.

Отпраздновав в октябре 45 года испанский триумф, Цезарь стал единоличным правителем Римской державы. Сенат провозгласил его вечным диктатором, «отцом отечества»; также он получил пожизненные полномочия народного трибуна, полномочия цензора, сан великого понтифика, постоянный проконсульский империй, то есть постоян-

¹ Гиро П. Указ. соч. С. 474—475.

² Плутарх. Цезарь. 56; Аппиан. Гражданские войны. II. 103—105.

ную власть над провинциями. Временное воинское звание «император» стало его постоянным титулом¹, то есть теперь Цезарь рассматривался как постоянный носитель высшей военно-административной власти и стал именоваться «Император Гай Юлий Цезарь».

Совсем немного отделяло Цезаря от титула монарха. Несколько раз его пытались провозгласить царем, но он театрально отказывался, выжидая подходящего случая². Кроме того, Цезарь предпринимал серьезные шаги к обожествлению своей особы и настойчиво развивал идею, что родоначальницей рода Юлиев является не кто иная, как сама богиня Венера и что он ее прямой потомок. Носил Цезарь и соответствующее одеяние, подчеркивающее его положение: пурпурный плащ триумфатора, лавровый венок, красного цвета «царские» сапоги. Все понимали, что провозглашение Цезаря царем — это лишь вопрос времени. Да и политика, которую он проводил, была призвана подготовить римский народ к новой политической реальности и последующему установлению монархического правления. Римская республика уходила в прошлое, и на ее месте формировалась Римская средиземноморская империя, управление которой было несовместимо с республиканскими принципами.

Весной 44 года против Цезаря был организован заговор. Заговорщики, лидерами которых являлись Гай Кассий Лонгин, Марк Юний Брут и Децим Юний Брут, были наиболее ярыми республиканцами и считали своим идейным вдохновителем Марка Туллия Цицерона. Они полагали, что убий-

¹ *Аппиан. Гражданские войны. II. 106.*

² *Там же. II. 107—109.*

ство Юлия Цезаря, «тирана», как они его называли¹, приведет к возрождению республиканского строя и сворачиванию монархических структур. Однако они жестоко просчитались. После гибели Цезаря в римском обществе произошел раскол на республиканцев и цезарианцев. Это стало причиной новых многолетних и кровопролитных гражданских войн.

На 15 марта 44 года было назначено заседание римского сената, и заговорщики посчитали именно этот день наиболее удобным для осуществления своих планов. Юлий Цезарь, колебавшийся из-за дурных предзнаменований, решил остаться дома, но, поддавшись на коварные уговоры Децима Брута, все же отправился в сенат. Как только он вошел в курию Помпея и уселся в свое кресло, его окружила толпа заговорщиков. Один из них, Луций Тиллий Цимбр, начал просить о помиловании своего брата, а затем внезапно схватил Цезаря за тогу. Это был сигнал для остальных².

По свидетельству Плутарха, «Каска первым нанес удар мечом в затылок; рана эта, однако, была неглубока и несмертельна: Каска, по-видимому, вначале был смущен дерзновенностью своего ужасного поступка. Цезарь, повернувшись, схватил и задержал меч. Почти одновременно оба закричали: раненый Цезарь по-латыни “Негодяй Каска, что ты делаешь?”, а Каска по-гречески, обращаясь к брату, — “Брат, помоги!” Непосвященные в заговор сенаторы, пораженные страхом, не смели ни бежать, ни защищать Цезаря, ни даже кричать. Все заговорщики, готовые к убийству, с обнаженными меча-

¹ Там же. II. 111, 114.

² Светоний. Божественный Юлий. 82. 1; Плутарх. Цезарь. 63—65, 66; Брут. 17; Аппиан. Гражданские войны. II. 117.

ми окружили Цезаря: куда бы он ни обращал взор, он, подобно дикому зверю, окруженному ловцами, встречал удары мечей, направленные ему в лицо и в глаза, так как было условлено, что все заговорщики примут участие в убийстве и как бы вкусят жертвенной крови. Поэтому и Брут нанес Цезарю удар в пах. Некоторые писатели рассказывают, что, отбиваясь от заговорщиков, Цезарь метался и кричал, но, увидев Брута с обнаженным мечом, накинул на голову тогу и подставил себя под удары. Либо сами убийцы оттолкнули тело Цезаря к цоколю, на котором стояла статуя Помпея, либо оно там оказалось случайно. Цоколь был сильно забрызган кровью. Можно было подумать, что сам Помпей явился для отмщенья своему противнику, распростертому у его ног, покрытому ранами и еще содрогавшемуся. Цезарь, как сообщают, получил двадцать три раны. Многие заговорщики переранили друг друга, направляя столько ударов в одно тело»¹. Так погиб великий полководец и политик Юлий Цезарь.

Сразу после убийства заговорщики с криками, что они убили тирана и вернули римлянам свободу, ринулись на форум, но затем, испугавшись, что за ними никто не последовал, укрепились с отрядами преданных рабов и гладиаторов на Капитолии. Когда на следующий день 16 марта к заговорщикам присоединились некоторые сенаторы, Марк Брут выступил перед толпой на форуме с пламенной речью, призывая восстановить подлинно республиканское правление. Но его речь не встретила сочувствия у растерянного народа, и Брут вновь укрылся с товарищами на Капитолии².

¹ *Плутарх*. Цезарь. 66.

² Там же. 67; Брут. 18; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 119—120, 121—123.

Марк Антоний, консул 44 года, и Марк Эмилий Лепид, начальник конницы Цезаря, хотели незамедлительно отомстить за убийство Цезаря, благо у них были и силы, и средства, но побоялись, что сенат встанет на сторону заговорщиков. Начались переговоры между сторонниками Цезаря и заговорщиками, в результате которых было решено созвать сенат и совместно решить все вопросы. Тем не менее 16 марта Лепид ввел в Рим верные ему войска и занял форум, а Антоний послал гонцов к ветеранам Цезаря в Кампанию¹.

17 марта состоялось заседание сената в храме Земли, но заговорщики на него не явились. Было внесено предложение объявить Юлия Цезаря «тираном» и вознаградить его убийц. Однако выступление Марка Антония, резонно заявившего, что коль скоро Цезарь будет объявлен «тираном», то необходимо отменить все его законы и назначения, резко охладило пыл сенаторов. Ведь многие из них получили свои должности как раз из рук «тирана» и, безусловно, не хотели с ними расставаться. В итоге было решено амнистировать заговорщиков, но не объявлять Цезаря «тираном», не одобрять его убийства, оставить в силе все его распоряжения, а тело диктатора торжественно захоронить на Марсовом поле, лежащем в излучине реки Тибр, где обычно проводились народные голосования, спортивные соревнования и военные смотры². Это решение устроило как лидеров заговорщиков, так и лидеров цезарианцев.

По требованию Луция Кальпурния Пизона, тестя Цезаря, 19 марта было оглашено завещание по-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 118.

² *Плутарх*. Брут. 19; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 128—129, 135.

койного диктатора, хранившееся у весталок. В этом завещании Цезарь, помимо всего прочего, объявлял главным наследником своего огромного состояния Гая Октавия, внука своей сестры Юлии, усыновлял его и передавал ему свое имя. Народу он завещал свои сады за Тибром и по 300 сестерциев каждому гражданину¹. То, что в завещании был упомянут Децим Брут — один из убийц Цезаря, вызвало явное возмущение граждан.

В день похорон Цезаря 20 марта 44 года на Марсовом поле был возведен огромный погребальный костер, а перед ростральной трибуной на форуме — нечто вроде позолоченного храма, внутри которого стояло ложе из слоновой кости с телом Цезаря, а рядом столб с окровавленной одеждой, в которой он был убит. По обычаю были проведены погребальные игры, во время которых исполнялись отрывки из различных трагедий. Затем Марк Антоний взял слово, но вместо похвальной речи он приказал зачитать глашатаю постановление сената о присуждении Цезарю божественных почестей². Потом он все же произнес несколько слов от себя, всячески выражая негодование произошедшим, а затем схватил окровавленную одежду Цезаря и, потрясая ею, назвал убийц душегубами и подлецами³. Слова Антония возбудили толпу, и обезумевший народ ринулся к погребальному ложу и поджег постройку. На импровизированный костер стали сваливать скамейки, судейские кресла и всё, что попадалось под руку. Началась массовая истерия; многие люди срывали с

¹ *Светоний*. Божественный Юлий. 83. 1—2; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 136.

² *Светоний*. Божественный Юлий. 84. 1—2.

³ *Плутарх*. Антоний. 14; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 144—146.

себя богатые одежды и швыряли их в костер; легионеры, сражавшиеся под руководством Цезаря, кидали в огонь свое оружие. После погребения народ бросился к домам заговорщиков и попытался поджечь их. По ошибке был убит встретившийся на пути толпы несчастный Гай Гельвий Цинна, которого спутали с истинным заговорщиком Луцием Корнелием Цинной¹. Заговорщики, испуганные народным буйством, в начале апреля спешно покинули Рим и бежали: Децим Брут — в Цизальпинскую Галлию, ранее назначенную ему по приказу Цезаря, Тиллий Цимбр — в Вифинию², а Марк Брут и Кассий — в италийские поместья своих друзей.

Сложно сказать, где находился Меценат в эти страшные мартовские дни после убийства Цезаря, поскольку источники об этом, к сожалению, умалчивают. Однако совершенно ясно, что и сам Гай Меценат и его отец Луций были возмущены подлым убийством Цезаря и весьма обеспокоены сложившейся ситуацией в Риме. Доподлинно неизвестно, был ли отец Мецената цезарианцем. Вероятнее всего, что все же он им был, поскольку позднее принял решение присоединиться к Октавию, наследнику Цезаря, и отомстить за убийство диктатора.

Тем временем Марк Антоний, бывший одним из самых близких соратников Юлия Цезаря, решил занять место убитого диктатора. С позволения вдовы Цезаря Кальпурнии еще в ночь с 15 на 16 марта он наложил руку на архив Цезаря, содержащий в том числе секретные документы, а также конфисковал все денежные суммы, хранившиеся у диктатора. От

¹ *Светоний*. Божественный Юлий. 84. 3—4; 85; *Плутарх*. Цезарь. 68; Брут. 20; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 147—148.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 2.

имени Цезаря Антоний стал издавать законы, якобы найденные среди бумаг покойного, отдавать распоряжения и назначать своих людей на высшие должности. Он пытался руководить государством единолично и даже заставил сенат разрешить ему иметь личную охрану, численность которой довел до шести тысяч человек¹. Однако Антоний был вынужден считаться с сильной оппозицией в сенате, весьма сочувствующей заговорщикам.

И тут неожиданно для всех в Рим прибыл Гай Октавий Фурин — официальный наследник убитого диктатора. Отец его, тоже Гай Октавий, был римским сенатором, но прожил недолго и умер в 59 году в возрасте сорока двух лет, возвращаясь из Македонии, наместником которой он являлся, так и не успев выдвинуть свою кандидатуру на консульство. Его жена Атия была дочерью Юлии, родной сестры Юлия Цезаря. После смерти своего мужа она через некоторое время вступила в новый брак, и у четырехлетнего Гая Октавия появился отчим — консуляр Луций Марций Филипп².

Октавий родился 23 сентября 63 года в Риме, в консульство Марка Туллия Цицерона и Гая Антония Гибриды. С детства он пользовался вниманием со стороны своего внучатого дяди Юлия Цезаря, который следил за развитием мальчика и постепенно привлекал его к политической жизни, назначал на небольшие государственные должности, например, ввел в коллегию понтификов³.

К середине 44 года Цезарь планировал военный поход против Парфии, желая, очевидно, отомстить

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. II. 125; III. 5, 17; *Плутарх*. Антоний. 15.

² *Светоний*. Божественный Август. 3. 1—2; 4. 1; 8. 2.

³ Там же. 5, 7.

за поражение римлян при Каррах. Для этой цели он приказал собрать в Греции около шестнадцати легионов и более десяти тысяч всадников. Октавия Цезарь отправил в эфирский городок Аполлонию, где находился экспедиционный штаб, чтобы юноша готовился к парфянскому походу и посвящал свой досуг занятиям и тренировкам¹. Вместе с ним в Аполлонию отправились его близкие друзья детства, в том числе Марк Випсаний Агриппа. Некоторые историки не исключают того, что среди друзей детства Октавия мог находиться и молодой Меценат.

Узнав о смерти Юлия Цезаря, восемнадцатилетний Октавий долго колебался и советовался с друзьями, что ему предпринять в сложившейся ситуации. К Октавию прибыли центурионы легионов и наперебой предлагали свою поддержку. Однако Октавий решил пока не обращаться к помощи армии, а прежде разузнать поподробнее, что происходит в Риме. Поэтому он как частное лицо отправился с верными друзьями в Италию, но высадился не в Брундизии (современный Бриндизи), а в порту небольшого городка Лупии в Калабрии². Здесь Октавий сразу стал собирать информацию и налаживать связи с людьми, готовыми поддержать его и оказать необходимую помощь.

Узнав все подробности об убийстве Цезаря и о содержании его завещания, Октавий отправился в Брундизий к стоявшим здесь легионам. Мать и отчим категорически настаивали, чтобы он отказался от опасного наследства и имени Цезаря, но Октавий решил по-своему, и на это у него была веская причина. По сообщению историка Светония, «в быт-

¹ *Светоний*. Божественный Август. 8. 2; *Аппиан*. Гражданские войны. II. 110; III. 9.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 10.

ность свою в Аполлонии он поднялся с Агриппой на башню к астрологу Феогену. Агриппа обратился к нему первый и получил предсказание будущего великого и почти невероятного; тогда Август (то есть Октавий. — *М. Б.*) из стыда и боязни, что его доля окажется ниже, решил скрыть свой час рождения и упорно не хотел его называть. Когда же после долгих упрасиваний он нехотя и нерешительно назвал его, Феоген вскочил и благоговейно бросился к его ногам»¹. Таким образом, Октавий уже в юности получил недвусмысленное указание на свое великое будущее.

Войско с воодушевлением встретило юного наследника Цезаря, и Октавий, в соответствии с завещанием, принял новое имя — Гай Юлий Цезарь Октавиан². Последнее прозвище — Октавиан, являвшееся измененным вариантом его родового имени, как раз и указывало на усыновление. Из Брундизия Октавиан 18 апреля отправился в Неаполь, а затем к Цицерону, который в это время находился на своей вилле близ Путеол. Цицерон имел с ним, а также с его отчимом Луцием Марцием Филлипом и зятем Гаем Клавдием Марцеллом долгий и обстоятельный разговор о вступлении в наследство. Октавиан вел себя так обходительно и подобострастно³, что ему удалось ввести в заблуждение такого прожженного политика, как Цицерон. Полностью уверенный, что Октавиан на его стороне, Цицерон пообещал ему свою поддержку в сенате и народном собрании в обмен на защиту от Антония. По мнению Плутарха, «Цицерона сблизила с Цезарем прежде всего ненависть к Антонию, а затем

¹ *Светоний*. Божественный Август. 94. 12.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 11.

³ *Цицерон*. Письма. DCCXVI. 2 (К Аттику. XIV. 12. 2).

собственная натура, столь жадная до почестей. Он твердо рассчитывал присоединить к своему опыту государственного мужа силу Цезаря, ибо юноша заискивал перед ним настолько откровенно, что даже называл отцом»¹.

Заручившись поддержкой Цицерона и стоявших за ним заговорщиков, Октавиан отправился в Рим, куда и прибыл в конце апреля с небольшой свитой. Как и положено, он явился к претору Гаю Антонию, брату Марка Антония, и официально заявил о принятии наследства. 9 мая Октавиан был представлен народному собранию и произнес небольшую речь о своем вступлении в наследство, а также поклялся незамедлительно выплатить народу по 300 сестерциев в соответствии с завещанием Цезаря². Затем Октавиан отправился к Марку Антонию, который, желая унижить юношу, заставил его долгое время ждать приема у ворот. Когда же он, наконец, встретился с Антонием и потребовал вернуть бумаги Цезаря, а также дать отчет о потраченных деньгах из запасов диктатора, то в ответ услышал только грубости. Антоний был крайне недоволен беспочвенными, как он считал, требованиями молодого выскочки и заявил, что власть путем завещания не передается и что все деньги Цезаря потрачены³. В результате они расстались, будучи уже непримиримыми врагами.

Антоний стал всячески препятствовать официальному оформлению усыновления Октавиана Цезарем, а также начал распространять про юношу порочащие слухи. Одновременно в Рим стали сте-

¹ *Плутарх*. Цицерон. 45.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 14; *Дион Кассий*. XLV. 6.

³ *Плутарх*. Антоний. 16; *Аппиан*. Гражданские войны. III. 15—20.

каться толпы ветеранов — сторонников Октавиана, требовавших мести за смерть Цезаря. Денег для раздачи народу Октавиан добыть не смог, поэтому продал всё свое имущество, в том числе унаследованное, а также имущество матери и отчима, чтобы, согласно завещанию Цезаря, раздать каждому римлянину по 300 сестерциев¹. Это во многом способствовало резкому росту его популярности среди народа.

3 июня 44 года Антоний добился через народное собрание предоставления ему пятилетнего наместничества в Цизальпинской Галлии и Иллирике. Однако Децим Брут, уже ранее получивший власть в богатой Цизальпинской Галлии, отказался передать провинцию Антонию даже в обмен на Македонию. Антоний пытался заигрывать с сенатом, но у него это плохо получалось. Сторонники заговорщиков не доверяли ему, хотя он всячески препятствовал Октавиану во всех его начинаниях и даже не позволил ему выставить на играх в честь Венеры-Прародительницы золотое кресло и венок Цезаря. Оскорбленный Октавиан во всеуслышание заявил, что Антоний издевается над памятью о Цезаре².

Участившиеся столкновения между Антонием и Октавианом очень беспокоили цезарианцев, опасавшихся реванша со стороны республиканцев. Именно поэтому они предпринимали неоднократные попытки примирить их, но безрезультатно. Окончательный разрыв между сторонами произошел, когда Антоний сорвал попытку Октавиана стать народным трибуном³.

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 21—23.

² Там же. III. 28—29.

³ *Плутарх*. Антоний. 16; *Аппиан*. Гражданские войны. III. 29—39.

На фоне раздоров в стане цезарианцев окреп лагерь республиканцев, лидером которых стал Цицерон. Он полностью одобрял убийство Юлия Цезаря и активно поддерживал его убийц, состоя с ними в постоянной переписке. В конце лета 44 года Децим Брут продолжал контролировать Цизальпийскую Галлию, Марк Брут отправился в Македонию, а Кассий — в Сирию¹. Республиканцы начали подготовку к войне.

Осенью того же года Цицерон решил, что настало время вступить в открытую борьбу против Марка Антония, и обрушился на него в сенате с несколькими разгромными речами — «филиппиками». Он обвинял Антония во многих, по большей части мнимых преступлениях, издевался над ним, выставлял его горьким пьяницей и развратником. В ответных речах Антоний яростно защищался от нападок Цицерона, но общественное мнение было на стороне последнего. Нет надобности доказывать, что разрыв между Антонием и сенатом был полным.

В этих условиях Марку Антонию не оставалось ничего иного, как начать собирать войска. В свою очередь, Октавиан также начал вербовать воинов среди ветеранов Цезаря. Более того, он открыто перешел на сторону республиканцев и объявил, что будет поддерживать сенат².

В октябре 44 года к Антонию из Македонии должны были прибыть четыре легиона, и он отправился их встречать в Брундизий. Одновременно Октавиан тоже решил покинуть Рим и с верными соратниками и друзьями отправился в Кампанию вербовать ветеранов Юлия Цезаря и собирать ар-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 24.

² *Плутарх*. Антоний. 16.

мию¹. Именно об этом решении Октавиана историк Николай Дамасский пишет следующее: «Так он решил. С ним согласились и его друзья, участвовавшие в этом походе, а также и в последующих его деяниях. Это были Марк Агриппа, Луций Меценат, Квинт Ювентий, Марк Модиалий и Луций»². Упоминаемый здесь Луций Меценат — это отец Гая Цильния Мецената³. Он поддержал Октавиана в трудную минуту и вместе с ним отправился в Кампанию.

Весьма вероятно, что с собой Луций Меценат взял своего сына Гая, который именно в этом походе мог проявить себя и подружиться с Октавианом. Как недвусмысленно пишет поэт Проперций, Гай Меценат сопровождал Октавиана во всех его походах и участвовал практически во всех его битвах⁴. Однако, по словам философа Сенеки, сам «не касался меча, не проливал крови»⁵. Соответственно, Гай Меценат мог быть приближен Октавианом в качестве советника по дипломатическим вопросам.

В это время находившийся в Брундизии Антоний вступил в конфликт с прибывшими из Македонии легионами, так как ему не удалось договориться с ними о размере денежного вознаграждения. Лишь увеличив сумму оплаты, он избежал вооруженного восстания. Октавиану же благодаря щедрым денежным раздачами удалось в Кампании на вербовать около трех тысяч ветеранов Цезаря⁶.

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 40.

² *Николай Дамасский*. О жизни Цезаря Августа и о его воспитании. 117. XXXI. 133. Перевод Е. Б. Веселаго.

³ *Andreae B.* Op. cit. S. 125, 133.

⁴ *Проперций*. II. 1. 26—36; ср.: *Элегия о Меценате*. I. 41—46.

⁵ *Сенека*. Письма. CXIV. 7.

⁶ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 40, 43—44.

Собрав свои легионы, Антоний двинулся к Риму. В этой критической ситуации Октавиан немедленно обратился к Цицерону, известив его о действиях Антония. Юноша буквально забрасывал письмами старого политика, спрашивая, что ему следует делать¹. Однако Цицерон медлил, и Октавиан принял решение также идти на Рим со своей армией. При этом он продолжал вербовать легионеров через своих агентов, сделав своей военной ставкой Арретий — родной город Мецената². Безусловно, Октавиан выбрал Арретий не случайно; он нашел, очевидно, наибольшую поддержку именно со стороны семьи Мецената.

Опередив Антония, 10 ноября Октавиан первым достиг Рима. На форуме он обратился с речью против Антония к ветеранам. Когда те узнали, что он собирается бороться против Антония, а не примириться с ним, то были явно разочарованы. Возбешенный поведением Октавиана, Антоний прибыл в Рим в конце ноября. Собираясь выступить против зарвавшегося юноши в сенате и объявить его вне закона, он внезапно узнал о том, что два его легиона перешли на сторону Октавиана. Удрученный этим фактом, Антоний покинул сенат и с оставшимися легионами 28 ноября отправился в Галлию³.

Децим Брут отказался подчиниться Антонию и передать в его распоряжение провинцию Цизальпинская Галлия. Собрав все свои легионы, Брут укрылся в хорошо укрепленном городе Мутина (современная Модена), который Антоний был вынужден в декабре 44 года подвергнуть осаде. Западные римские провинции контролировали сторонни-

¹ Цицерон. Письма. DCCXCVIII. 2 (К Аттику. XVI. 8. 2).

² Аппиан. Гражданские войны. III. 42.

³ Там же. III. 41—42, 45—46.

ки Цезаря. Так, Лепиду подчинялись Нарбонская Галлия и Ближняя Испания, Азинию Поллиону — Дальняя Испания, Мунацию Планку — Трансальпинская Галлия¹. А вот восточные провинции захватили республиканцы: Марк Брут оккупировал Македонию, а Кассий активно завоевывал Сирию. Ситуация обострилась до предела.

Октавиан, понимая, что для борьбы с Антонием у него мало сил, решил заручиться поддержкой сената и Децима Брута. Сенат заранее одобрил все его действия. Однако в отличие от Антония Октавиан продолжал находиться в подвешенном состоянии, так как не занимал никакой государственной должности и являлся просто частным лицом. То, что он на вербовал себе армию, вполне можно было рассматривать как бунт против государства.

1 января 43 года началось судьбоносное заседание сената, длившееся три дня. Цицерон настоятельно требовал объявить Антония врагом отечества. Однако из-за противодействия сторонников Антония в сенате это предложение не прошло. Тем не менее было решено отказать Антонию в передаче провинции Цизальпинская Галлия и полностью одобрить все действия Децима Брута. Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, Октавиан по предложению Цицерона получил сенаторское достоинство, был возведен в ранг пропретора и получил право на десять лет раньше срока добиваться высших магистратур². Октавиан торжествовал победу! Теперь он занимал официальный государственный пост, а его частная армия стала армией Республики.

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 46, 49.

² *Плутарх*. Цицерон. 45; *Аппиан*. Гражданские войны. III. 50, 51, 61.

Сенат также принял решение попытаться уговорить Антония отказаться от Цизальпинской Галлии в обмен на Македонию, для чего было снаряжено специальное посольство. В феврале 43 года прошли переговоры с Антонием, которые закончились безрезультатно. В итоге сенат по инициативе Цицерона все же объявил Антония врагом отечества и послал на выручку Дециму Бруту армию под руководством консулов 43 года Авла Гирция и Гая Вибия Пансы. Вместе с ними к Мутине сенат отправил и Октавиана, который, вероятно, взял с собой Мечената. Более того, в соответствии с приказом сената Октавиан вынужден был передать несколько своих легионов под командование консулов¹. Началась новая гражданская война.

14 апреля 43 года произошло первое сражение у Гальского Форума, недалеко от Мутины. Войска Антония были изрядно потрепаны республиканскими легионами, но консул Панса получил смертельное ранение и вскоре умер. 21 апреля во втором сражении у Мутины Антоний потерпел полное поражение и с остатками армии бежал в Нарбонскую Галлию к Лепиду². Правда, в результате боя погиб и второй консул Авл Гирций, и Октавиан оказался единственным командующим огромной республиканской армией, чем он в дальнейшем не преминул воспользоваться.

Сенат торжествовал победу, в особенности сторонники заговорщиков. За Марком Брутом по решению сената была окончательно закреплена Македония, за Кассием — Сирия, а Сексту Помпею передали власть над морем. Сенат также предпри-

¹ *Плутарх*. Антоний. 17; *Аппиан*. Гражданские войны. III. 62—63, 65.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 67—69, 71.

сал Октавиану передать свои войска Дециму Бруту, который должен был настигнуть и уничтожить отступавшие легионы Антония. Однако Октавиан категорически отказался выполнять этот приказ, и легионы поддержали его, не желая служить убийце Цезаря. Октавиан понимал, что теперь, когда Антоний повержен, сенат будет пытаться отстранить его от власти и уничтожить.

29 мая 43 года Антоний вступил в соприкосновение с силами Лепида, находившегося в Нарбонской Галлии, и легко склонил его воинов на свою сторону. Лепид пытался противодействовать, но тщетно¹. В результате переговоров полководцы объединили свои силы, хотя по сути именно Антоний был теперь полным хозяином положения. Децим Брут был вынужден бежать из Галлии и по дороге был убит по приказу Антония.

Испуганный сенат вновь задумал использовать Октавиана против Антония и Лепида. Однако легионеры Октавиана отказывались воевать с бывшими соратниками Юлия Цезаря. Понимая шаткость своего положения, Октавиан решился пойти на переговоры с Антонием и Лепидом. Но для этого ему нужно было укрепить свой статус, и поэтому он стал претендовать на вакантную должность консула. Чтобы склонить сенат на свою сторону, необходимо было заручиться поддержкой Цицерона.

По свидетельству Плутарха, Октавиан «убеждал Цицерона домогаться консульства для них обоих вместе, заверяя, что, получив власть, править Цицерон будет один, руководя каждым шагом мальчика, мечтающего лишь о славе и громком имени. Це-

¹ *Плутарх*. Антоний. 18; *Аппиан*. Гражданские войны. III. 83—84.

зарь (то есть Октавиан. — *М. Б.*) и сам признавал впоследствии, что, боясь, как бы войско его не было распущено и он не остался в одиночестве, он вовремя использовал в своих целях властолюбие Цицерона и склонил его искать консульства, обещая свое содействие и поддержку на выборах. Эти посулы соблазнили и разожгли Цицерона, и он, старик, дал провести себя мальчишке — просил за него народ, расположил в его пользу сенаторов»¹.

Сенат яростно сопротивлялся, поскольку в силу возраста Октавиан никак не мог претендовать на столь высокую государственную должность. Тогда в Рим отправились центурионы Октавиана и в грубой форме потребовали от сената консульской должности для него². Поскольку сенаторы тянули время и медлили с ответом, «центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: “Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!”»³. Сенат вновь категорически отказал, и тогда легионеры потребовали, чтобы Октавиан повел их на Рим. В городе началась паника, сенат спешно объявил набор в армию, и ему даже удалось вызвать несколько легионов из Африки, которые, впрочем, сразу же перешли на сторону Октавиана⁴.

Без всякого сопротивления Октавиан захватил Рим. 19 августа 43 года, в возрасте двадцати лет, он и его родственник Квинт Педий были провозглашены консулами. Кроме того, был утвержден закон об усыновлении Октавиана Юлием Цезарем, и новый консул уже официально стал именовать себя Гаем

¹ *Плутарх*. Цицерон. 45—46.

² *Аппиан*. Гражданские войны. III. 88.

³ *Светоний*. Божественный Август. 26.

⁴ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 88—92.

Юлием Цезарем Октавианом¹. Против убийц Цезаря начались судебные процессы, все они были объявлены вне закона. Собрав 11 легионов, Октавиан отправился к Бононии, навстречу силам Антония. Сопровождал ли Меценат в этом походе Октавиана? Весьма вероятно.

В октябре 43 года бывшие непримиримые враги Антоний, Октавиан и Лепид встретились на маленьком островке посреди реки Лавиния и на виду у войск совещались три дня подряд. В итоге был заключен «второй триумvirат»: комиссия трех мужей «для устройства и приведения в порядок государства»². Соглашение триумvirов было утверждено сенатом и стало законом 27 ноября 43 года. По нему триумвиры на пять лет получали неограниченную власть над Римским государством с правом издавать любые законы. Октавиан сложил свои консульские полномочия, дабы не выделяться среди триумvirов. Все провинции они поделили между собой: Октавиан получил Африку, Нумидию, острова Сардиния и Сицилия, Антонию отошла Цизальпинская и Трансальпинская Галлия, Лепиду — вся Испания и Нарбонская Галлия. Антоний и Октавиан должны были уничтожить Брута и Кассия, а Лепид оставался управлять Римом и Италией. Кроме того, Октавиан в знак примирения и установления родственных связей женился на падчерице Антония Клодии. Для того чтобы наделить своих ветеранов земельными участками, триумвиры отобрали землю у жителей восемнадцати крупнейших италийских городов!³

Затем триумвиры решили избавиться от всех

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. III. 94.

² *Плутарх*. Антоний. 19; *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 8.

³ *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 2, 3.

своих политических противников. Были составлены проскрипционные списки, в которые включили около трехсот сенаторов (в том числе престарелого Цицерона) и свыше двух тысяч всадников, подлежащих физическому уничтожению¹. По словам Плутарха, «самый ожесточенный раздор между ними вызвало имя Цицерона: Антоний непреклонно требовал его казни, отвергая в противном случае какие бы то ни было переговоры, Лепид поддерживал Антония, а Цезарь спорил с обоими... Рассказывают, что первые два дня Цезарь отстаивал Цицерона, а на третий сдался и выдал его врагам. Взаимные уступки были таковы: Цезарь жертвовал Цицероном, Лепид — своим братом Павлом, Антоний — Луцием Цезарем, дядей со стороны матери. Так, обуянные гневом и лютой злобой, они забыли обо всем человеческом или, говоря вернее, доказали, что нет зверя свирепее человека, если к страстям его присоединяется власть»².

За голову каждого проскрибированного триумвиры обещали щедрую награду: для свободного — деньги, для раба — деньги, свободу и гражданские права. Триумвиры отчаянно нуждались в деньгах, поэтому все имущество проскрибированных должно было конфисковываться в их пользу. Так в списки попали и просто богатые люди, и владельцы красивых вилл и особняков³.

Немедленно после обнародования проскрипционных списков по всей Италии началась настоящая охота за людьми. По словам историка Аппиана, «тотчас же как во всей стране, так и в Риме, смотря по тому, где каждый был захвачен, начались неочи-

¹ Там же. IV. 5.

² *Плутарх*. Цицерон. 46.

³ *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 5, 7.

данные многочисленные аресты и разнообразные способы умерщвления. Отсекали головы, чтобы их можно было представить для получения награды; происходили позорные попытки к бегству, переодевания из прежних пышных одежд в непристойные. Одни спускались в колодцы, другие — в клоаки для стока нечистот, третьи — в полные копоти дымовые трубы под кровлею; некоторые сидели в глубочайшем молчании под сваленными в кучу черепицами крыши. Боялись не меньше, чем убийц, одни — жен и детей, враждебно к ним настроенных, другие — вольноотпущенников и рабов, третьи — своих должников или соседей, жаждущих получить поместья. Прорвалось наружу вдруг все то, что до тех пор таилось внутри; произошла противоестественная перемена с сенаторами, консулами, преторами, трибунами, кандидатами на все эти магистратуры или состоявшими в этих должностях; теперь они бросались к ногам своих рабов с рыданиями, называли слугу спасителем и господином. Печальнее всего было, когда и такие унижения не вызывали сострадания... Одни умирали, защищаясь от убийц, другие не защищались, считая, что не подосланные убийцы являются виновными. Некоторые умерщвляли себя добровольным голоданием, прибегая к петле, бросаясь в воду, низвергаясь с крыш, кидаясь в огонь, или же сами отдавались в руки убийц или даже просили их не мешкать. Другие, униженно моля о пощаде, закрывались, чтобы избежать смерти, пытались спастись подкупом. Иные погибали, вопреки воле триумвиров, жертвою ошибки, вследствие личной вражды к ним убийц. Труп не означенного в списке распознавался по тому, что голова его не была отсечена от туловища. Дело в том, что головы проскрибированных выставлялись на фору-

ме перед рострами, где доставлявшие должны были получать вознаграждение. Впрочем, в некоторых случаях в неменьшей степени проявлялось рвение и мужество жен, детей, братьев и рабов, старавшихся спасти обреченных и придумывавших многочисленные для этого средства или погибавших вместе с ними, когда предпринятые меры не удавались. Некоторые убивали себя над трупами... Тогдашняя превратность судьбы постигла и сирот из-за их богатства. Так, один мальчик по дороге в школу был убит вместе со своим дядькой, который обнял его и не отпускал. Атилий, только что надевши мужскую тогу, шел, согласно обычаю, в процессии друзей в храм для совершения жертвоприношения. Когда неожиданно его имя было внесено в списки, друзья и рабы разбежались. Одинокий и оставленный всеми, он после столь торжественной процессии отправился к матери. Когда же и та из страха его не приняла, он, не решившись просить милосердия у других после отказа матери, побегал на гору. Оттуда сойдя от голода на равнину, он был схвачен человеком, который захватывал прохожих и, связав, принуждал их к работе. Но так как он по своей изнеженности не мог работать, то с надетыми на него цепями убежал на проезжую дорогу, отдался в руки проходившим центурионам и был убит»¹.

Республиканцы не желали мириться со своим поражением. Марк Брут в Македонии и Гай Кассий в Сирии стали собирать войска и деньги для борьбы с триумвирами. Секст Помпей не только захватил Сицилию, но и укрывал у себя беглых рабов и проскрибированных, из которых сформировал армию. Он специально посылал свои военные корабли кур-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 13, 15, 30.

сировать вдоль берегов Италии, чтобы они брали на борт людей, искавших спасения от карающей руки триумвиров¹.

Зимой 43 года Брут двинулся из Македонии в Малую Азию, по пути грабя города и набирая легионеров. В начале лета 42 года в городе Сарды его армия объединилась с легионами Кассия. Затем огромное войско республиканцев переправилось через Геллеспонт обратно на Балканы, чтобы уничтожить основные силы триумвиров. Перед самой переброской войск в Европу, как сообщает Плутарх, случилось следующее: «Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошел. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: “Кто ты — человек или бог и зачем пришел?” Призрак отвечал: “Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах”. — “Что ж, до свидания”, — бесстрашно промолвил Брут»².

Одновременно в Македонию двигалась огромная армия триумвиров Антония и Октавиана. Последний, правда, в это время как раз заболел, и фактическое командование осуществлял Антоний³. Обе армии встретились недалеко от города Филиппы и стали лагерем друг против друга.

Сражение началось 3 октября 42 года с внезапного нападения армии Брута на левый фланг триумвиров и их лагерь и уничтожения нескольких от-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 37, 84—85.

² *Плутарх*. Брут. 36.

³ *Плутарх*. Брут. 38; *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 88.

борных легионов Октавиана. Сам Октавиан спасся по чистой случайности и, по свидетельству сопровождавших его Агриппы и Мецената, потом три дня скрывался в болоте, несмотря на свою болезнь и на то, что распух от водянки¹. Положение спас Марк Антоний, ударивший в центр и по левому флангу республиканцев. Легионы Брута выстояли, а вот левый фланг, которым командовал Кассий, был отброшен. Сам Кассий, потеряв контроль над легионерами и не зная, что происходит на правом фланге, покончил жизнь самоубийством². На этом сражение кончилось. Брут отвел свои войска и остатки войск Кассия в лагерь.

Следующие несколько недель армии цезарианцев и республиканцев стояли друг против друга. Наконец 23 октября состоялось генеральное сражение. Как пишет Плутарх, накануне ночью «Бруту снова явился призрак. С виду он был такой же точно, как в первый раз, но не проронил ни слова и молча удалился»³. День выдался ненастным, пасмурным и дождливым. Первыми на правом фланге нанесли удар легионы Брута, однако левый фланг, которым должен был командовать покойный Кассий, фактически бездействовал. Этим и воспользовались триумвиры.

По словам Аппиана, «нападение было неистовым и жестоким. Стрел, камней, метательных копий у них было несколько меньше, чем это было обычно на войне; не пользовались они и другими приемами военного искусства и строя. Бросившись с обнаженными мечами врукопашную, они рубили и были рубимы, вытесняли друг друга из строя, одни

¹ *Плиний Старший*. Естественная история. VII. 45. 148.

² *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 110—114.

³ *Плутарх*. Брут. 48.

скорее, чтобы спастись, чем чтобы победить, другие, чтобы победить, а также под влиянием убеждений полководца, вынужденного ими к сражению. Много было крови, много стонов; тела убитых уносились и на их места становились воины из резерва. А полководцы, объезжая и осматривая ряды, поднимали настроение войска, убеждали работавших потрудиться еще, а изнуренным ставили смену, так что бодрость передних рядов все время обновлялась притоком новых сил. Наконец, войско Цезаря или от страха перед голодом — оно боролось особенно энергично — или благодаря счастью самого Цезаря — и воинов Брута не за что было бы упрекнуть — сдвинуло с места вражеские ряды, как если бы опрокинуло какую-то тяжелую машину. Сначала враги отступали шаг за шагом осторожно, но когда боевой порядок их стал нарушаться, они начали отступать быстрее, а когда с ними вместе стали отступать также и стоявшие во втором и третьем рядах, они, смешиваясь все вместе, в беспорядке теснились и своими, и врагами, непрерывно налегавшими на них, пока наконец не обратились в бегство»¹. Узнав, что его легионы разгромлены, Брут бежал в горы и покончил жизнь самоубийством, бросившись на меч.

Молодой Меценат лично не участвовал в битве, но находился при ставке Октавиана и внимательно наблюдал за происходившими событиями². Перед его взором разворачивалась величайшая трагедия римского народа, когда в безумной схватке сошлись братья по крови и оружию. Республиканцы потерпели страшное поражение, оправиться от ко-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 128.

² *Плиний Старший*. Естественная история. VII. 45. 148.

того было уже невозможно. После гибели Кассия и Брута не нашлось больше в Римском государстве людей, способных возглавить борьбу против самодержавной власти триумвиров. Недаром, как пишет Плутарх, после нелепого самоубийства Кассия «Брут долго плакал над телом, называл Кассия последним из римлян, словно желая сказать, что людей такой отваги и такой высоты духа Риму уже не видать»¹.

Начиналась новая эпоха в истории Римского государства, и Гаю Цильнию Меценату предстояло сыграть в ней не последнюю роль.

¹ *Плутарх. Брут. 44.*

Глава вторая
**ВОСХОЖДЕНИЕ
НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОЛИМП**

Именно после битвы при Филиппах начинается долгий и бурный период политической деятельности Мецената. После разгрома республиканцев Октавиан окончательно приблизил его к себе и начал давать ему важнейшие поручения, в основном дипломатического характера. Меценат, вынужденный ездить по стране и примирять недавних друзей и врагов, постепенно стал кем-то вроде современного министра без портфеля. Но отнюдь не сразу он обрел свое политическое могущество и огромное влияние при дворе Октавиана.

Разгромив Брута и Кассия, триумвиры торжествовали, но их победа над республиканцами была не совсем полной. Оставался еще сын Гнея Помпея Магна — Секст Помпей, который, имея огромный флот и значительную армию, захватил острова Сицилия, Сардиния и Корсика. Периодически он совершал пиратские рейды к берегам Италии, занимался грабежом и мародерством, а также препятствовал подвозу зерна в Рим. После сражения при Филиппах по настоянию Антония, сыгравшего ключевую роль в битве, триумвиры заново распределили между собой провинции. Антоний получил

всю Галлию и все восточные провинции, а также Африку, которую позднее триумвиры передали Лепиду. Октавиану достались Испания, а также Сицилия и Сардиния, которые еще только предстояло отбить у Секста Помпея¹.

Антоний после битвы при Филиппах сразу отправился наводить порядок в восточных провинциях. В Киликии, в городе Тарс, он встретился с царицей Египта Клеопатрой VII, которую вызвал туда дать ответ на многочисленные обвинения против нее². Она приплыла к нему по реке Кидн «на ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто зроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам»³. Антоний был очарован Клеопатрой и влюбился в нее как мальчишка. Он отправился в Александрию и там зимой 41/40 года полностью отдался праздной жизни, полной роскоши и наслаждений.

Октавиану же, оставшемуся в Италии, было поручено распределить земли между ветеранами и согнать с насиженных мест жителей восемнадцати городов. Ветеранам передавались лучшие надель, причем вместе с постройками, скотом и даже раба-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 3.

² Там же. V. 8—11.

³ *Плутарх*. Антоний. 26.

ми. Согнанные со своей земли, лишенные дома и пропитания жители этих несчастных городов вместе с детьми вынуждены были скитаться по всей Италии в поисках крова. Этим тут же воспользовались ближайшие родственники Антония — его жена Фульвия и брат консул Луций Антоний, которые стали в 41 году подбивать народ на восстание, желая уничтожить Октавиана чужими руками. Когда это не удалось, Луций Антоний при поддержке сената собрал несколько легионов и захватил Рим. Он заявил, что будет добиваться полной ликвидации триумvirата даже вопреки интересам брата¹. Были отправлены посольства от обеих сторон к Антонию, однако тот колебался.

В итоге армия Октавиана, которой руководил его друг Марк Випсаний Агриппа, выбила Луция Антония из Рима, а когда тот укрылся со своими войсками в городе Перузия (современная Перуджа), осадила его. Осада Перузии длилась довольно долго и закончилась лишь в марте 40 года из-за жестокого голода в рядах осажденных. Луцию Антонию было позволено удалиться в Испанию, а жена Антония Фульвия бежала в Грецию, где вскоре умерла. С Перузией, приютившей мятежников, Октавиан обошелся очень сурово: город был отдан на разграбление озверевшей солдатне и сожжен, а все члены городского совета были публично казнены². Сложно сказать, принимал ли Меценат участие в осаде Перузии. Вероятнее всего, он в это время занимался вопросами распределения земли между ветеранами.

Антоний был весьма недоволен произошедшими в Италии событиями. Чтобы не допустить усиле-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 12, 14, 19—24, 27—30.

² Там же. V. 34—35, 48—49.

ния Октавиана, он попытался пойти на переговоры с Секстом Помпеем. Понимая это, Октавиан в июле 40 года отправился со своими легионами на север и полностью подчинил все галльские провинции, находившиеся под юрисдикцией Антония¹. Кроме того, в этом же году он женился на Скрибонии, сестре Луция Скрибония Либона. Дочь Либона была женой Секста Помпея, и таким образом Октавиан породнился с врагом.

Интересно, что этот брак устроил не кто иной, как Меценат. По словам Аппиана, «Цезарь (то есть Октавиан. — М. Б.) в письме к Меценату просил его посватать за него Скрибонию, сестру Либона, свойственника Помпея, для того, чтобы в случае нужды иметь путь к примирению с Помпеем»². Этот факт свидетельствует о большом доверии к Меценату со стороны Октавиана, поскольку вопросы сватовства были весьма щепетильны. Чтобы договориться о заключении брака, Меценат летом 40 года был вынужден отправиться с дипломатической миссией на остров Сицилия, где в это время находились Либон и Скрибония. Нет нужды говорить, что он блестяще выполнил поручение Октавиана.

Тем же летом Антоний прибыл с большим флотом в Брундизий, но испуганные жители не пустили его корабли в порт. Антоний осадил город, и Октавиан был вынужден направить свою армию на помощь осажденным. Однако солдаты обеих противоборствующих сторон совсем не горели желанием сражаться друг против друга и требовали от триумфиров начать переговоры³.

В этой ситуации Меценат снова получил воз-

¹ Там же. V. 51.

² Там же. V. 53.

³ Там же. V. 56—59.

возможность проявить себя в качестве талантливого дипломата. Он вызвался примирить триумвиров, выступив посредником в переговорах. И действительно, как пишет Аппиан, «были избраны представители, направленные к обоим противникам. Они должны были воздержаться от обвинений, так как избраны не для суда, а для примирения. Сверх того были избраны еще Кокцей, дружественный обеим сторонам, а также со стороны Антония Поллион, а со стороны Цезаря Меценат»¹.

Именно при посредничестве Мецената и Поллиона в октябре 40 года был заключен Брундизийский договор, по которому обе стороны примирялись и обновляли свой союз. Антоний, по требованию войск, женился на Октавии, сестре Октавиана, недавно потерявшей мужа. Кроме того, триумвиры снова поделили провинции: Октавиану отходили все западные провинции, Антонию — все восточные, а Африка оставалась за Лепидом².

В это же время активизировался Секст Помпей, который со своим пиратским флотом усилил нападения на Италию и практически полностью лишил Рим хлебных поставок. Начались народные восстания и голодные бунты. Как-то раз взбешенная толпа забросала триумвиров камнями, и они лишь чудом спаслись³. Октавиан понял, что переговоры с Помпеем неизбежны, и оповестил Антония и Лепида.

Летом 39 года триумвиры встретились с Секстом Помпеем у Мизенского мыса. Было заклю-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 64.

² *Плутарх*. Антоний. 30; *Аппиан*. Гражданские войны. V. 64—65.

³ *Плутарх*. Антоний. 32; *Аппиан*. Гражданские войны. V. 67—68.

чено соглашение, по которому Помпей сохранял власть над Сицилией, Сардинией и Корсикой, а также получал провинцию Ахайю и компенсацию за конфискованное имущество его отца. Более того, ему было обещано консульство. Все, кто сражался на его стороне, а там было немало проскрибированных и рабов, получали полное прощение и свободу. Взамен Помпей обязался обеспечивать Рим хлебом, не нападать на Италию и не укрывать беглых рабов¹.

После заключения договора решили устроить пир, и Помпей радушно принял гостей на своем флагманском корабле. «В самый разгар угощения, когда градом сыпались шутки насчет Клеопатры и Антония, к Помпею подошел пират Мен (Менодор. — М. Б.) и шепнул ему на ухо: “Хочешь, я обрублю якорные канаты и сделаю тебя владыкою не Сицилии и Сардинии, но Римской державы?” Услыхав эти слова, Помпей после недолгого раздумья отвечал: “Что бы тебе исполнить это, не предупредивши меня, Мен! А теперь приходится довольствоваться тем, что есть, — нарушать клятву не в моем обычае”»².

Однако мир продлился совсем недолго. Не выдержав сварливого характера Скрибонии, Октавиан развелся с ней, как только она родила ему в октябре 39 года дочь Юлию, и женился на Ливии Друзилле. Уже весной 38 года вновь начались трения между триумвирами и Помпеем. Кроме того, Антоний так и не передал последнему провинцию Ахайю. Помпей же в ответ вновь начал принимать в свое войско беглых рабов и активно мешать снабжению Рима

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 71—72.

² *Плутарх*. Антоний. 32; ср.: *Аппиан*. Гражданские войны. V. 73.

зерном¹. Октавиан понимал, что война с Помпеем неизбежна в самое ближайшее время.

И это время пришло, когда на сторону триумвиров перешел уже упоминавшийся Мен (или Менодор), один из пиратов Секста Помпея. Он передал Октавиану не только корабли, имевшиеся у него, но и контроль над Корсикой и Сардинией². На очереди была Сицилия. Собрав свой флот, присоединив к нему корабли Менодора и передав их под командование последнего, Октавиан объявил войну Сексту Помпею.

Первое морское сражение состоялось в июле 38 года при Кумах. Менодор одержал победу над флотом Помпея³. Последующее морское сражение при Скилле оказалось для Октавиана неудачным. Более того, почти весь его флот погиб в результате разгравшейся бури. По сообщению Аппиана, «когда ветер стал сильнее, всё пришло в беспорядок, суда разбивались, срываясь с якорей, наталкивались или на берег, или одно на другое. Стоял общий вопль ужаса, стонаний, призывов бесцельных, слов нельзя уже было расслышать. Кормчий не отличался от простого матроса ни знанием, ни умением командовать. Гибель постигала одинаково как находившихся на судах, так и бросавшихся в море и погибавших среди волн прибоя. Море было полно парусов, обломков, людей, трупов. Если кто спасался и выплывал к суше, то и его волны разбивали об утесы. Когда к тому же и море было охвачено волнением, обычно бывающим в этом проливе, это еще более смутило неопытных, и корабли, тогда особенно сильно носимые ветром, разбивались один о другой. К ночи ве-

¹ *Аппиан. Гражданские войны. V. 77.*

² Там же. V. 78, 80.

³ Там же. V. 81—83.

тер еще усилился, так что гибли уже не при свете, а во мраке. Всю ночь продолжались вопли и призывы родственников, бегавших по берегу, называвших по имени находившихся в море и оплакивавших их, если они не отзывались, как погибших. С другой стороны раздавались призывы находившихся в море, показывавшихся над волнами и призывавших тех, кто был на берегу, на помощь. Беспомощны были и те и другие. И море для пытавшихся в него войти и находившихся еще на кораблях, и суша — вследствие бури всё было столь недоступно, так как волны разбивали всё о скалы. Буря была столь необычайной силы, что находившиеся наиболее близко к берегу боялись ее, но не могли ни спастись в море, ни остаться близко к берегу. Теснота места, природная недоступность его, сильное волнение, ветер, разбивавшийся об окрестные горы, бурные порывы, тяга вглубь, надвигавшаяся на всё, не давали возможности ни остаться на месте, ни бежать. Положение ухудшалось еще мраком совершенно черной ночи. Люди погибали, не видя друг друга, одни, объятые страхом и кричавшие, другие спокойно, готовые ко всему; некоторые сами искали смерти, отчаявшись в спасении»¹.

Лишившись почти всех своих кораблей и понимая, что сильному флоту Помпея можно противопоставить только такой же сильный флот, Октавиан призвал своего друга Марка Випсания Агриппу и назначил его главнокомандующим римскими военно-морскими силами. Он приказал Агриппе построить несколько десятков мощных военных кораблей, для чего тот даже специально основал новый порт близ Кум. Самым подходящим местом для

¹ Там же. V. 89—90.

стоянки судов Агриппа посчитал Авернское озеро и соединил его глубоким каналом с Лукринским озером и Путоланским заливом (современный залив Поццуоли). Новый порт был назван «Юлиев» (*Portus Iulius*) в честь рода Юлиев, к которому принадлежал Октавиан¹.

Кроме того, Октавиан обратился за помощью к Антонию и в сентябре 38 года отправил к нему в Афины Мецената для дипломатических переговоров. Историк Аппиан так пишет об этом: «Будучи всегда особенно силен придумать что-либо целесообразное, он послал Мецената к Антонию, чтобы переубедить его в том, в чем они взаимно упрекали друг друга за последнее время, и привлечь его к участию в борьбе. Если же убедить Антония не удастся, то Цезарь задумывал переправить солдат на транспортных судах в Сицилию, и оставив войну на море, перенести ее на сушу»².

Вновь Меценат получил возможность оказать услугу Октавиану и блеснуть своими дипломатическими талантами. Он незамедлительно отправился в Брундизий, чтобы там сесть на корабль, следующий в Афины. До Брундизия Меценат ехал в сопровождении друзей-поэтов, входивших в литературный кружок при его дворе и пользовавшихся особым покровительством (о чем речь еще впереди). Среди них были величайшие поэты того времени — Вергилий, Варий и Гораций. Последний даже сочинил забавную сатиру об этом путешествии³.

¹ Аппиан. Гражданские войны. V. 96; *Веллей Патеркул*. II. LXXIX; *Федорова Е. В., Лесницкая М. М.* Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство. М., 2005. С. 13.

² Аппиан. Гражданские войны. V. 92.

³ *Гораций*. Сатиры. I. 5; *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. СПб., 1998. Т. 2. С. 198—199.

Поездка Мецената в Грецию оказалась весьма удачной. Он сумел убедить Антония помочь Октавиану¹. Находясь в Афинах, Меценат, очевидно, сделал что-то весьма полезное для жителей города, коль скоро афиняне воздвигли его статую на акрополе².

Весной 37 года Антоний прибыл в Италию с тремя сотнями кораблей и пристал в порту Тарента, чтобы, как он и обещал Меценату, действовать в союзе с Октавианом. Однако Октавиан уже поднакопил силы и охладел к своему союзнику. Между триумвирами начал назревать новый конфликт. По свидетельству Аппиана, «в качестве посредницы между ними к Цезарю направилась Октавия. Цезарь жаловался, что его покинули в опасном положении, в какое он попал в проливе (то есть во время морских сражений с флотом Секста Помпея. — М. Б.), Октавия же указывала, что этот вопрос уже выяснен при посредстве Мецената»³. Чтобы уговорить, наконец, своего брата пойти навстречу Антонию ради нее и ее семейного счастья, она заручилась поддержкой Мецената и Агриппы⁴.

После успешных переговоров, состоявшихся в Таренте при участии в том числе и Мецената, Антоний передал Октавиану 120 кораблей в обмен на 20 тысяч пехотинцев. Еще тысячу легионеров для него выпросила у брата Октавия. Было также решено продлить срок триумvirата еще на пять лет⁵. После этого Антоний, оставив Октавию в Италии, вновь отбыл на Восток.

¹ *Аппиан. Гражданские войны.* V. 92.

² *Inscriptiones Graecae.* III. 600.

³ *Аппиан. Гражданские войны.* V. 93.

⁴ *Плутарх. Антоний.* 35.

⁵ *Аппиан. Гражданские войны.* V. 95.

Октавиан решил атаковать Секста Помпея в 36 году, окружив Сицилию с нескольких сторон. На море должны были действовать флоты Агриппы, Октавиана и Тита Статилия Тавра; также Октавиан и Лепид решили высадить в Сицилии свои легионы. Помпей, понимая, что на суше ему не победить, сделал ставку на свой огромный флот.

Военные действия против Секста Помпея начались в июле 36 года и велись с переменным успехом. Лепид с двенадцатью легионами высадился на Сицилии; вышли в море корабли Статилия Тавра и Октавиана. Однако почти весь флот, отправленный Октавианом к Сицилии, был уничтожен бурей у мыса Палинур¹. Чтобы успокоить народные волнения, вызванные этим несчастьем, в Рим был отправлен Меценат, который, надо сказать, блестяще справился с поставленной перед ним задачей².

В короткие сроки по приказу Октавиана был построен новый флот и набраны новые экипажи. В битве при Милах корабли Агриппы сильно потрепали вражеский флот и вынудили его отступить. А вот высадка Октавиана в сицилийском Тавромении оказалась весьма неудачной: он даже подумывал о самоубийстве³. Лишь чудом ему удалось спастись и добраться до италийского берега.

В Риме вновь начались народные волнения, вызванные поражением Октавиана. Чтобы наказать зачинщиков, в столицу снова отправился Меценат⁴. В этих чрезвычайных обстоятельствах Октавиан возложил на него управление Римом и всей Италией, передав ему неограниченную военную и

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 98—99.

² Там же. V. 99.

³ Там же. V. 106—108, 109—112.

⁴ Там же. V. 112.

гражданскую власть¹. При этом официально Меценат оставался частным лицом. Как пишет Веллей Патеркул, эта громадная власть была доверена человеку «недремлющему, когда дела требовали бодрствования, предусмотрительному и знающему толк в деле, — пока он выполнял свои обязанности, поистине не могло быть никаких упущений, — но, предаваясь праздности, он был изнеженнее женщины»². Полномочия Мецената ни в коем случае не сводились, как иногда считается, к полномочиям будущих городских префектов, поскольку в сфере его власти находился не только Рим, но и вся территория Италии.

Кроме того, Меценату, очевидно, было поручено проводить сбор денежных средств, которые шли на снабжение армии и флота. В связи с этим он рассылал по всей Италии массу писем, которые запечатывал своим перстнем с изображением лягушки. Как пишет Плиний Старший, «лягушка Мецената во время сборов денег внушала великий страх»³.

Что же символизировала эта лягушка? У древних греков и римлян лягушка олицетворяла плодовитость и была связана с Афродитой-Венерой, а также символизировала изнеженность, распутство и хитрость. А ведь изнеженность и хитрость как раз и были характерны для Мецената!

Война против Секста Помпея продолжалась. Высадив на Сицилии в августе 36 года значительные силы, Октавиан принялся выдавливать войска Помпея с занятой ими территории и захваты-

¹ *Тацит*. *Анналы*. VI. 11; XIV. 53; *Дион Кассий*. XLIX. 16. 2; LV. 7. 1; *Веллей Патеркул*. *Римская история*. II. LXXXVIII. 2; *Сенека*. *Письма*. CXIV. 6; *Элегия о Меценате*. I. 27—28.

² *Веллей Патеркул*. *Римская история*. II. LXXXVIII. 2.

³ *Плиний Старший*. *Естественная история*. XXXVII. 4. 10.

вать небольшие города. Однако решающая схватка по инициативе Помпея произошла именно на море: «гордясь своими кораблями, он послал спросить Цезаря, согласен ли он решить их борьбу морской битвой. Хотя Цезарь и сторонился всего связанного с морем, так как до сих пор не имел успеха на нем, однако, стыдясь отказаться, принял вызов»¹.

Противники встретились в морском бою при Навлохе 3 сентября 36 года. Командование флотом Октавиан благоразумно поручил Агриппе. Как пишет Аппиан, «сблизившиеся корабли сражались всеми способами, экипажи их перескакивали на неприятельские суда, причем с обеих сторон одинаково нелегко уже было отличать неприятелей, так как и оружие было у всех одно и то же, и говорили почти все на италийском языке. Условленный пароль в этой обоюдной свалке делался известен всем — обстоятельство, послужившее для множества разнообразных обманов — с обеих сторон; друг друга не узнавали как в бою, так и в море, наполнившимся телами убитых, оружием, обломками кораблей. Все средства борьбы были испробованы, кроме лишь огня, от которого после первого набега кораблей отказались вследствие тесного сплетения судов. Сухопутные войска обеих сторон со страхом и вниманием следили с берега за происходившим на море, связывая с исходом боя все свои надежды. Однако ничего не могли они различить и разобрать, как ни напрягали зрение, так как шестьсот кораблей выстроились в длинную цепь по линии, а жалобные вопли попеременно раздавались то с той, то с другой стороны»². Исход боя решил полководче-

¹ Аппиан. Гражданские войны. V. 118.

² Там же. V. 120.

ский талант Агриппы, которому удалось полностью уничтожить военно-морской флот Секста Помпея. Спаслись лишь 17 кораблей неприятеля. Сам Помпей позорно бежал, бросив на произвол судьбы свои легионы. Переправившись в Малую Азию, он был схвачен и убит по приказу Антония¹.

Но Октавиан рано торжествовал победу, так как находившиеся в Сицилии легионы Секста Помпея сдались Лепиду. Получив в свое распоряжение огромную армию, тот предъявил Октавиану ультиматум и приказал убираться с Сицилии. Однако Лепид не учел, что легионеры крайне устали от войны. Поэтому когда Октавиан прибыл к нему в лагерь для переговоров, то легко переманил солдат на свою сторону. Лепид был вынужден сдать себя и просить пощады. Он был лишен власти и отправлен под домашний арест в городок Цирцеи, а затем переправлен в Рим, где и прожил до глубокой старости в безвестности, оставаясь, правда, в должности великого понтифика². По приказу Октавиана Статилий Тавр со своим флотом захватил провинцию Африка, ранее находившуюся под контролем Лепида.

Триумвират превратился в дуумвират. Октавиан возвратился в ноябре 36 года в Рим, где в его отсутствие всеми делами успешно управлял Меценат. Выступив перед народом за городской чертой, Октавиан объявил, что гражданская война закончена. В связи с этим была проведена демобилизация большинства легионеров, которые получили крупные денежные выплаты и большие участки земли. По инициативе Октавиана были также приняты не-

¹ Там же. V. 121, 144.

² Там же. V. 123—126; *Светоний*. Божественный Август. 31. 2.

которые важные законы и официально объявлено об отмене проскрипций¹.

В 35—33 годах Октавиан совместно с Агриппой предпринял несколько успешных походов в Иллирию и Далмацию с целью умирения местных племен². Меценат в их отсутствие вновь, вероятно, управлял Римом и Италией³. Возвратившись в Рим, Агриппа в 33 году был избран эдилом и занялся восстановлением города, сильно пострадавшего в период гражданских войн. По его приказу реставрировались и строились новые общественные здания, бани, водопроводы и храмы, очищались клоаки⁴. Все эти действия привлекли на сторону Агриппы значительную массу городского плебса и тем самым еще более упрочили власть Октавиана.

Антоний с тревогой следил за возросшим могуществом Октавиана. Вернувшись после переговоров в Таренте в Египет, он при живой жене, вопреки всем римским законам и обычаям, решил жениться на Клеопатре. Свадьба состоялась в конце 37 года и поразила современников своим великолепием. В качестве свадебного подарка Клеопатре были переданы значительные территории на Востоке.

Весной 36 года Антоний предпринял поход против Парфии, но удача отвернулась от него. При осаде столицы Мидии Антропатены Фрааспы он потерпел поражение и был вынужден отступать по непроходимым дорогам. Парфяне постоянно преследовали его войска и время от времени соверша-

¹ *Аппиан*. Гражданские войны. V. 130, 132.

² *Аппиан*. Римская история. X. События в Иллирии. IV—V. 16—28.

³ *Тацит*. *Анналы*. VI. 11; XIV. 53; *Дион Кассий*. LV. 7. 1; *Веллей Патеркул*. II. LXXXVIII. 2.

⁴ *Плутарх*. *Антоний*. 53.

ли дерзкие нападения. В итоге Антоний понес большие потери и часть его легионов была уничтожена¹. Лишь чудом ему удалось избежать судьбы Красса.

Зная о его браке с Клеопатрой, несчастная Октавия все же отправилась в начале 35 года к Антонию, собрав в качестве помощи военное снаряжение и две тысячи легионеров. Но когда она достигла Афин, то получила от Антония письмо, в котором тот в грубой форме велел ей возвращаться в Рим².

По возвращении Антония в Египет в марте 35 года Клеопатра приказала взять остатки его потрепанной армии на полное содержание. В следующем году Антоний, решив наказать предавшего его в парфянском походе армянского царя Артавазда, вторгся в Армению. Армянский царь был пленен и в серебряных цепях отправлен в Александрию.

Осенью 34 года Антоний справил в Александрии мнимый триумф над якобы покоренными им парфянами и армянами. Затем, как пишет Плутарх, «наполнивши толпою гимнасий и водрузив на серебряном возвышении два золотых трона, для себя и для Клеопатры, и другие, попроще и пониже, для сыновей, он прежде всего объявил Клеопатру царицею Египта, Кипра, Африки и Келесирии при соправительстве Цезариона, считавшегося сыном старшего Цезаря, который, как говорили, оставил Клеопатру беременной; затем сыновей, которых Клеопатра родила от него, он провозгласил царями царей и Александру назначил Армению, Мидию и Парфию (как только эта страна будет завоевана), а Птолемею — Финикию, Сирию и Киликию. Александра Антоний вывел в полном мидийском уборе,

¹ Там же. 37—50.

² Там же. 53.

с тиарою и прямою китарой, Птолемея — в сапогах, македонском плаще и украшенной диадемою кавсии. Это был наряд преемников Александра, а тот, первый, — царей Мидии и Армении. Мальчики приветствовали родителей, и одного окружили телохранители-армяне, другого — македоняне. Клеопатра в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя новою Исидой»¹. При этом Цезариона Антоний и Клеопатра объявили единственным законным наследником Цезаря, что было серьезным ударом по авторитету Октавиана.

Сенат и весь римский народ узнали об этом весной 33 года. Они были шокированы поступком Антония, свободно раздававшего своим детям римские провинции, словно последние принадлежали ему, а не Римскому государству. Октавиан тут же обвинил Антония в государственной измене и начал широкую пропагандистскую кампанию против него и Клеопатры. В многочисленных письмах триумвиры обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Отвечая на претензии Октавиана по поводу его связи с Клеопатрой, Антоний писал: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, да и не всё ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?»²

В январе 32 года Антоний прислал в сенат пись-

¹ *Плутарх*. Антоний. 54.

² *Светоний*. Божественный Август. 69. 2.

мо, требуя утверждения всех своих распоряжений на Востоке, а также взаимного сложения полномочий триумвиров. Его сторонники в сенате — консулы 32 года Гней Домиций Агенобарб и Гай Сосий — пытались это осуществить, но друзьям Октавиана удалось переломить ситуацию в свою пользу. Сам Октавиан на заседании отсутствовал, так как его не было в Риме. Когда он вернулся и явился в сенат, то произнес разгромную речь против Антония и поддерживавших его консулов. В итоге 300 сенаторов и оба консула бежали к Антонию. По настоянию Клеопатры Антоний отправил Октавию бракоразводное письмо и приказал ей покинуть его дом в Риме. Октавия ушла и увела с собой всех его детей¹.

Чтобы еще больше раздуть скандал, Октавиан завладел завещанием Антония, которое хранилось в Риме у весталок, и огласил его в сенате в качестве явного доказательства измены. В своем завещании Антоний, помимо всего прочего, признавал Цезариона единственным законным наследником Юлия Цезаря, все свое огромное богатство и все свои владения, в том числе римские, оставлял Клеопатре и просил похоронить его не в Риме, а в Александрии. Это было настолько возмутительно, что в июле 32 года сенат принял решение объявить войну — правда, не Антонию, а Клеопатре, якобы покусившейся на римские провинции². Объявлять войну непосредственно Антонию было опасно, так как у народа новая гражданская война вызвала бы недовольство и озлобление.

Поскольку полномочия Октавиана как триум-

¹ *Плутарх*. Антоний. 57.

² Там же. 58, 60.

вира истекли, а в будущей войне против Египта ему были нужны именно чрезвычайные полномочия, он заставил всю Италию и западные провинции принести ему присягу в верности. Аналогичную присягу восточные провинции принесли Антонию.

Октавиан имел в своем распоряжении около четырехсот кораблей, 80 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. При этом сам Октавиан решил не руководить будущей войной непосредственно и благо разумно передал армию в руки Статилия Тавра, а флот — под командование Агриппы. Управление Римом и Италией он вновь возложил на Мецената.

Антоний выставил 500 кораблей, не считая транспортных, 100 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. При этом он сам отправился на войну вместе с Клеопатрой, и часть вооруженных сил оставалась под ее руководством, что, безусловно, приводило к неразберихе¹.

После нескольких месяцев бесплодного маневрирования 2 сентября 31 года противники, наконец, столкнулись у мыса Акции в Северо-Западной Греции². Завязалось морское сражение, долгое время шедшее с переменным успехом, пока Клеопатра со своим флотом внезапно не покинула битву, опасаясь быть запертой в бухте. Как пишет Плутарх, «битва сделалась всеобщей, однако исход ее еще далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А вра-

¹ *Плутарх*. Антоний. 60—61.

² *Дион Кассий*. LI. 1. 1.

ги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу»¹.

Клеопатра поплыла к Египту, и за ней немедленно последовал Антоний с сорока кораблями, бросив на произвол судьбы остальную флот и свои легионы. Брошенный полководцем флот продолжал героически сопротивляться, но вечером все же сдался. Легионам Антония так и не пришлось побывать в бою, и они сдались на восьмой день². В честь победы Октавиан приказал основать на берегу Акцииской бухты город Никополь.

Мог ли наблюдать Меценат битву при Акции? Такая возможность у него имелась. Как уже говорилось, в 31 году он вновь был поставлен во главе Рима и Италии, однако Октавиан намеревался вызвать его к себе в Грецию, о чем недвусмысленно свидетельствует поэт Гораций:

На либурнийских, друг, ты поплывешь ладьях
К судам громадным вражеским:
Везде охотно с Цезарем готов делить
Ты, Меценат, опасности³.

Тем не менее эта поездка не состоялась, и Меценат остался в Риме. Что же ему помешало? Дело в том, что в это время Марк Эмилий Лепид, сын триумвира Лепида, составил заговор против Октавиана. По счастливой случайности Меценату удалось его раскрыть и подавить в зародыше.

Вот как описывает это событие историк Веллей Патеркул: «...Марк Лепид (сын того Лепида, который был участником триумvirата по госу-

¹ *Плутарх*. Антоний. 66.

² Там же. 66, 68.

³ *Гораций*. Эподы. 1. 1—4.

дарственному устройству, и Юнии, сестры Брута), юноша, выдающийся скорее по внешности, чем по уму, возымел намерение убить Цезаря тотчас по его возвращении в Рим. Охрана Рима была тогда поручена Меценату, человеку всаднического, но блестящего рода... Выказывая полнейшую апатию, он тайно выведал планы безрассудного юноши и, без каких-либо тревог для государства и для граждан, подвергнув немедленно аресту Лепида, погасил новую и ужасную войну, которую тот пытался разжечь. И имевший преступные намерения понес наказание»¹.

По сообщению Аппиана, «Меценат обвинял сына Лепида в заговоре против Цезаря, а также обвинял и его мать в укрывательстве. Самого Лепида как потерявшего всякую силу он ни во что не ставил. Мать молодого Лепида, требовал Меценат, как женщину не нужно уводить в качестве пленной, но надо было поручиться консулу, что она желает отправиться к Цезарю, молодого же Лепида Меценат послал к Цезарю в Акции»². Очевидно, он послал его туда для суда и расправы. Вполне понятно, что необходимо было выявить и уничтожить других возможных членов заговора, а для этого требовалось присутствие Мецената в Риме.

После победы при Акции Октавиан распустил значительную часть легионеров по домам. И, как пишет историк Дион Кассий, «опасаясь, что к Меценату, которому тогда поручены были Рим и остальная Италия, они отнесутся с пренебрежением, так как он был всего лишь всадником, отправил в Италию Агриппу под предлогом какого-то

¹ *Веллей Патеркул*. Римская история. II. LXXXVIII. 1—3.

² *Аппиан*. Гражданские войны. IV. 50.

другого дела. Ему и Меценату он дал исключительно широкие полномочия во всех делах, вплоть до того, что они могли читать письма, которые он сам писал сенату и другим людям, и потом даже делать в них любые приписки по своему усмотрению. Для этого от него они получили его перстень, чтобы иметь возможность снова запечатывать письма. С этой целью была изготовлена копия того перстня с печатью, которым он тогда чаще всего пользовался, с одинаковым сфинксом, выгравированным на обоих»¹.

Вероятнее всего, Октавиана на самом деле беспокоили не ветераны, а оставшиеся на свободе соратники Марка Лепида: испугавшись, что Меценат один не справится с ситуацией, он сразу после победы при Акции и послал Агриппу в Рим.

Октавиан вплотную занялся делами в разоренной Греции, а потом отправился в Азию, желая настигнуть Антония. Однако из Италии стали приходить тревожные известия о волнениях среди ветеранов, и в начале 30 года Октавиану все же пришлось поспешить на родину. Он прибыл в Брундизий и оставался здесь около месяца. Ветераны, пришедшие к нему, были наделены не только землей, но и деньгами. Затем Октавиан вновь вернулся в Грецию².

Меценат же в 30 году серьезно заболел³ — возможно, из-за нервного переутомления, вызванного заботами по управлению Римом и Италией. На время бразды власти полностью перешли к Агриппе.

¹ *Дион Кассий*. LI. 3. 5—6. См. также: *Плиний Старший*. XXXVII. 4. 10.

² *Плутарх*. Антоний. 68; *Дион Кассий*. LI. 4. 1—6; 5. 1.

³ *Гораций*. Оды. I. 20. 5—8; II. 17. 25—26.

Тем временем Антоний и Клеопатра вернулись в Египет, где лихорадочно стали снаряжать войска и подыскивать союзников, объявив, правда, о мнимой победе над Октавианом. Антоний пытался получить свои легионы из Кирены, но те отказались ему повиноваться и перешли на сторону Октавиана.

И Антоний, и Клеопатра также отправили к Октавиану, находившемуся в это время в Азии, своих послов с предложением мира. Антоний просил позволить ему провести остаток своих дней частным лицом, а Клеопатра умоляла передать власть над Египтом ее детям. Кроме того, втайне от Антония она послала Октавиану золотые царские insignии и золотой трон — в знак того, что она отдает ему свою власть над Египтом и рассчитывает на его милосердие. Октавиан ничего не ответил Антонию, а дары Клеопатры принял с удовольствием и отправил ей секретное письмо, в котором предлагал в обмен на сохранение власти убить Антония¹. Антоний продолжал засыпать Октавиана письмами через своих послов, но тот на них не отвечал.

Обе стороны всячески тянули время и торговались. Летом 30 года армия Октавиана вступила в Египет. Египетские войска, по тайному приказу Клеопатры, вообразившей, что Октавиан влюбился в нее, не оказали сопротивления и стали сдаваться римлянам. Антоний с оставшимися легионами пытался задержать продвижение Октавиана, но безрезультатно. Лишь под Александрией Антонию удалось разбить конницу неприятеля, но на следующий день его флот и легионы перешли на сторону Октавиана. Оставшись без войск и узнав, что Клео-

¹ Дион Кассий. LI. 6. 4—6; Плутарх. Антоний. 72—73.

патра якобы отравила себя, Антоний 1 августа 30 года покончил жизнь самоубийством. Он умер на руках египетской царицы¹.

Вслед за ним покончила жизнь самоубийством и обманутая Октавианом Клеопатра². Узнав, что ей придется участвовать в качестве пленницы в триумфальной процессии в Риме, она решила перехитрить своих охранников и избежать унижения путем смерти. По словам Плутарха, Клеопатра «велела приготовить себе купание, искупалась, легла к столу. Подали богатый, обильный завтрак. В это время к дверям явился какой-то крестьянин с корзиной. Караульные спросили, что он несет. Открыв корзину и раздвинув листья, он показал горшок, полный спелых смокв. Солдаты подивились, какие они крупные и красивые, и крестьянин, улыбнувшись, предложил им отведать. Тогда они пропустили его, откинув всякие подозрения. После завтрака, достав табличку с заранее написанным и запечатанным письмом, Клеопатра отправила ее Цезарю (Октавиану. — М. Б.), выслала из комнаты всех, кроме обеих женщин, которые были с нею в усыпальнице, и заперлась. Цезарь распечатал письмо, увидел жалобы и мольбы похоронить ее вместе с Антонием и тут же понял, что произошло. Сперва он хотел броситься на помощь сам, но потом, со всею поспешностью, распорядился выяснить, каково положение дела. Всё, однако, совершилось очень скоро, ибо когда посланные подбежали ко дворцу и, застав караульных в полном неведении, взломали двери, Клеопатра в царском уборе лежа-

¹ Дион Кассий. LI. 9. 5—6; 10. 6—9; Плутарх. Антоний. 74—77.

² Подробнее см.: Дион Кассий. LI. 11—14; Плутарх. Антоний. 83—86.

ла на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармион, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи. Кто-то в ярости воскликнул: “Прекрасно, Хармион!” — “Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей”, — вымолвила женщина и, не проронив больше ни звука, упала подле ложа. Говорят, что аспида принесли вместе со смоквами, спрятанным под ягодами и листьями, чтобы он ужалил царицу неожиданно для нее — так распорядилась она сама. Но, вынувши часть ягод, Клеопатра заметила змею и сказала: “Так вот она где была...” — обнажила руку и подставила под укус. Другие сообщают, что змею держали в закрытом сосуде для воды и Клеопатра долго выманивала и дразнила ее золотым веретеном, покуда она не выползла и не впилась ей в руку повыше локтя. Впрочем, истины не знает никто — есть даже сообщение, будто она прятала яд в полую головной шпильке, которая постоянно была у нее в волосах. Однако ж ни единого пятна на теле не выступило, и вообще никаких признаков отравления не обнаружили. Впрочем, и змеи в комнате не нашли, но некоторые утверждали, будто видели змеиный след на морском берегу, куда выходили окна. Наконец, по словам нескольких писателей, на руке Клеопатры виднелись два легких, чуть заметных укула. Это, вероятно, убедило и Цезаря, потому что в триумфальном шествии несли изображение Клеопатры с прильнувшим к ее руке аспидом»¹.

Цезарион, старший сын Клеопатры, и Антулл, старший сын Антония, были убиты по приказу Октавиана, так как он опасался, что в будущем они станут претен-

¹ *Плутарх. Антоний.* 85—86.

довать на верховную власть¹. Остальных детей Клеопатры и Антония он пощадил и отправил в Рим.

Октавиан полностью овладел Египтом и превратил его в римскую провинцию. Причем Египет подчинялся теперь непосредственно только императору, а во главе страны был поставлен назначенный им префект. Несколько богатых египетских имений получили друзья Октавиана, в том числе и Меценат. Есть также мнение, что Меценат и поэт Вергилий в конце 29-го — начале 28 года совершили совместное путешествие по Египту².

После завоевания Египта Октавиан снова отправился в Азию. В августе 29 года он наконец вернулся в Рим и отпраздновал грандиозный трехдневный триумф, посвященный победам в Иллирии, при Акции и в Александрии. Двери храма Януса были закрыты, что символизировало окончание войны. Наступил долгожданный мир.

Меценат после завершения войны не отошел от государственных дел, продолжал пользоваться благосклонностью Октавиана и оставался его ближайшим советником. Он не занимал никаких официальных постов, но тем не менее продолжал активно участвовать в государственных делах, как и ранее, обладая весьма широкими полномочиями³. Это заставило его ближайшего друга поэта Горация в одной из своих од, написанной в 28 году в честь Мецената, воскликнуть:

Бремя сбрось забот: человек ты частный;
Не волнуйся ты за народ; бегущим

¹ Там же. 81.

² *Andre J. M. Mécène. Essai de biographie spirituelle. Paris, 1967. P. 73.*

³ *White P. Maecenas' Retirement // Classical Philology. 1991. Vol. 86. No. 2. Apr. P. 130—138.*

Насладися днем и его дарами, —
Брось свои думы!¹

Однако Меценат не внял другу, и через несколько лет в очередной оде тому пришлось констатировать:

А ты, уставом города занятый
И благом граждан, вечно тревожишься,
Что нам готовят серы, бактры,
Киру покорные встарь, и скифы².

Последние строчки явно указывают на то, что сфера политической деятельности Мецената уже не была ограничена Римом и даже Италией, но распространялась за пределы государства, затрагивая международные отношения. Очевидно, что Меценат и во второй половине 20-х годов продолжал заниматься улаживанием всякого рода дипломатических проблем.

После гибели Марка Антония триумvirат окончательно прекратил свое существование. Октавиан столкнулся с проблемой дальнейшего развития Римского государства и даже подумывал вернуть все свои огромные полномочия сенату и народу, чтобы восстановить Республику. В конце 29 года он специально пригласил к себе Агриппу и Мецената для обсуждения данной проблемы. Дион Кассий в 52-й книге своей «Римской истории» описал любопытную дискуссию, которая якобы имела место на этой встрече³. Агриппа защищал демократию как наилучший государственный строй и критиковал монархию, отождествляя ее с тиранией, а Ме-

¹ Гораций. Оды. III. 8. 25—28. См. также: Оды. III. 8. 17.

² Гораций. Оды. III. 29. 25—28.

³ Дион Кассий. LII. 1. 1—2; 2—40.

ценат, напротив, выступал за монархию и отвергал народовластие.

Для нас, безусловно, наибольший интерес представляет именно речь Мецената¹. Она довольно обширна и содержит интересные советы по дальнейшему реформированию государственного управления. Из содержания речи вытекает, что Меценат являлся убежденным монархистом и советовал Октавиану не возрождать Республику, которая изжила себя. Обращаясь к императору, Меценат подчеркивает, что истинное народовластие невозможно реализовать на практике и, более того, оно в конечном итоге всегда приводит к гражданским войнам и междоусобицам. В качестве альтернативы Меценат предлагает единовластие, которое, чтобы оно не слишком бросалось в глаза, следует немного замаскировать под демократию. Для этого нужно осуществить большой комплекс политических, экономических и социальных реформ под контролем Октавиана².

В конце концов, как пишет Дион Кассий, Октавиан отдал предпочтение концепции Мецената, но реализовать все его идеи не успел³. Речь Мецената, безусловно, не подлинная и содержит прежде всего политические взгляды самого Диона Кассия, жившего во второй половине II — начале III века н. э.⁴ При этом Дион явно использовал какие-то до-

¹ Там же. ЛII. 14—40. Перевод речи Мецената см. в Приложении 2.

² См. также: Махлаюк А. В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV—LXXX. СПб., 2011. С. 400—406.

³ Дион Кассий. ЛII. 41. 1—2.

⁴ См. с литературой: Смышляев А. Л. «Речь Мецената» (Dio Cass. LII. 14—40): проблемы интерпретации // Вестник древ-

кументы и источники, отражавшие политические предпочтения Мецената, но вычленив их из текста уже не представляется возможным.

В конце 29-го и в 28 году Октавиан занимался постройкой, восстановлением и ремонтом многочисленных римских храмов. В том же 28 году он был вновь избран консулом вместе с Агриппой и получил полномочия цензора. Это позволило ему провести чистку сената и избавиться от оставшихся политических противников и недостойных людей, обманом получивших сенаторские звания¹. Кроме того, Октавиан был избран принцепсом сената (*princeps senatus*) — самым уважаемым, «первым» сенатором, который имел право высказываться первым по любому вопросу, ибо его имя стояло первым в списке сенаторов. Еще ранее, в 29 году, Октавиану был присужден постоянный титул императора, подразумевающий, что его носитель обладает неограниченной военной и гражданской властью².

13 января 27 года Октавиан выступил перед сенатом с речью, в которой заявил, что возвращает власть сенату и народу, слагает с себя все полномочия и восстанавливает Республику. Однако сенаторы, отчасти из-за страха, отчасти понимая, что слова принцепса неискренни, уговорили его не слагать с себя власть полностью. Слишком много людей было крайне заинтересовано в том, чтобы он оста-

ней истории. 1990. № 1. С. 54—65; Марков К. В. К вопросу о политическом смысле «Речи Мецената» (Dio Cass. LII. 14—40) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (2). С. 287—292.

¹ Светоний. Божественный Август. 35. 1; Дион Кассий. LII. 42. 1—2; В будущем Октавиан предпринял еще несколько чисток сената.

² Дион Кассий. LII. 41. 3—4.

вался во главе государства: его ближайшее окружение, сенаторы и всадники, получившие от него посты и звания, ветераны, получившие от него земли, крупные собственники, нажившиеся на конфискованном имуществе проскрибированных. В итоге Октавиан получил полномочия проконсула на десять лет, сохранил власть над армией, контроль над большинством провинций, а также право выставлять свою кандидатуру на консульских выборах¹. 16 января сенат преподнес Октавиану имя «Август» («Величественный»), венок за спасение государства и золотой щит. Все это рассматривалось как подлинное восстановление Республики. На деле же начался долгий период фактически единоличного правления императора Августа, получивший впоследствии название «принципат Августа».

В 27—25 годах Октавиан предпринял инспекционную поездку по галльским и испанским провинциям. Он даже намеревался совершить военный поход в Британию, но ему помешали восстания племен в Испании². Усмирив испанские племена, Октавиан в начале 24 года вернулся в Рим.

Поскольку его брак с Ливией был бездетным, Август решил приблизить к себе сына своей сестры Октавии — Марка Клавдия Марцелла. Еще в 25 году он женил восемнадцатилетнего Марцелла на своей дочери Юлии от второго брака. На церемонии бракосочетания Август, правда, не присутствовал, так как заболел по пути из Испании и не смог вовремя прибыть в Рим³.

В качестве зятя и предполагаемого преемника принцепса Марцелл стал активно продвигаться по

¹ Там же. LIII. 3—11, 12—13.

² Там же. LIII. 25. 2.

³ Там же. LIII. 27. 5.

карьерной лестнице. Однако когда весной 23 года Август смертельно заболел, то все государственные бумаги он передал второму консулу Гнею Кальпурнию Пизону, а свой перстень как знак власти и преемства вручил не Марцеллу, а Агриппе. По счастью, врачу Антонию Музе удалось вылечить принцепса¹. Марцелл был обижен — и не только на Августа, показавшего, что он не воспринимает его как полноценного преемника, но более всего на Агриппу, которого стал отныне считать своим соперником. Агриппа благоразумно покинул Рим и отправился на Восток, якобы по поручению Августа, остановившись, правда, на острове Лесбос. Осенью 23 года Марцелл умер при загадочных обстоятельствах, и через некоторое время Агриппа вновь вернулся в Рим².

После болезни Август сложил с себя полномочия консула, и взамен сенат предоставил ему пожизненные полномочия трибуна и даровал постоянную проконсульскую власть с правом сохранения ее на территории Рима³. Из-за эпидемий в Италии в начале 22 года в Риме разразился голод и начались волнения. Народ требовал, чтобы Август принял должность диктатора и взял на себя снабжение города хлебом. Август категорически отказался от диктатуры, но согласился помочь с доставкой хлеба, успокоив взбунтовавшийся народ⁴. Осенью 22 года

¹ Дион Кассий. LIII. 28. 3—4; 30. 1—3.

² Там же. LIII. 30. 4; 32. 1; Светоний. Божественный Август. 66. 3.

³ Дион Кассий. LIII. 32. 3—5. По закону власть проконсула не распространялась на территорию Рима и прекращалась с пересечением границы города.

⁴ Там же. LIV. 1. 2—5; Светоний. Божественный Август. 52. 1.

он отправился на Восток и вернулся в Рим только в конце 19 года. Важнейшим результатом этой поездки было заключение мира с Парфией.

В 22 году был раскрыт новый заговор против Августа, одним из участников которого был ординарный консул 23 года Авл Лициний Мурена¹, брат Теренции, жены Мецената². Узнав о раскрытии заговора, Меценат не удержался и сообщил об этом жене³. Теренция успела предупредить брата, и тот бежал. Мурена был осужден заочно, а спустя некоторое время схвачен и казнен.

Некоторые зарубежные исследователи полагают, что после этого Меценат впал в немилость и Август резко охладил к своему другу, расценив его болтливость как предательство⁴. Действительно, по свидетельству историка Светония, Август не раз жаловался, что Меценату недостает умения молчать⁵. Однако другие античные авторы, напротив, указывают на скрытность и немногословность Мецената. Например, вот что пишет Гораций о первой встрече с Меценатом:

В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова,
Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил...⁶

¹ После усыновления Теренцием Варроном он стал называться Авл Теренций Варрон Мурена и под таким именем вошел в историю.

² Дион Кассий. LIV. 3. 4—6.

³ Светоний. Божественный Август. 66. 3.

⁴ Подробнее с литературой см.: White P. Op. cit. P. 130—138.

⁵ Светоний. Божественный Август. 66. 3.

⁶ Гораций. Сатиры. I. 6. 56—61.

Здесь налицо явное указание на немногословность Мецената, его умение владеть собой в присутствии незнакомых людей. Более того, историк Секст Аврелий Виктор прямо пишет, что Август весьма ценил Мецената именно «за его умение молчать»¹. Вполне возможно, что Меценат специально «проговорился» Теренции, чтобы Август имел возможность без лишнего шума убрать Мурену, так как побег расценивался как полное признание его вины. Судебное разбирательство же, напротив, могло привести к нежелательным последствиям и вызвать недовольство в обществе².

Следовательно, после заговора Мурены Меценат по-прежнему оставался близок к Августу и пользовался его исключительным доверием. На это указывает и тот факт, что когда в 21 году Август решал, выдавать ли свою дочь Юлию за Агриппу или нет, он предварительно обратился за советом к Меценату, от которого получил следующий ответ: «Ты возвысил его настолько, что он должен быть либо твоим зятем, либо мертвым»³. Как известно, Август последовал совету своего друга и ввел Агриппу в свою семью, заставив его развестись с первой женой Клавдией Марцеллой, дочерью Октавии. Юлия родила Агриппе двух мальчиков — Гая (родился в 20 году) и Луция (родился в 17 году), которых Август фактически сделал своими преемниками.

¹ *Секст Аврелий Виктор*. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. I. 18. См.: Римские историки IV века. М., 1997. С. 125.

² *Williams G. Did Maecenas «Fall from Favour»? Augustan Literary Patronage // Between Republic and Empire: Interpretations of Augustus and His Principate*. Berkeley, Los Angeles, 1993. P. 260.

³ *Дион Кассий*. LIV. 6. 5.

В 17 году Август собирался официально усыновить Гая и Луция. По сообщению Сенеки Старшего, Порций Латрон, один из известных ораторов того времени, как-то выступал перед слушателями, в числе которых были Август, Меценат и Агриппа. В своей речи он затронул проблему усыновления нобилиями детей от родителей низкого происхождения, явно намекая на усыновление Августом детей Агриппы: ведь последний не мог похвастаться знатностью своего рода. Как только Меценат это услышал, он велел Латрону быстрее закончить речь, объявив, что принцепс торопится по своим делам¹. В этом эпизоде Меценат явно проявил благородство и тактичность по отношению к Августу и Агриппе. Хотя нашлись и те, кто утверждал, будто Меценат, напротив, своими действиями привлек внимание Августа к речи оратора и тем самым проявил «злокозненность».

И все же между Августом и Меценатом происходили размолвки. Главной причиной тому была Теренция, жена Мецената. Дело в том, что она, вероятно, первоначально была любовницей Августа. Марк Антоний, например, в одном из писем обвинял Октавиана, что тот спит со всеми женщинами подряд, упомянув в их числе Терентиллу², под именем которой, как принято считать, скрывалась Теренция. Затем она была выдана замуж за Мецената. Правда, не очень ясно, в каком году это произошло. И уже будучи женой Мецената, Теренция продолжала состоять в любовных отношениях с Августом. Это, безусловно, не могло устраивать Мецената³, который, помимо того, что жена изменяла ему,

¹ *Сенека Старший*. Контroversии. II. 4(12). 12—13.

² *Светоний*. Божественный Август. 69. 2.

³ *Дион Кассий*. LV. 7. 5.

столкнулся с ее холодностью и постоянными отказами выполнять супружеские обязанности¹.

В ответ на измены жены Меценат пытался скрасить свою личную жизнь мимолетными увлечениями на стороне. Плутарх в трактате «Об Эроте» приводит следующую забавную историю: «Один римлянин по имени Габба угощал как-то обедом Мецената. Заметив, что тот обменивается знаками внимания с его женой, он потихоньку склонил голову, как будто уснув. Но когда кто-то из рабов, подбежав из другой комнаты к столу, попытался унести вино, Габба, отбросив позу спящего, воскликнул: “Мошенник, разве ты не понимаешь, что я сплю только для одного Мецената?”»². Габба — знаменитый придворный шут Августа. Еще одним известным придворным шутом являлся вольноотпущенник Мецената по имени Сармент. Этот человек был прежде рабом Марка Фавония, огромное имущество которого после битвы при Филиппах перешло во владение Мецената³.

Но интрижки с другими женщинами Меценату не помогли. Вероятно, он продолжал искренне любить свою жену⁴. Об этом красноречиво свидетельствует стихотворение Горация, посвященное Меценату, в котором Теренция скрыта под именем Ликимнии:

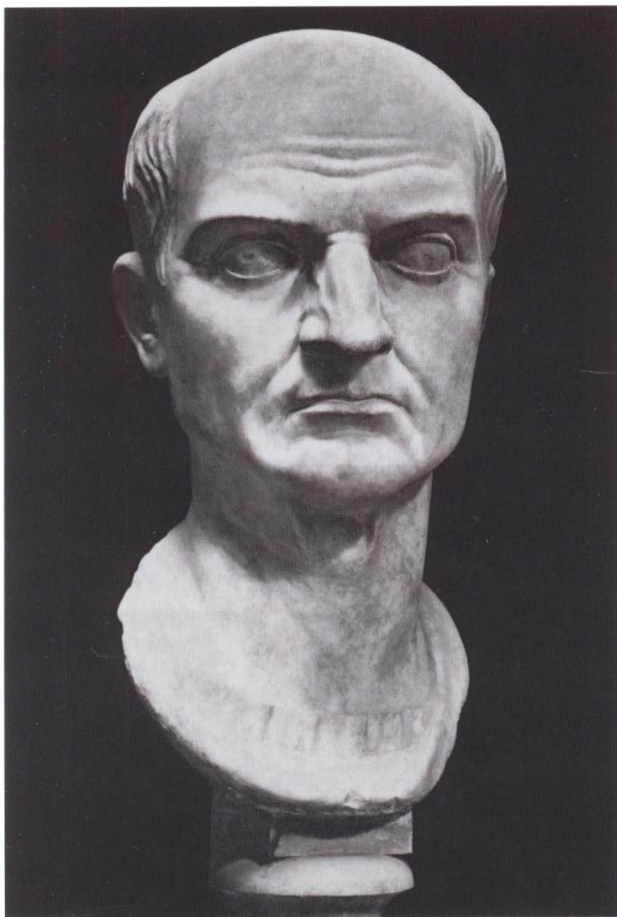
Ну, а я воспою, Музе покорствуя,
Звонкий голос твоей милой Ликимнии,
Ясный блеск ее глаз, грудь ее, верную

¹ *Сенека*. О провидении. III. 10—11; *Watson A.J.M.* An attempt at a psychological analysis of Maecenas // <http://akroterion.journals.ac.za/> P. 25.

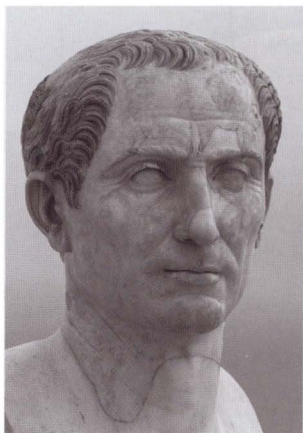
² *Плутарх*. Моралии. Об Эроте. 16.

³ Схолии к сатирам Ювенала. V. 3.

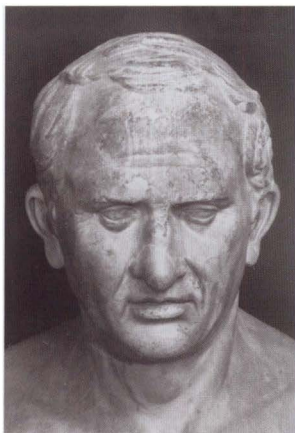
⁴ На это явно намекает Сенека: О провидении. III. 10—11.

Гай Цильний Меценат. Рим, Дворец Консерваторов

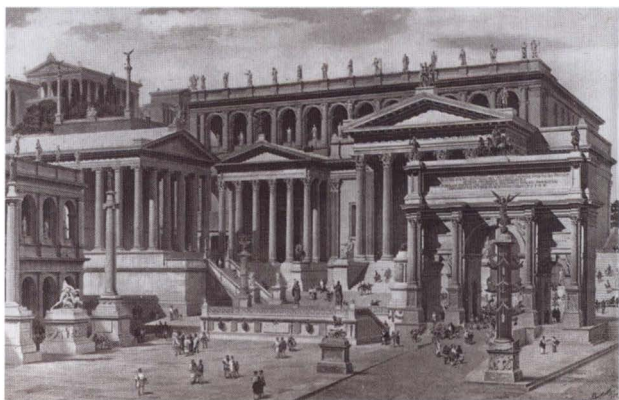

Гай Юлий Цезарь. Неаполь, Национальный археологический музей. II в. н. э.

Цицерон. Рим, Ватиканские музеи, Музей Кьярамонти. Конец I в. до н. э.

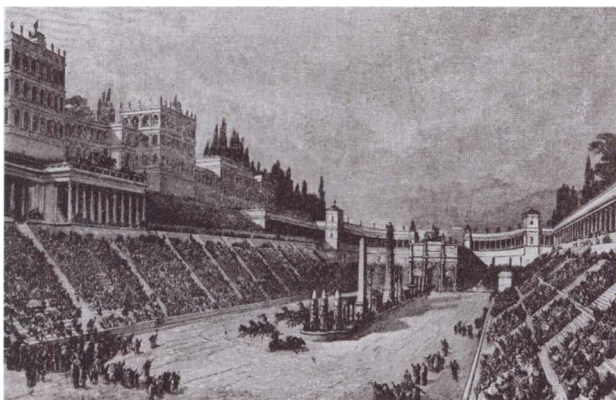
Римский форум. Реконструкция XIX в.

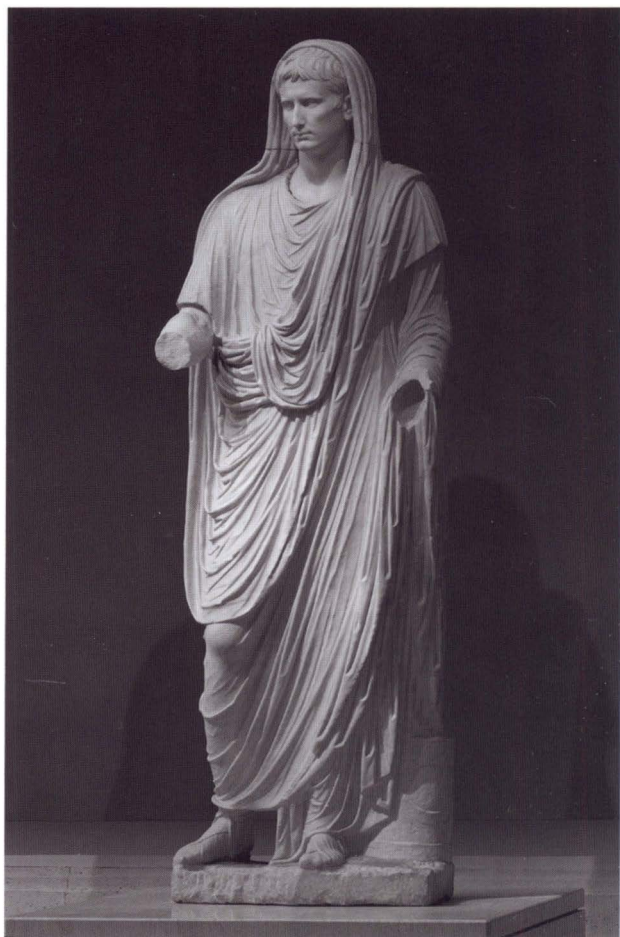

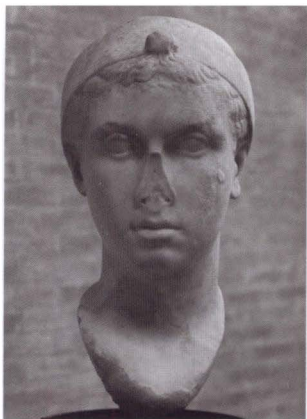
Добей его! Ж. Л. Жером. 1872 г.

Большой цирк. Реконструкция

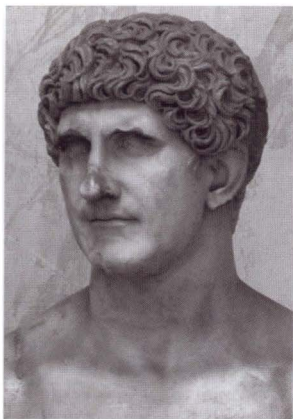

Октавиан Август. Рим, Национальный римский музей, Палаццо Массимо в Термах. Около 20 г. до н. э.

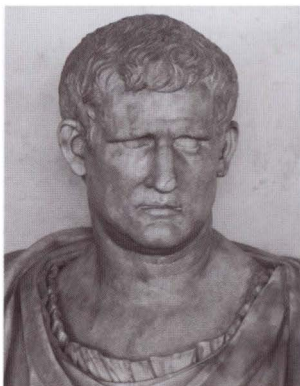
Клеопатра VII. Рим,
Ватиканские музеи,
Григорианский светский
музей. 40—30-е гг. до н. э.

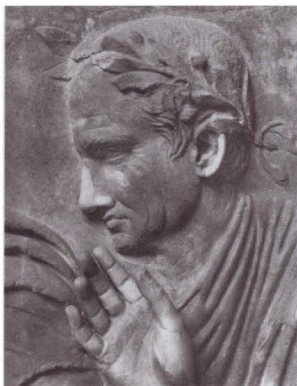
Марк Антоний. Рим,
Ватиканские музеи, Музей
Кьярамонти. Эпоха Флавиев

Морская
фауна.
Мозаика
из Помпей

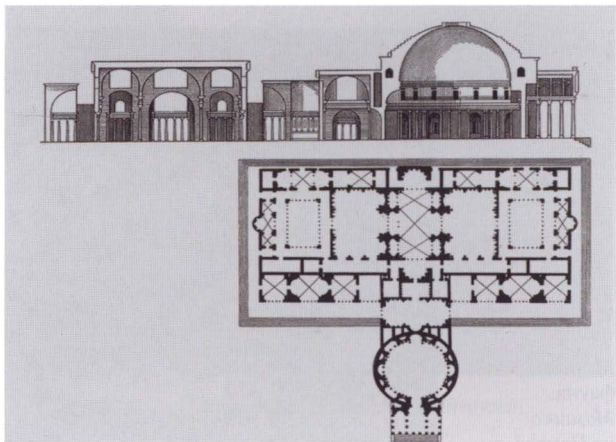

Марк Випсаний Агриппа.
Флоренция, галерея Уффици.
30—20-е гг. до н. э.

Гай Цильний Меценат.
Алтарь Мира. Южная
процессия

Термы Агриппы в Риме. *Реконструкция*

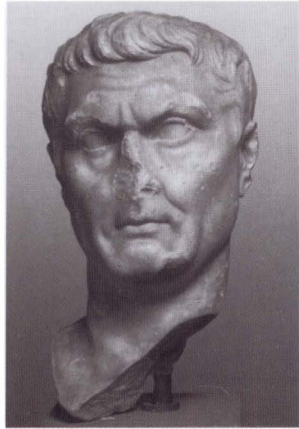
Алтарь Мира. Южная процессия

Алтарь Мира. Рим

Теренция, жена Мецената.
Ареццо

Гай Цильний Меценат.
Ареццо

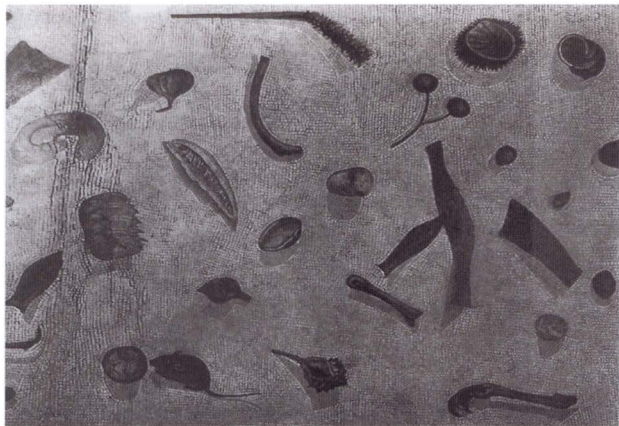
Вилла Мецената в Тиволи с водопадами. *Я. Ф. Хаккерт. 1783 г.*

Римский пир. Фреска. Геркуланум

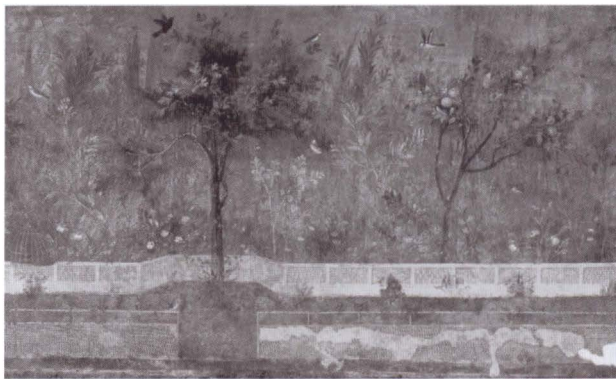
Объедки на полу. Мозаика. Рим, Ватиканские музеи

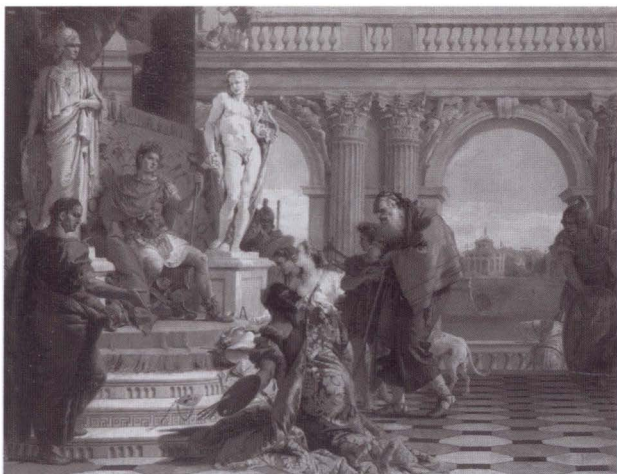

Аудитория Мецената

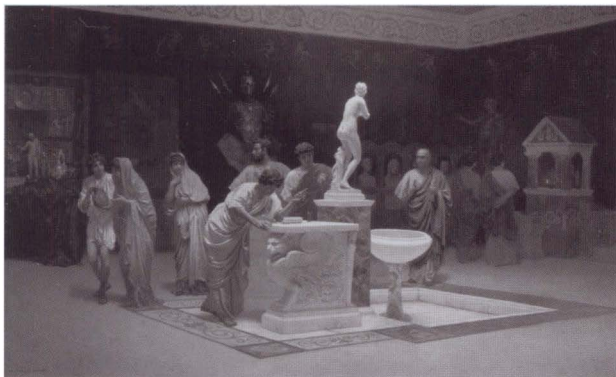
Римский парк. Фреска. Прима Порта, дом Ливии

В приемной у Мецената. С. В. Бакалович. 1890 г.

Меценат представляет императору Августу
свободные искусства. Д. Б. Тьеполо. 1743 г.

Вергилий. *Неаполь*

Вергилий, читающий
«Энеиду» Августу
и Октавии. *А. Кауфман.*
1788 г.

Гораций.
Медальон

Гораций,
Вергилий
и Варий дома
у Мецената.
Ч. Джалаберта.
1867 г.

Бродячие
музыканты.
Мозаика
из Помпей

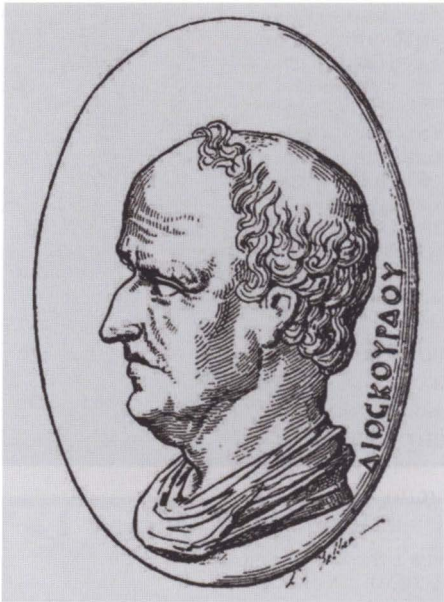
Палатца
Массимо.
Мозаика.
I в. до н. э.—
I в. н. э.

Фрукты. Фреска. Помпеи

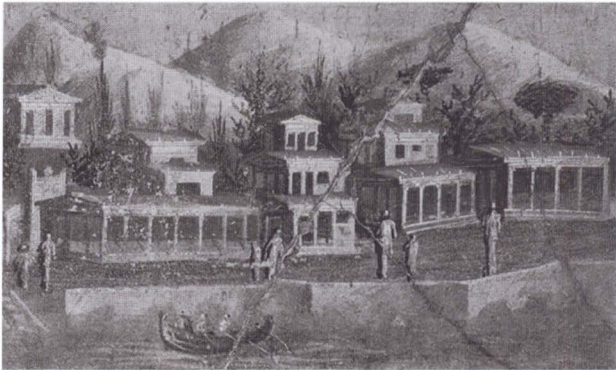
**Гораций читает свои сатиры Меценату.
Ф. А. Бронников. 1863 г.**

Гай Цильний
Меценат.
*Резной
аметист.
Работа
знаменитого
гравера
Диоскорида*

Пейзаж
с виллой.
Помпеи,
дом Фронтоня

Неизменной любви твоей.
Ей к лицу выводить цепь хороводную;
В играх первую быть; в пляске, в Дианин день,
В храме, полном людей, руки протягивать
К девам, пышно разряженным.
Все богатства казны Ахеменидовой,
Аравийских дворцов, пашен Мигдонии
Неужели бы ты взял за единственный
Волос милой Ликимнии
В миг, как шею она страстным лобзаниям
Отдает, иль тебя, в шутку упорствуя,
Отстранит, чтоб силком ты поцелуй сорвал —
Или чтобы самой сорвать?¹

Из-за постоянных отказов жены, ее капризов и истерик, а также из-за ее любовных отношений с Августом нервная система Мецената пришла в расстройство и у него началась постоянная бессонница. Он пытался засыпать под тихое журчание фонтанов в своих садах, использовал в качестве снотворного неразбавленное вино, а также приглашал музыкантов, чтобы «усыпить себя с помощью мелодичных звуков музыки, тихо доносящихся издалека»². Однако все это, очевидно, ему мало помогало. Более того, как сообщает Плиний Старший, со временем болезненное состояние Мецената переросло в неизлечимую нервную лихорадку, и «ему в последние три года жизни не удалось уснуть даже на час»³.

В 16 году, после очередной чистки сената и принятия непопулярных брачных законов, Август вознамерился на три года отправиться в Галлию, опасаясь возросшего недовольства в обществе. Дион Кассий называет еще одну причину отъезда: «Некоторые даже поговаривали, что удалился он из-за

¹ *Гораций*. Оды. II. 12. 13—28.

² *Сенека*. О провидении. III. 10—11.

³ *Плиний Старший*. Естественная история. VII. 51. 172.

Теренции, жены Мецената, так как о их отношениях в Риме ходило немало пересудов, и будто бы даже намеревался жить вместе с ней где-нибудь за границей подальше от всяких сплетен. Он ведь и в самом деле до такой степени был в нее влюблен, что однажды заставил ее состязаться в красоте с Ливией»¹. Действительно, если судить по мраморному бюсту Теренции, обнаруженному в Ареццо в 1925 году, она не только не уступала Ливии в красоте, но даже во многом превосходила ее².

Уезжая в Галлию, Август естественно не поставил Мецената во главе Рима, как прежде. Теперь из-за Теренции он не питал к нему прежнего расположения³.

Философ Сенека в одном из своих писем обмолвился, что Меценат «тысячу раз женился — и брал ту же самую жену»⁴. Не исключено, что слова Сенеки свидетельствуют о настоящем разводе с Теренцией⁵. Действительно, в огромном своде законов императора Юстиниана — «Дигестах» — чудом сохранилось упоминание о бракоразводном процессе Мецената и Теренции⁶. Но расставшись с женой, Меценат спустя какое-то время стал буквально забрасывать ее подарками в надежде, что она вернется. И Теренция вернулась к нему — но лишь затем, чтобы через некоторое время вновь развестись с ним, и на этот раз уже окончательно. Можно лишь

¹ Дион Кассий. LIV. 19. 3.

² *Andrae B.* Die Bildnisse des Gaius Cilnius Maecenas in Arezzo und an der Ara Pacis // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. 2005/2006. № 112. S. 137—140, abb. 6—11.

³ Дион Кассий. LIV. 19. 6; ср.: Тацит. Анналы. III. 30.

⁴ Сенека. Письма. CXIV. 6.

⁵ См. также: Элегия о Меценате. II. 7—10.

⁶ Дигесты. XXIV. 1. 64.

посочувствовать Меценату, тем более что брак с Теренцией не принес ему детей и он остался без потомства. Все свое имущество Меценат еще при жизни завещал Августу, несмотря на то, что обижался на него из-за жены¹.

Август вернулся из Галлии в 13 году. Время, проведенное вдали от Рима, заставило его, вероятно, переосмыслить свои отношения с Меценатом, тем более что Теренция уже не была женой последнего. Принцепс решил примириться со своим другом. 4 июля 13 года он пригласил его участвовать в торжественной процессии по случаю закладки и освящения Алтаря Мира на Марсовом поле. Строительство алтаря было закончено в 9 году. Этот замечательный памятник представлял собой огороженную высокими мраморными стенами площадку, в центре которой на ступенях находился жертвенник. На одной из стен алтаря помещена процессия, участвовавшая в его освящении. Изображены родственники и близкие друзья Августа, в том числе и Меценат. Считается, что это одно из самых достоверных его изображений: пожилой, немного лысый мужчина в венке, лицо его избороздено глубокими морщинами².

Сохранилось несколько скульптурных изображений Мецената. Во-первых, это мраморный бюст, обнаруженный в 1958 году в Ареццо, который представляет Мецената в расцвете сил. На нас смотрит 45-летний, пышущий здоровьем, кудрявый, уверенный в себе человек с волевым, даже немного надменным выражением лица³. Во-вторых, это боль-

¹ Дион Кассий. LV. 7. 5.

² Moretti G. Ara Pacis Augustae. Roma, 1948. P. 287, fig. 103, 192.

³ Andreae B. Op. cit. S. 122—125, 129—131, 145—148, abb.

шой мраморный бюст, который в настоящее время хранится в Риме во Дворце консерваторов. Скульптор изобразил пожилого Мецената, сильно облысевшего, с заострившимися чертами лица, впалыми щеками и грустными глазами¹. Видимо, этот бюст был выполнен незадолго до смерти Мецената, измученного неизлечимой бессонницей. Известны также две геммы с изображением профиля Мецената, одна из которых выполнена знаменитым мастером Диоскоридом². Вышеперечисленные памятники позволяют довольно хорошо представить внешность Мецената. Отметим еще, что он сам в одной из эпиграмм, посвященных поэту Горацию, указывал на свою тучность³.

Пришло время сказать несколько слов и об удивительном характере Мецената, насколько это позволяют нам античные писатели, сохранившие в своих произведениях редкие упоминания о его личности.

Меценат представляется достаточно мягким и добросердечным человеком⁴. Он был единственным, кто мог благотворно влиять на Августа и умирять его гнев. При этом, обладая величайшим влиянием на императора, Меценат никогда не пользовался им во вред другим людям, а напротив, при возможности пытался остудить гнев Августа и спасти невиновных⁵. Дион Кассий описывает сле-

1—5. О том, что у Мецената были роскошные кудри, писал и поэт Гораций: Оды. III. 29. 4.

¹ Di un busto colossale in marmo di Caio Cilnio Mecenate, scoperto e posseduto dal cavaliere Pietro Manni. Parigi, 1837. Вклейка, рис. 1.

² Ibid. Вклейка, рис. 2 и 3.

³ Светоний. Гораций. 2.

⁴ Сенека. Письма. CXIV. 7.

⁵ Дион Кассий. LV. 7. 1, 4; Сенека. Письма. CXIV. 7.

дующий, весьма показательный случай: «Меценат, представ перед императором, когда тот вершил суд, и видя, что Август уже готов многих приговорить к смертной казни, попытался пробиться сквозь обступившую императора толпу и подойти поближе, но не сумел и тогда написал на писчей табличке: “Встань же ты, наконец, палач!” И словно какую-то безделушку, он бросил ее Августу в складки его тоги, а тот в свою очередь не стал выносить смертный приговор кому бы то ни было, встал и ушел»¹. Человеколюбие и доброту Мецената весьма ценили граждане Рима, относившиеся к нему с большим уважением². Когда он впервые после долгой болезни в 30 году появился в театре, публика встретила его восторженными криками и аплодисментами³.

Фактически обладая огромной властью, Меценат категорически отвергал все ее внешние проявления. Он никогда не занимал никаких официальных государственных должностей, отказался стать сенатором и до конца жизни довольствовался положением всадника⁴. Как пишет историк Веллей Патеркул, Августу Меценат «был не менее дорог, чем Агриппа, но менее, чем тот, отмечен почестями, потому что был почти удовлетворен узкой каймой, — мог бы достичь не меньшего, но к этому не стремился»⁵. Поэт Проперций открыто высказывал свое недоумение из-за такого поведения Мецената:

¹ *Дион Кассий*. LV. 7. 2.

² Там же. LV. 7. 4.

³ *Гораций*. Оды. I. 20. 5—8; См. также: *Гораций*. Оды. II. 17. 25—26.

⁴ *Проперций*. III. 9. 1—2, 23—30; *Тацит*. *Анналы*. III. 30; *Веллей Патеркул*. II. LXXXVIII. 2; *Дион Кассий*. LV. 7. 4; *Элегия о Меценате*. I. 31—32. Ср.: *Гораций*. *Сатиры*. I. 6.

⁵ *Веллей Патеркул*. *Римская история*. II. LXXXVIII. 2.

Римский сановник, ты мог бы на форуме ставить секиры,
Властью своею в суде произносить приговор,
Мог бы свободно пройти сквозь копья мидян ратоборных
И украшать свой дворец пленным доспехом врага,—
Так как на подвиги те дает тебе Цезарь и силу,
И без помехи всегда льются богатства к тебе,—
Все же уходишь ты в тень, себя выставя ничтожным,
Сам подбираешь края бурей надутых ветрил¹.

Тем не менее Меценат обладал огромным влиянием при дворе, являлся ближайшим другом Августа, третьим человеком в государстве после самого императора и Агриппы! Почему же он не стремился к официальной власти и должностям, имея для этого все возможности? Это загадка. Некоторые ученые считают, что он как наследник этрусских царей считал ниже своего достоинства прислуживать римлянам. Возможно также, что для Мецената смысл жизни заключался в обычном досуге и наслаждениях, о чем так мечтал престарелый Август, не имевший возможности сбросить с себя чудовищное бремя власти. Но всё это только гипотезы. В своем не дошедшем до нас сочинении «Прометей» Меценат бросил глубокомысленную фразу: «Вершины сама их высота поражает громом»². Может быть, в этих словах заключается разгадка?

Меценат был своеобразным, даже несколько эксцентричным человеком, обожавшим эпатировать публику. Например, он часто «расхаживал по Риму в неподпоясанной тунике (даже когда он замещал отсутствовавшего Цезаря, пароль получали от распоясанного полководца)»³ — что было прямым вызовом общественному мнению. Однако при

¹ *Проперций*. III. 9. 23—30.

² *Сенека*. Письма. XIX. 9.

³ Там же. CXIV. 6.

этом Меценат проявлял недюжинное мужество: «в разгар гражданской войны, когда город был в страхе и все вооружились, ходил по улицам в сопровождении двух скопцов — больше мужчин, чем он сам»¹. Эти слова Сенеки звучат как упрек, но ведь нужно было быть очень смелым человеком в то неспокойное время, чтобы, замещая Августа в Риме, появляться на улице практически без охраны.

Он был очень талантливым и образованным человеком, коль скоро сумел собрать вокруг себя самых блестящих поэтов и писателей своего времени, о чем речь еще впереди. Именно благодаря его материальной поддержке не погиб талант величайших древнеримских поэтов — Вергилия, Горация, Проперция.

Однако талант и образованность непостижимым образом соединялись в нем с крайней изнеженностью и сластолюбием, за что он часто подвергался обвинениям в эпикурействе и даже распущенности². Действительно, Меценат обожал роскошь, ему нравились драгоценные камни и красивая одежда. Он любил не только хорошо поесть, но и удивить других богатством и разнообразием яств на своем столе. Размеры и великолепие его дворцов и вилл поражали современников. Однако не следует забывать, что он был этрусском. Характеристика этрусков как изнеженных людей, стремящихся к роскоши и наслаждениям, была известна всем и вполне соответствовала тому образу жизни, который вел Меценат.

Меценат, как никто, умел дружить, быть верным и преданным³, о чем пишут многие античные пи-

¹ Там же. СХІV. 6; ср.: *Сенека*. Письма. ХСІІ. 35.

² *Сенека*. Письма. СХІV. 4, 6—8.

³ *Гораций*. Сатиры. I. 6. 50—64.

сатели, особенно подчеркивая его многолетнюю дружбу с Августом¹. По сообщению Плутарха, «от Мецената, обычного своего застольника, он (Август. — М. Б.) каждый год в день рождения получал в подарок чашу»². Ближайшими друзьями Мецената были поэты, входившие в его литературный кружок, а также философ Арий³ и братья Виски, сыновья Вибия Виска, друга Августа⁴. Однако самым близким, самым «закадычным» другом Мецената являлся на протяжении многих лет, безусловно, поэт Гораций.

Меценат, наконец, был великолепным политиком и дипломатом; он отлично умел ладить с самыми разными людьми. Об этом красноречиво свидетельствует вся его деятельность во время гражданских войн. Свои обязанности, а также многочисленные поручения, которые ему давал Август, Меценат всегда выполнял блестяще и для блага своего отечества сделал очень много⁵.

Таким представляется характер Мецената. Безусловно, его личность была намного сложнее и многограннее, но, к сожалению, неумолимое время стерло все остальные следы.

В марте 12 года умер один из ближайших друзей Августа, его правая рука и преемник Марк Випсаний Агриппа. Потеря близкого друга, очевидно, заставила Августа окончательно примириться с Ме-

¹ См., напр.: *Проперций*. II. 1. 36; III. 9. 34; *Плутарх*. Антоний. 35; *Дион Кассий*. LV. 7. 1; *Секст Аврелий Виктор*. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. I. 18; *Марк Аврелий*. VIII. 31.

² *Плутарх*. Изречения царей и полководцев. 91. Цезарь Август. 6. См.: *Плутарх*. Застольные беседы. Л., 1990. С. 385.

³ *Элиан*. Пестрые рассказы. XII. 25.

⁴ *Гораций*. Сатиры. I. 9. 23; I. 10. 82; II. 8. 20.

⁵ *Веллей Патеркул*. Римская история. II. LXXXVIII. 2.

ценатом. Последние годы своей жизни Меценат серьезно болел, и принцепс, по словам историка Тацита, позволил ему, «не покидая города, жить настолько вдали от дел, как если бы он пребывал на чужбине»¹.

Пройдет еще несколько лет, и в 8 году Меценат вслед за Агриппой покинет этот мир. Август будет оплакивать своих друзей до конца жизни². И не раз, оказываясь в ужасных ситуациях, он будет восклицать: «Ничего этого не приключилось бы со мною, если бы живы были Агриппа или Меценат!»³

...Несколько лет спустя после смерти Мецената на свет появилась посвященная его кончине элегия — «Элегия о Меценате», написанная неизвестным автором. Фактически это произведение (около 180 стихотворных строк) делится на две самостоятельные части. В первой, большей по объему автор повествует об умершем Меценате, превозносит его многочисленные достоинства и заслуги, а также оправдывает его сибаритство и крайнюю изнеженность. Во второй же части сам умирающий Меценат обращается к императору Августу с выражением преданности и признательности. Авторство «Элегии о Меценате» пытались приписать Вергилию, что совершенно невозможно, так как тот умер раньше Мецената. Некоторые относили данную элегию к творчеству Овидия, что также не может быть подтверждено. Долгое время автором также считали поэта Педона Альбинована, однако и его кандидатура со временем была отвергнута.

¹ Тацит. *Анналы*. XIV. 53; ср.: XIV. 55.

² *Сенека*. *О благодеяниях*. VI. 32. 3; *Дион Кассий*. LV. 7. 1, 5; ср.: *Плутарх*. *Демосфен/Цицерон*. 52(3).

³ *Сенека*. *О благодеяниях*. VI. 32. 2.

Глава третья

БУДНИ СИБАРИТА

Многие античные писатели упрекали Мецената в крайней изнеженности¹. Особенно в этом преуспел философ Сенека, который полагал, что именно изнеженность испортила Мецената и из-за этого все его таланты и дарования не смогли раскрыться в полной мере². «От природы он был велик и мужествен духом, да только распустился от постоянных удач», — добавляет Сенека в одном из своих писем³.

Каков же был образ жизни нашего героя?

Распорядок его дня, очевидно, не сильно отличался от распорядка дня обычного богатого римлянина. Римляне (и богачи, и бедняки) вставали с постели обычно с рассветом. Дневным светом дорожили, поскольку искусственное освещение оставляло желать лучшего. Утренний туалет был предельно прост: обуться, одеться, умыться.

Одежда римлян не отличалась особым разно-

¹ См., напр.: *Веллей Патеркул*. Римская история. II. LXXXVIII. 2; *Сенека*. Письма. CXIV. 8; *Ювенал*. IV. 12. 38—39.

² *Сенека*. Письма. CXIV. 4—8.

³ Там же. XCII. 35.

образом и делилась на верхнюю и нижнюю. К мужской верхней одежде относилась тога, которую был обязан постоянно носить каждый римский гражданин. Тога представляла собой большой овальный кусок белой шерстяной материи, в который еще нужно было уметь завернуться. Дети и высшие магистраты носили тогу, окаймленную пурпурной полосой. К верхней одежде относились еще несколько видов плащей, надевавшихся по разным случаям. Основной нижней одеждой и для мужчин, и для женщин служила шерстяная туника — нечто вроде длинной рубахи с короткими рукавами, доходившей до икр. Ее носили под тогой на голое тело и обязательно подпоясывали. У сенаторов и всадников туники имели пурпурные вертикальные полосы как знак их достоинства. Характерной женской верхней одеждой служила *стола* — длинное одеяние со множеством складок, доходившее до пят¹.

Так вот Меценат, в отличие от других римлян, придерживавшихся традиционной одежды, не носил тогу и предпочитал более просторные одежды, например греческий паллий (специального покроя плащ). При этом он его использовал так, что «и на суде, и на ораторском возвышении, и на любой сходке появлялся с закутанной в плащ головой, оставляя открытыми только оба уха, наподобие богатых беглецов в мимах»². Такая манера одеваться, безусловно, вызывала недоумение и насмешки. Более того, свободно набрасывая паллий на тунику, Меценат ходил неподпоясанным, что было уже прямым вызовом общественному мнению³. Обожал

¹ *Гиро П.* Указ. соч. С. 178—183; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 91—104.

² *Сенека.* Письма. CXIV. 6.

³ Там же; ср.: Элегия о Меценате. I. 21—26, 59.

он и пурпурные ткани, о чем с юмором пишет сатирик Ювенал:

Выкинуть самое ценное даже — пурпурные ткани,
Годные стать одеяньем изнеженного Мецената...¹

Одевшись, римляне отправлялись бриться и стричься к цирюльнику. Богатые люди обычно имели личного цирюльника. Бритье являлось необходимой, но весьма неприятной процедурой, поскольку цирюльники брили железными лезвиями, наточить которые до нужной остроты было невозможно. Более того, римляне не знали мыла, и кожа лица, соответственно, ничем не умягчалась; ее лишь слегка споласкивали обычной водой².

После часа мучений следовал легкий завтрак, а затем римляне полностью отдавались хозяйственным заботам; клиенты направлялись поприветствовать своих патронов, патроны принимали своих клиентов, магистраты шли на службу, истцы и ответчики — в суд. Известно, что Меценат нередко бывал в суде и в 12 году вместе с Апулеем, племянником принцепса, даже выступал в роли защитника, пытаясь своим авторитетом поддержать обвиняемого. Когда же зарвавшийся обвинитель стал его оскорблять, в зал суда вошел Август и «запретил обвинителю порочить своих родственников и друзей»³.

Если официальных дел в этот день не было, римляне наносили друг другу визиты вежливости, присутствовали на свадьбах, праздниках в честь совершеннолетия. Плиний Младший так писал по этому

¹ Ювенал. IV. 12. 38—39.

² Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 122.

³ Дион Кассий. LIV. 30. 4.

поводу: «Удивительно, как в Риме каждый день занят или кажется занятым; если же собрать вместе много таких дней — окажется, ничего ты не делал. Спроси любого: “Что ты сегодня делал?” — он ответит: “Присутствовал на празднике совершеннолетия, был на стоворе или на свадьбе. Один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий прийти на совет”. Все это было нужно в тот день, когда ты этим был занят, но это же самое, если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей, особенно если ты уедешь из города. И тогда вспомнишь: “сколько дней потратил я на пустяки!”»¹.

В I веке до н. э. Рим был уже очень шумным и тесным городом. Особенно это ощущалось в центре, на форуме и на таких оживленных торговых улицах, как Аргилет, Субура, Этрусская. Днем город наполнял невыносимый шум от ремесленных мастерских, криков детей, школьных учителей, торговцев снедью, зазывающих клиентов, а ночью невозможно было заснуть от грохота телег, везущих различные товары, продукты и мусор, поскольку днем им был воспрещен въезд в город. Вот как описывал это поэт Марциал:

Зачем, ты хочешь знать, в сухой Номент часто
На дачу я спешу под скромный кров Ларов?
Да ни подумать, Спарс, ни отдохнуть места
Для бедных в Риме нет: кричит всегда утром
Учитель школьный там, а ввечеру — пекарь;
Там день-деньской все молотком стучит медник;
Меняло с кучей здесь Нероновых денег
О грязный стол гремит монетой со скуки,
А там еще ковач испанского злата
Блестящим молоточком стертый бьет камень.

¹ *Плиний Младший. Письма. I. 9. 1—3.*

Не смолкнет ни жрецов Беллоны крик дикий,
Ни морехода с перевязанным телом,
Ни иудея, что уж с детства стал клянчить,
Ни спичек продавца с больным глазом.
Чтоб перечислить, что мешает спать сладко,
Скажи-ка, сколько рук по меди бьют в Риме,
Когда колхидской ведьмой затемнен месяц?¹

К полудню все старались закончить свои дела. На это же время приходился второй завтрак, более обильный, чем утренний. За ним следовал послеполуденный отдых (вроде современной сиесты). Отдохнув, римляне отправлялись на прогулку или в термы (бани) или же искали развлечений в цирке и театре, а любители кровавых зрелищ спешили насладиться гладиаторскими боями.

Меценат, вероятно, как и все богачи того времени, любил прогулки. Популярным местом для них служил прежде всего форум, а также Священная дорога. Форум, этот центр политической жизни Римского государства, привлекал и богачей, и бедняков, и деловых людей, и бездельников. Что касается Священной дороги, то здесь располагались торговые ряды и лавки, где богатые люди могли приобрести драгоценные камни и золотые украшения, редкие цветы и фрукты. Меценат отличался большим пристрастием к драгоценным камням и диковинкам², так что, вероятно, был завсегдатаем этих лавок.

Излюбленным местом для променада являлось также Марсово поле — низина в излучине реки Тибр, где среди деревьев и под многочисленными портиками в известное время собиралось множество самой разной гуляющей публики. Женщины

¹ *Марциал*. XII. 57. 1—17.

² *Макробий*. Сатурналии. II. 4. 12.

и мужчины блистали красотой своих нарядов и богатством драгоценных украшений. Многих сопровождала целая толпа рабов, облаченных в праздничную одежду. Здесь же находились торговые лавки, где продавались предметы роскоши; в портиках были выставлены картины и статуи знаменитых мастеров.

Пользовались популярностью не только пешие прогулки. Чаще всего отправлялись за город на Аппиеву дорогу, где можно было наблюдать множество самых разных роскошных экипажей и колесниц, украшенных серебром и слоновой костью; на колесницах катались богачи и золотая молодежь¹. Днем по городу было запрещено передвигаться в повозках, поэтому состоятельных и знатных людей рабы носили в специальных роскошно отделанных носилках-паланкинах — лектиках, выполненных в форме лежа на четырех низких ножках, с балдахинном и занавесками. Меценат тоже передвигался на такой лектике, на что намекает сатирик Ювенал:

Разве не хочется груду страниц на самом перекрестке
Враз исписать, когда видишь, как шестеро носят на шее
Видного всем отовсюду, совсем на открытом сиденье
К ложу склоненного мужа, похожего на Мецената...²

Любимым местом досуга римлян были общественные термы (бани). Они широко распространились в Риме в течение II века до н. э. и к концу I века до н. э. их насчитывалось уже около двух сотен. Первые большие общественные термы возвел Марк Випсаний Агриппа во второй половине I века до н. э.

¹ Гиро П. Указ. соч. С. 252.

² Ювенал. I. 1. 63—66.

Богатые граждане посещали термы в сопровождении нескольких рабов, помогавших им раздеваться и стороживших одежду. Разоблачались в специальной раздевальне (аподитерии), затем шли в жарко натопленный тепидарий — своеобразную сухую парилку, где подготавливали тело к горячим или холодным ваннам. После этого направлялись либо в кальдарий с его горячими ваннами, либо во фригидарий, где находился бассейн с прохладной водой. В термах обычно трудились массажисты и цирюльники, предлагавшие свои услуги посетителям. Иногда рядом с банями располагались палестры, где римляне подготавливали свое тело перед мытьем, упражняясь или играя в мяч, а также залы для отдыха и бесед. Закрывались бани с заходом солнца.

Забавное описание атмосферы, царившей в банях, можно встретить в одном из писем философа Сенеки: «Сейчас вокруг меня со всех сторон — многоголосый крик: ведь я живу над самой баней. Вот и вообрази себе все разнообразие звуков, из-за которых можно возненавидеть собственные уши. Когда силачи упражняются, выбрасывая вверх отягощенные свинцом руки, когда они трудятся или делают вид, будто трудятся, я слышу их стоны; когда они задержат дыханье, выдохи их пронзительны, как свист; попадетса бездельник, довольный самым простым умощением, — я слышу удары ладоней по спине, и звук меняется смотря по тому, бьют ли плашмя или полон ладонью. А если появятся игроки в мяч и начнут считать броски — тут уж все кончено. Прибавь к этому и перебранку, и ловлю вора, и тех, кому нравится звук собственного голоса в бане. Прибавь и тех, кто с оглушительным плеском плюхается в бассейн. А кроме тех, чей голос,

по крайней мере, звучит естественно, вспомни про выщипывателя волос, который, чтобы его заметили, извлекает из гортани особенно пронзительный визг и умолкает, только когда выщипывает кому-нибудь подмышки, заставляя другого кричать за себя. К тому же есть еще и пирожники, и колбасники, и торговцы сладостями и всякими кушаньями, каждый на свой лад выкликающие товар»¹.

В банях римляне проводили много времени. Здесь они общались, заводили знакомства, слушали модных поэтов. Мытье в термах имело и важное гигиеническое значение. Одевались римляне, как известно, в шерстяную одежду и в жарком южном климате под палящим солнцем, безусловно, обливались потом. Поэтому ежедневное мытье было насущной потребностью.

В поисках зрелищ римляне отправлялись в театр, цирк или амфитеатр, где проходили гладиаторские бои. Именно в театре, как пишет Гораций, жители Рима в 30 году с воодушевлением приветствовали Мецената, появившегося на публике после длительной и тяжелой болезни:

В день, когда народ пред тобой в театре
Встал, о Меценат, и над отчим Тибром
С ватиканских круч разносило эхо
Рукоплесканья².

Первый каменный театр в Риме, вмещавший 12 тысяч зрителей, был сооружен по инициативе Гнея Помпея Магна в 55 году. В Риме, так же как

¹ *Сенека*. Письма. LVI. 1—2.

² *Гораций*. Оды. I. 20. 5—8. См. также: *Гораций*. Оды. II. 17. 25—26: «В тот год, когда народ многочисленный / В театре трижды рукоплескал тебе».

и в Греции, существовали труппы актеров, во главе каждой из которых стоял своего рода «художественный руководитель». Он сам набирал актеров в труппу и выплачивал им вознаграждение. Из сценических жанров наибольшим успехом у римлян пользовались ателлана и мим; трагедии были менее популярны. Ателлана появилась примерно в 240 году и представляла собой одноактную комедию, с традиционными действующими лицами. Сюжеты в основном были связаны с городской или деревенской жизнью. Мим также представлял собой комедию, но был еще более коротким и не имел традиционных типов. Основную смысловую нагрузку несли танец и жест. По сути, это были те же сценки из реальной жизни. Одной из особенностей мима было наличие непристойных шуток.

Неменьшим вниманием римлян пользовалась пантомима — сценическое представление, содержание которого выражалось только танцами и жестами, без слов, а о ходе действия возвещал лишь хор. Одним из известнейших актеров пантомимы был Батилл из Александрии. Меценат восторгался его игрой и оказывал ему свое постоянное покровительство¹.

Любители лошадиных бегов шли в цирк. Как и гладиаторские игры, лошадиные бега изначально являлись религиозным ритуалом, но впоследствии их истинное значение забылось и они превратились в популярное развлечение. Римский Большой цирк, где проводились забеги колесниц, находился в узкой долине между холмами Авентин и Паладин и представлял собой огромный стадион длиной

¹ Тацит. *Анналы*. I. 54. 2; *Сенека Старший*. *Контroversии*. X. Пр. 8; *Дион Кассий*. LIV. 17. 5; Схолии к Персию. 5. 123; ср.: *Гораций*. *Эподы*. 14. 9.

664 метра и шириной 123 метра, вмещавший около 260 тысяч зрителей¹. Через весь цирк тянулась перегородка, делящая его на две части. На концах перегородки возвышались специальные столбы-меты, обозначавшие старт и финиш. Нужно было объехать цирк на колеснице семь раз.

В бегах обычно соревновались колесницы, владельцами которых были известные богачи. Возницы же, напротив, были людьми низкого происхождения, однако за победу они получали венок и награду. Первоначально сформировались две противоборствующие партии по цвету туник возниц: красные и белые. Позднее появились еще две: синие и зеленые. Колесницы запрягались обычно четверкой или парой лошадей. В день проводилось около десяти или двенадцати заездов. Бега начинались по знаку организатора игр. На фаворитов делались ставки, и часто молодежь полностью спускала здесь свои состояния. Это вызывало справедливую критику со стороны просвещенных людей, осуждавших подобную практику. К ним принадлежал и Плиний Младший, который со злой иронией писал: «Были цирковые игры, а этим родом зрелищ я отнюдь не увлекаюсь: тут нет ничего нового, ничего разнообразного, ничего, что стоило бы посмотреть больше одного раза. Тем удивительнее для меня, что тысячи взрослых мужчин так по-детски жаждут опять и опять видеть бегущих лошадей и стоящих на колесницах людей. Если бы их еще привлекала быстрота коней или искусство людей, то в этом был бы некоторый смысл, но они благоволят к тряпке, тряпку любят, и если бы во время самих бегов в середине состязания этот цвет перенести туда, а

¹ Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988. С. 460.

тот сюда, то вместе с ней перейдет и страстное сочувствие, и люди сразу же забудут тех возниц и тех лошадей, которых они издали узнавали, чьи имена выкрикивали. Такой симпатией, таким значением пользуется какая-то ничтожнейшая туника, не говоря уже у черни, которая ничтожнее туники, но и у некоторых серьезных людей; когда я вспоминаю, сколько времени проводят они за этим пустым, пошлым делом и с какой ненасытностью, то меня охватывает удовольствие, что этим удовольствием я не захвачен. И в эти дни, которые многие теряют на самое бездельное занятие, я с таким наслаждением отдаю свой досуг литературной работе»¹.

Неменьшей популярностью пользовались гладиаторские бои, которые ведут свое происхождение от поминальных игр, устраивавшихся этрусками во время похорон богатых и знатных людей. По верованиям древних, покойник, созерцая сражающихся в его честь людей, не только наслаждался зрелищем битвы, но и получал затем верных спутников в загробной жизни. Первые гладиаторские игры в Риме состоялись в 264 году на похоронах Брута Перы, когда сыновья покойного заставили сражаться на смерть три пары бойцов².

В 105 году бои гладиаторов вошли в число официальных общественных зрелищ. Они стали настолько популярными у народа, что магистраты часто специально проводили их, чтобы заручиться поддержкой избирателей. Дабы заполучить гладиаторов, магистраты обычно обращались к ланистам — владельцам гладиаторских школ, которые за определенную сумму сдавали внаем своих спе-

¹ *Плиний Младший*. Письма. IX. 6.

² *Сергеевко М. Е.* Указ. соч. С. 215.

циально обученных бойцов для кровавых игр. Многие богатые римляне владели своими гладиаторскими школами, так как это было прибыльным делом. Перед играми вывешивались афиши, содержавшие программу выступлений гладиаторов и их имена.

Гладиаторские игры проходили в специально предназначенных для таких целей амфитеатрах. Самым старым из каменных амфитеатров в Риме считается амфитеатр Тита Статилия Тавра, возведенный в 29 году и располагавшийся к югу от Марсова поля¹. Самый же большой италийский амфитеатр (позднее он получил название «Колизей») был построен в Риме в 72—80 годах н. э. в правление династии Флавиев и вмещал свыше пятидесяти тысяч зрителей.

Начинались гладиаторские игры с шествия бойцов, облаченных в парадные одеяния. Затем они бросали жребий, разбивались на пары и, получив оружие, начинали биться насмерть. Снаряжение у гладиаторов было самое разнообразное, и по типу доспехов они носили различные названия: «самниты» (с мечом и большим четырехугольным щитом), «фракийцы» (с кинжалом и маленьким круглым щитом), «ретиарии» (с сетью и трезубцем), «галлы» или «мурмиллоны» (тяжеловооруженные бойцы, на шлеме у них изображалась рыбка), «секуторы» (с щитом, мечом и шлемом с забралом) и др. Пользовались большой популярностью «бестиарии» — гладиаторы, сражавшиеся с дикими зверями, привезенными из Африки или Азии. Они были вооружены лишь копьем или мечом. Тяжелораненого гладиатора, просящего пощады, или добивали,

¹ Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей Империи. М., 2008. С. 321.

или оставляли в живых по желанию толпы. Трупы с арены уносили специальные служители, наряженные в костюмы перевозчика мертвых Харона или проводника душ в подземный мир Меркурия.

Вот как описывал гладиаторские игры философ Сенека: «Случайно попал я на полуденное представление, надеясь отдохнуть и ожидая игр и остроумия — того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Какое там! Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну. И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзанье львам и медведям, в полдень — зрителям. Это они велят убитым идти под удар тех, кто их убьет, а победителей щадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена. — “Но он занимался разбоем, убил человека”. — Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это? — “Режь, бей, жги! Почему он так робко бежит на клинок? Почему так несмело убивает? Почему так неохотно умирает?” — Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противники удар. В представлении перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило»¹.

¹ Сенека. Письма. VII. 3—5.

В основном в гладиаторские школы попадали преступники, военнопленные, рабы, не угодившие хозяину, а также свободные, но крайне бедные люди, желавшие таким образом заработать на пропитание. А гладиаторы, надо сказать, неплохо зарабатывали, если им удавалось выжить. Из рук организатора игр гладиаторы-победители получали дорогие награды или крупные денежные суммы. Однако плата за славу и богатство была весьма высока. Попадавший или добровольно поступавший в гладиаторскую школу человек полностью лишался свободы и произносил перед ланистой ужасную клятву: «Даю себя жечь, вязать и убивать железом»¹. Затем он проходил специальный курс подготовки у мастеров по разным видам оружия и выбирал наиболее подходящее для себя снаряжение. В гладиаторских школах особо заботились о здоровье и питании своих бойцов, но при этом держали их под строгим надзором и не выпускали за пределы помещения, в котором они жили. Если гладиатору удавалось выжить в течение трех лет, его освобождали от обязанности биться на арене и он становился мастером, обучающим новичков. Еще через два года он получал полную свободу.

Некоторые гладиаторы были особенно популярны у публики. Сохранилась эпиграмма Марциала, посвященная гладиатору по имени Гермес:

Гермес — Марсова племени утеха,
Гермес может по-всякому сражаться,
Гермес — и гладиатор и учитель,
Гермес — собственной школы страх и ужас,
Гермес — тот, кого сам боится Гелий,

¹ Там же. XXXVII. 1; *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 220.

Гермес и Адволанта презирует,
Гермес всех побеждает невредимый,
Гермес сам себя в схватках замещает,
Гермес — клад для барышников у цирка,
Гермес — жен гладиаторских забота,
Гермес с бранным копьём непобедимый,
Гермес грозный своим морским трезубцем,
Гермес страшный и в шлеме под забралом,
Гермес славен во всех деяньях Марса,
Гермес вечно один и триединый¹.

Надо сказать, что Мecenат относился к числу поклонников гладиаторских игр и частенько во время прогулок обсуждал со своим другом поэтом Горацием мастерство того или иного гладиатора².

На конец дня приходился обед, на который помимо домочадцев приглашались друзья и знакомые. Любовь к пище объединяла многих римских богачей того времени, и роскошные званые обеды были весьма характерной чертой века Августа.

Как вообще питались римляне?³ Пищу они принимали три раза в день. Ранний утренний завтрак (*jentaculum*) был очень легким и состоял обычно из хлеба, воды, сыра, оливок, фиников. Затем следовал второй, послеполуденный завтрак (*prandium*), состав которого был уже более широким: вино, сыр, хлеб, мясо, соленая рыбешка, яйца, разнообразные овощи и фрукты. Оба завтрака обычно не предполагали какого-то четко определенного времени и происходили по мере того, как римлянина одолевал голод. И наконец, главный прием пищи приходил-

¹ Марциал. V. 24.

² Гораций. Сатиры. II. 6. 44.

³ Подробнее см.: Гиро П. Указ. соч. С. 193—204; Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 106—131; Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М., 2006. С. 97—124; Каркопино Ж. Указ. соч. С. 363—378.

ся на вторую половину дня. Это был обед (*cena*), начинавшийся около трех-четырёх часов пополудни. Обед занимал почти всю вторую половину дня и вечер, а иногда затягивался до самой поздней ночи, то есть длился от трех-четырёх до семи-восьми часов.

В богатых домах на обед всегда приглашались родственники и друзья хозяина, его клиенты и вольноотпущенники. Устраивались гости обычно в столовой (триклинии) или большой пиршественной зале и принимали пищу, расположившись на трех специальных деревянных или каменных ложах, каждое из которых вмещало по три человека¹. Ложа, предварительно покрытые специальными матрасами и покрывалами, расставлялись в форме подковы вокруг обеденного стола, уставленного блюдами с едой и кувшинами с вином. Четвертая сторона стола, таким образом, оставалась открытой, что позволяло беспрепятственно обслуживать гостей и менять блюда. Самым привилегированным считалось среднее ложе, которое предназначалось для почетных гостей, и самым лучшим на нем было правое («консульское») место. Каждое место для гостя на ложе отделялось от соседнего подушками или пуфиками. Гость ложился на свое место наискось, головой к столу, опираясь на левый локоть и возвышающееся изголовье ложа, где также лежала подушка. Если гостей было больше девяти, хозяева ставили новый стол и еще три ложа вокруг него и т. д.

Каждому выдавались специальное полотенце и салфетка, так как римляне ели преимущественно руками. Очень часто гости брали с собой свои салфетки и собирали в них куски лакомых блюд, ко-

¹ *Гораций*. Сатиры. II. 8. 20—23.

торые по окончании пиршества уносили домой. Марциал с большим юмором описывает подобную практику:

Что ни ставят на стол, ты все сгребаешь:
И соски и грудинку поросячью,
Турача, что на двух гостей рассчитан,
Полбарвены и окуня морского,
Бок мурены и крылышко цыпленка,
И витютня с подливкою из полбы.
Все, собравши в промокшую салфетку,
Отдаешь ты снести домой мальчишке,
Мы же все тут лежим толпою праздной.
Если есть в тебе стыд, отдай обед наш:
Завтра, Цецилиан, тебя не звал я¹.

В качестве обеденной посуды римляне использовали тарелки, блюда и сосуды для питья. Ножи и вилки за столом не употреблялись, так как лежать пользоваться ими было сложно; жидкие блюда ели ложками. Правила хорошего тона требовали от гостей не дуть на еду, аккуратно брать куски пищи, не сморкаться, не рыгать, не испускать газы. Тем не менее на пирах, которые продолжались длительное время, иногда принимали рвотное, чтобы иметь возможность поглотить побольше разнообразной еды.

Прислуживали за столом рабы, обносившие обедающих вином и хлебом. Специальные рабы приносили и меняли блюда, разрезали мясо и птицу, раскладывали куски по тарелкам, приносили новые столики с яствами, уносили грязную посуду и собирали объедки, которые было принято бросать на пол. Рабы же разносили перед обедом и воду для мытья рук. Раб-номенклатор не только представ-

¹ *Марциал*. II. 37.

лял гостей, но и рассказывал о каждом блюде. На кухне царили рабы-повара во главе с главным поваром, рабы-кондитеры и рабы-булочники, которые стоили во времена Мецената дорого, и многие богачи, приобретя специально обученного кулинара, считали своим долгом похвастаться его искусством перед друзьями. Кроме того, каждый гость обычно брал с собой своего раба, который стоял за ложем своего хозяина и прислуживал ему, подавал салфетку и следил за его сандалиями.

Философ Сенека очень едко высмеивает римских богачей, уделявших излишне много времени подготовке к пирам: «Посмотри, как озабочены их лица, когда они проверяют, в каком порядке разложено на столе серебро; сколько внимания и терпения требует подпоясывание мальчиков-прислужников, чтобы туника, не дай бог, не была длиннее, чем надо; какое страшное напряжение, какие муки неизвестности: как-то выйдет у повара дикий кабан? С какой скоростью влетают по данному знаку безбородые прислужники; с каким бесподобным искусством рассекается на куски птица, чтобы порции не вышли чрезмерно велики; с какой заботливостью несчастные маленькие мальчуганы мгновенно подтирают блевотину опившихся гостей, — да ведь все это устраивается лишь ради того, чтобы прослыть изысканным и щедрым; во всех своих жизненных отправлениях они настолько рабы тщеславия, что уже не едят и не пьют иначе как только напоказ»¹.

Большое значение придавалось и роскошной столовой мебели. Деревянные ложа в триклиниях богатых домов инкрустировались слоновой костью,

¹ Сенека. О скоротечности жизни. XII. 5. Перевод Т. Ю. Бородай.

черепашковыми панцирями, бронзой, серебром и даже золотом. Для отделки использовали фанеру из редких пород дерева. Наибольшей популярностью в I веке до н. э. пользовались большие круглые обеденные столы на одной массивной ножке, сработанные из дорогих сортов дерева (например, «цитрус»¹). Особенно ценились столы, доска которых была сделана из единого куска дерева. Самые изысканные яства было принято подавать только на таких столах. Стоили последние баснословно дорого, иногда целое состояние, и были по карману только очень богатым людям.

По сообщению Плутарха, «на званом обеде у Мецената был квадратный стол рядом с его ложем, самого большого размера и непревзойденной красоты. И, как это принято, все его стали на разные лады хвалить. Иортий, не имея возможности что-нибудь еще придумать необычное, когда возникло молчание, заметил: “Есть кое-что, что вы не заметили, друзья сотрапезники: насколько он закругленный и очень круглый”. При такой чистой лесть, естественно, раздался смех»². Лесть Иортия заключалась в том, что, называя квадратный стол круглым, он тем самым повышал его ценность во много раз.

Меню званого обеда обычно состояло из трех-четырёх перемен блюд. Но на пирах у Мецената перемен было намного больше. Вот как описывается в «Сатириконе» Петрония Арбитра званый обед в небольшом южноиталийском провинциальном городке: «Перво-наперво дали поросенка в колбасном венце, кругом колбаски кровяные и куриные

¹ Подробнее о «цитрусе» см.: *Сергеенко М. Е.* Указ. соч. С. 87, 308, прим. 12.

² *Плутарх.* Моралии. Фрагменты. 180. Перевод автора.

потрошки — превкусно состряпано; а еще, кажись, бураки да отрубяной хлеб, без всяких там: по мне, куда лучше белого, силу дает, и по делам пойдешь — не плачешь. На второе сырная запеканка холодная, а на подливку горячий мед, политый первеющим испанским вином! Ну, запеканки-то я ни крошки не тронул, зато подливочки хлебнул достаточно! Кругом горох с волчьими бобами, орехов вволю и каждому по яблоку... было у нас, между прочим, по куску медвежатины... На закуску молодой сыр был и патока, да по устрице каждому, да по куску сычуга, да ливер в формочках, да яйца под шапкой, да репа, да горчица... Да, еще на блюде тминные семечки с приправой разносили, так иные бессовестные туда трижды пригоршни запускали; а уж на окорок и глядеть не хотелось!»¹

Частенько меню хозяина и его приятелей и меню клиентов хозяина, присутствовавших на его обеде, резко отличались друг от друга. Рабы ставили еду отдельно перед каждым гостем, и еда эта часто была разной. Еще знаменитый оратор Цицерон грешил этим, разделяя своих гостей на «важных» и «не важных», и угощал их в соответствии со статусом каждого². Многие поэты в своих произведениях сурово осуждали этот обычай. Например, поэт Марциал с негодованием обращается к некоему богачу Понтику:

Если обедом меня, не подачкой, как прежде, прельщаешь,
Что ж не такой же обед мне подают, как тебе?
Устриц себе ты берешь, упитанных в водах Лукрина,
Я же ракушки сосу, рот обрезая себе;
Ты шампиньоны жуешь, а я свиным угощаюсь,

¹ *Петроний*. Сатирикон. 66.

² *Цицерон*. Письма. DCLXXXII. 2.

С камбалой возишься ты, я же лещами давлюсь;
Ты набиваешь живот золотистого голубя гузкой,
Мне же сороку на стол, сдохшую в клетке, кладут.
Что ж это? Вместе с тобой без тебя я обедаю, Понтик?
Вместо подачи — обед? Пусть! Но такой же, как твой¹.

Ему вторит и сатирик Ювенал, описывая званый обед у жадного патрона:

Глянь, какой длинный лангуст растянулся на блюде всей грудью!
Это несут «самому». Какой спаржей он всюду обложен!
Хвост-то каков у него! Презирает он всех приглашенных
При появлении своем на руках долговязого служки.
Ставят тебе — похоронный обед: на крошечном блюде
Маленький рак, а приправа к нему — яйца половинка.
«Сам»-то рыбу польет венафранским маслом, тебе же,
Жалкому, что подадут? Лишь бледный стебель капустный
С вонью лампадной...
Лишь для хозяина будет барвена из вод корсиканских
Или от тавроменийской скалы: при жадности глоток
Все уж опустошено, истошилось соседнее море...
Вам подадут лишь угря (это родственник змеям ползучим)
Или же рыбу из Тибра, всю в пятнах от холода, местных
Жительницу берегов, что жирела в пучине клоаки
И под Субурой самой проникала в подземные стоки².

Хочется верить, что на пирах Мецената такой несправедливости не было и все гости могли лакомиться теми же блюдами, что и хозяин.

После собственно обеда нередко начиналась попойка (*comissatio*). Вина, которые подавались за столом, были самых разных сортов. Перед употреблением вино обязательно смешивали с водой в определенной пропорции³, но были случаи, когда пили неразбавленное, что приводило к быстрому

¹ Марциал. III. 60.

² Ювенал. I. 5. 80—88, 92—94, 103—106.

³ Гораций. Оды. III. 19. 10—12.

опьянению. Участники пира надевали на себя венки (на голову или шею), а также умащались благовониями. Затем выбирали председателя попойки, который и определял, в какой пропорции разводить вино и сколько каждый должен выпить. Гости произносили различные тосты и пили за здоровье друг друга и за здоровье отсутствующих. Со временем, правда, эти попойки превратились в непристойные оргии, на которые приглашались женщины легкого поведения, о чем с негодованием пишет философ Сенека: «Женщины и полуношничают, и пьют столько же, состязаясь с мужчинами в количестве масла и вина, так же изрыгают из утробы проглоченное насильно, вновь измеряют выпитое, все до капли выблевывая, и так же грызут снег, чтобы успокоить разбушевавшийся желудок. И в похоти они не уступают другому полу: рожденные терпеть, они (чтоб их погубили все боги и богини!) придумали такой извращенный род распутства, что сами спят с мужчинами, как мужчины»¹.

Однако главным во время обеда была все же приятная беседа. Ведь обед был временем отдыха после напряженного трудового дня и житейских забот. Возлежавшие на ложах гости обменивались новостями, шутками, поучительными историями, декламировали стихи, рассуждали о политике, играли в кости. Часто хозяин, чтобы развлечь гостей, приглашал комедиантов, мимов, певцов, музыкантов, танцоров и танцовщиц, акробатов и фокусников.

Так проходили званые обеды у зажиточных римлян. Но поскольку Меценат был богат и гурман, на его пирах, безусловно, царило изобилие и не хватало разве что птичьего молока. Какие же деликатесы

¹ Сенека. Письма. ХСV. 21.

могли подаваться на его стол? К сожалению, история не сохранила свидетельств ни о том, как конкретно проходили застолья у Мецената, ни о том, какими яствами угощал он своих друзей и клиентов. Единственное, что мы знаем, так это то, что именно «Меценат ввел в обычай подавать на пирах мясо домашних ослят, которое в то время ценилось гораздо больше, чем мясо диких ослов; однако после Мецената ослиное мясо перестало быть деликатесом»¹. Тем не менее можно предположить, что на его обедах, помимо необыкновенных деликатесов, были представлены блюда, хорошо знакомые богачам и гурманам того времени.

Чем же угощались во времена Августа богатые римляне? Прежде всего, это были всевозможные мясные блюда, для приготовления которых использовались свинина, кабанятина, оленина, баранина, козлятина, зайчатина; намного реже телятина и говядина. Среди птиц популярностью пользовались куры, каплуны, гуси, утки, пулярки, фазаны, рябчики, цесарки, куропатки, павлины, журавли, аисты, голуби, дрозды, вяхири, иволги, горлицы, винногородники и даже соловьи. Из рыб предпочитали угря, мурену, осетра, тунца, камбалу, кефаль, форель, барвену (иначе краснобородка, мулл, барабулька), морского карася, морского окуня, сардины, скара, лаврака, зубатку, скумбрию, треску. Нередко рыбу выращивали в специальных садках или бассейнах. Из морепродуктов на столах богачей присутствовали устрицы, мидии, морской гребешок, морские ежи, морские желуди, кальмары, каракатицы, осьминоги, креветки, раки, лангусты и омары. Охотно употребляли и сухопутных ули-

¹ *Плиний Старший*. Естественная история. VIII. 68. 170.

ток. И, конечно, нельзя не упомянуть знаменитый гарум — соус, для изготовления которого обычно использовали мелкую рыбу: ее густо засаливали в специальных ваннах или чанах и оставляли под палящим солнцем на два-три месяца, периодически перемешивая деревянными лопатками. Когда рыба превращалась в единую массу, в ванну опускали специальную корзину частого плетения, в которую набиралась густая рыбная жидкость. Для самых ценных сортов использовали различные сочетания редких видов рыб; такой соус стоил баснословно дорого.

Мясо, птицу и рыбу готовили по-разному: варили, жарили, запекали, тушили, коптили, сушили, солили и мариновали. Почти всегда при готовке римляне добавляли значительное количество приправ и пряных трав. Среди самых известных назовем перец, сельдерей, тмин, кориандр, укроп, петрушку, горчицу, пастернак, фенхель, мальву, мяту, руту, любисток, портулак, тимьян, майоран, мангольд, бузину, ягоды мирта и можжевельника. Самой дорогой приправой считался лазерпиций, получаемый из сильфия — редкого растения, произраставшего в Северной Африке, в Киренаике. Сильфий очень высоко ценился во времена Мецената, но из-за неправильного культивирования и хищнического истребления он вымер и исчез со столов римлян уже в I веке н. э. Последнее растение было подано на стол императора Нерона уже как диковинка.

Безусловно, нельзя было представить римскую кухню также без оливкового масла и оливок. Выбор овощей был довольно богат: лук репчатый, лук-порей, чеснок, капуста, спаржа, салат-латук, кресс-салат, щавель, репа, редька, свекла, морковь, огурцы, тыква горлянка, артишоки, горох, бобы,

чечевица, люпин, нут. Лакомством считались грибы: трюфели, шампиньоны, белые, цезарские грибы. Из фруктов на столах богачей чаще всего можно было увидеть яблоки, груши, сливы, черешню, вишню, виноград, айву, шелковицу, гранаты, смоквы, фиги, финики, цитроны, абрикосы. На десерт подавали арбузы и дыни, мед в сотах, различные орехи (миндаль, фундук, лесные орехи, грецкий орех), каштаны. Пекари и кондитеры готовили всевозможные пироги, пирожные и печенье, для чего использовали специальные фигурные формы в виде различных животных, птиц, рыб, венков, кренделей. Начинкой для пирогов и пирожных чаще всего служил мед, а также сыр, творог, миндаль, различные сухофрукты. Присутствовали на столе и молочные продукты — молоко, творог, сыр овечьий и козий.

Богачи могли позволить себе самое разнообразное вино, без которого в Риме вообще было невозможно садиться за стол. Крепость вина, производившегося в то время, не превышала 14—16 градусов. Вина были белые и красные, исключительно сухие, и при употреблении, как уже было сказано, почти всегда разводились водой. Для улучшения вкуса в вино могли добавлять лепестки фиалок и роз, листья алоэ, мирта, лавра, полыни, веточки можжевельника и даже некоторые восточные благовония¹. Особенно ценилось старое выдержанное вино. Было принято к каждому блюду подавать только определенные сорта вина, которых было очень много — как собственно италийских, так и привозных. Самыми дорогими из производившихся в Италии были белое цекубское и фалернское. Неплохими

¹ *Апиций*. I. 1. 1—2, 4.

считались также сетинское, альбанское, суррентское, массивское, статанское, каленское, фунданское, велитернское, ретийское, капуанское и формианское вина¹. К самым дешевым относились сабинское, вейентанское и ватиканское. Последнее Марциал вообще называет «отравой»². И советует завистнику: «Пей ватиканское ты, если укус находишь приятным»³. Среди привозных выделялись хиосское, лесбосское и косское — все из островной Греции. Популярностью пользовался мультс (*multum*) — вино, смешанное с медом и водой.

Известно, что Меценат был ценителем дорогих вин⁴. Это, впрочем, не должно удивлять, поскольку он владел огромным количеством виноградников, разбросанных по всей Италии. Плиний Старший сообщает, что существовал даже специальный сорт вина — «меценатово», поступавший из Цизальпинской Галлии⁵ — вероятно, из имений Мецената.

В I веке до н. э. кулинарное искусство уже высоко ценилось в Риме. Именно в это время появляются первые специализированные кулинарные книги, одна из которых принадлежала Гаю Матию. Однако до нашего времени они, к сожалению, не дошли.

Единственной сохранившейся древнеримской кулинарной книгой является труд «*De re coquinaria*» («О поваренном деле»), приписываемый знаменитому богачу и гурману Марку Гавию Апицию, жившему при Августе и Тиберии. Апиций был известным оригиналом и чудаком. Философ Сенека так описывает

¹ Плиний Старший. Естественная история. XIV. 8. 61—65.

² Марциал. VI. 92. 3.

³ Там же. X. 45. 5. Разным сортам вин Марциал посвятил несколько своих эпиграмм: XIII. 106—125.

⁴ Гораций. Оды. I. 20. 9—12; Сатиры. II. 8. 17.

⁵ Плиний Старший. Естественная история. XIV. 8. 67.

его смерть: «Апиций в том самом городе, откуда философы были выдворены как развратители юношества, преуспел в трактирной науке и своим учением развратил век. Весьма подходящим для темы нашего сочинения будет рассказ о его смерти. Издержав сто миллионов на обжорство, истратив только на пиршества все дары правителей и огромный доход с Капитолия, он впал в тоску, впервые был вынужден справиться о своих ресурсах и узнал, что в его распоряжении десять миллионов сестерциев. Понимая, что на эту сумму ему придется жить словно впроголодь, он принял яд и покончил с собой»¹.

«De re coquinaria» Апиция делится на десять глав, содержащих советы повару, любопытные рецепты по приготовлению деликатесов, блюд из овощей, мяса, птицы, рыбы, морепродуктов. Некоторые рецепты поражают воображение своей сложностью и необычностью. Например, «поросенок с огородными овощами»: «поросенка надо освободить от костей, чтобы он стал похожим на мех для вина. Затем начинить его мелко рубленным мясом цыпленка, дрозда, бекаса, фаршем из его собственного мяса, луканскими колбасками, финиками без косточек, луковицами, улитками без раковин, мальвой, свеклой, пореем, сельдереем, вареной капустой, кориандром, зернами перца, пинией, сверху вылить пятнадцать яиц, подливу с перцем, причем яйца надо взбить. После этого поросенка зашить и обжарить. Запечь в печи. Затем разрезать со спины и поливать следующим соусом: молотый перец, рута, подлива, вино из изюма, мед, немного масла, — когда закипит, добавить крахмал»².

¹ *Сенека*. Утешение к Гельвии. X. 9. Перевод Н. С. Горелова.

² *Апиций*. VIII. 7. 14. Перевод Н. С. Горелова. См.: Закуска для короля, румяна для королевы: Энциклопедия средневе-

Надо сказать, что кулинария занимала многих римлян из высшего света в период ранней Империи. Даже поэт Гораций не смог устоять перед соблазном и выложил свои недюжинные гастрономические познания в одной из сатир под именем эпикурейца Катия:

Продолговатые яйца — запомни! — вкуснее округлых:
В них и белее белок, и крепче желток, потому что
Скрыт в нем зародыш мужеска пола. За званым обедом
Их подавай. Капуста, растущая в поле, вкуснее,
Чем подгородная, эту излишней поливкой портят.
Если к тебе неожиданно гость вдруг явился на ужин,
То, чтобы курица мягче была и нежнее, живую
Надо ее окунуть в молодое фалернское прежде.
Лучший гриб — луговой; а другим доверять ненадежно.
Много здоровью способствует, ежели в летнее время
Есть шелковичные черные ягоды после обеда,
Снятые с ветвей тогда, пока солнце еще не высоко.
Мед свой мешал натошак с фалерном крепким Авфидий.
Нет! Приличней полегче пить для пустого желудка.
Жиденкий мед, например, несравненно полезнее будет.
Если живот отягчен, то мелких раковин мясо
Или щавель полевой облегчат и свободно и скоро,
Только бы белое косское было притом не забыто.
Устрицы толще всего, когда луна прибывает,
Но ведь не все же моря изобилуют лучшим их родом!
Лучше в Лукрине простые улитки, чем в Байском заливе
Даже багрянка сама; цирцейские устрицы в славе;
Еж водяной — из Мисена, а гребень морской — из Тарента!
Но искусством пиров гордись не всякий, покуда
В точности сам не изучишь все тонкие правила вкуса.
Мало того, чтоб скупить дорогою ценою всю рыбу,
Если не знаешь, к которой подливка идет, а которой
Жареной быть, чтоб наевшийся гость приподнялся на локоть.
Кто не охотник до пресного мяса, поставь погрузнее
Блюдо с умбрийским кабаном, питавшимся желудом дуба;

ковой кухни и косметики. СПб., 2008. Впрочем, по мнению некоторых ученых, кулинарная книга «De re coquinaria» появилась лишь в конце IV века н. э.

Но лаврентийский не годен: он ест камыши да осоку.
Где виноградник растет, там дикие козы невкусны.
Плечи чреватой зайчихи знаток особенно любит.
Рыбы и птицы по вкусу и возраст узнать и породу —
Прежде никто не умел, я первый открытие сделал!
Многие новый пирог изобрести почитают за важность.
Нет! Не довольно в одном показать и искусство и знание:
Так вот иной о хорошем вине прилагает заботу,
Не беспокоясь о масле, каким поливается рыба.
Если массивское выставить на ночь под чистое небо,
Воздух прохладный очистит его, и последнюю мутность
Вовсе отнявши и запах, для чувств неприятный и вредный;
Если ж цедить сквозь холстину его, то весь вкус потеряет.
Если суррентским вином доливают отстой от фалерна,
Стоит в него лишь яйцо голубиное выпустить — вскоре
Всю постороннюю мутность желток оттянет на днище.
Позыв к питью чтобы вновь возбудить в утомившемся госте,
Жареных раков подай, предложи африканских улиток,
А не латук, ибо после вина он в желудке без пользы
Плывает сверху; но лучше еще ветчина да колбасы,
После которых любая понравится дрянь из харчевни.
Далее следует знать все свойства различных подливок.
Есть простая: она состоит из чистого масла
С чистым вином и рассолом пахучим из скумбрии-рыбы, —
Тем рассолом, каким в Византии все бочки воняют!
Если же в ней поварить, искрошивши, душистые травы
И настоять на корикском шафране, а после подбавить
Масла венафрского к ней, то вот и другая готова!
Тибуртинские яблоки много в приятности вкуса
Уступают пиценским, хоть с виду и кажутся лучше.
Венункульский изюм бережется в горшочках, альбанский
Лучше в дыму засушенный. Я первый однажды придумал
Яблоки с ним подавать и отстой от вина и рассола
Ставить кругом, под белым перцем и черною солью¹.

Уже давно принято считать, что прототипом знаменитого римского богача Трималхиона, так красочно описанного в романе Петрония Арбитра

¹ *Гораций*. Сатиры. II. 4. 12—75.

«Сатирикон», является Меценат¹. Не случайно полное имя Трималхиона звучит как «Гай Помпей Трималхион Меценатиан»². Оно свидетельствует о том, что Трималхион, будучи вольноотпущенником, некоторое время жил в доме Мецената. Многие черты его характера, вкусы и особенно его поведение указывают на то, что за его личиной скрывается сам Меценат, едко высмеиваемый Петронием. Как и Меценат, Трималхион был очень богат, питал страсть к драгоценностям и вообще к роскоши, был донельзя изнежен, обожал игру в мяч, любил кулинарные изыски, ценил дорогие вина, увлекался стихоплетством³.

Для нас роман «Сатирикон» прежде всего интересен тем, что в нем сохранилось замечательное описание пира, который закатил Трималхион с целью поразить гостей. Не будет преувеличением предположить, что подобные пиры устраивал и Меценат. Как же проходил пир Трималхиона и какие блюда на нем подавали?

Пир у Трималхиона начался, как и положено, с обильной закуски: «Между блюдами закуски стоял ослик коринфской бронзы, на коем висели два вьюка: в одном были светлые, в другом темные насыпаны оливки. На спине ослик вез два блюда с вырезанным по краешку Трималхионовым именем и весом серебра, а на блюдах устроены были мостики, на которых лежали жареные сони⁴, политые

¹ Baldwin B. Trimalchio and Maecenas // Latomus. 1984. Bd. 43. P. 402—403; Byrne S. N. Maecenas and Petronius' Trimalchio Maecenatianus: <http://www.thefreelibrary.com/Maecenas+and+Petronius'+Trimalchio+Maecenatianus>.

² Петроний. Сатирикон. 71.

³ Подробнее см.: Byrne S. N. Op. cit.

⁴ Специально откормленные жареные сони — обычное

медом с маком. Кроме них поданы были на серебряной сковородке колбаски горячие с подложенными внизу сирийскими сливами и гранатовыми семечками»¹. Перед гостями также поставили «на большом блюде корзину, в которой оказалась деревянная курица с растопыренными крыльями, как бывает у наседок. Немедленно подскочили два раба и, порывшись под грохот музыки в соломе, вытащили оттуда павлиньи яйца, чтобы раздать их гостям. Ради этого эпизодия поднял взор и хозяин. “Други, — сказал он, — это я велел посадить курицу на павлиньи яйца; чего доброго, они уж и высижены; а впрочем, попробуем: может, еще и можно пить их”. Нам подают ложки не менее полфунта весом, и мы разбиваем скорлупу, слепленную, как оказалось, из слобного теста. Заглянув в яйцо, я чуть не выронил своей доли, ибо мне почудилось, что там сидит уж цыпленок. Но, услышав, как один завсегдатай примолвил: “Эге! да тут, надо полагать, что-то путное!”, снимаю до конца скорлупку пальцами и вытаскиваю жирненькую пеночку, облепленную пряным желтком»².

Затем последовала первая перемена блюд, поразившая гостей своей выдумкой: «На совершенно круглом блюде изображены были по окружности двенадцать знаков зодиака, а над каждым рука кухонного мастера поместила свое, подходящее к нему, кушанье: над Овном — овечий горошек, над Тельцом — кусок телятины, над Близнецами — яички и почки, над Раком — венок, над Львом — аф-

лакомство того времени. Марциал (XIII. 59) даже написал о сонях эпиграмму: «Зиму без просыпу сплю напролет и жи-рею я очень / Этой порою, когда сном я питаюсь одним».

¹ *Петроний*. Сатирикон. 31.

² Там же. 33.

риканские смоквы, над Девой — матку свинки, над Весами — ручные весы, на одной чаше которых лежал сырный пирог, а на другой — медовый; над Скорпионом — какую-то морскую рыбку, над Стрельцом — лупоглазую рыбину, над Козерогом — морского рака, над Водолеем — гуся, а над Рыбами — двух красноперок. В середине уложен был медовый сот на куске свежего дерна»¹. Но как оказалось, все это было выложено на крышке огромного блюда, которую рабы быстренько сняли, и изумленные гости увидели «жирную дичину, вымя свиное, а посредине зайца с крыльями, приделанными так, чтобы походить на Пегаса. По углам блюда, видим, стоят четыре Марсия с бурдючками, откуда бежит перченая подливка прямо на рыбок, а те как бы плавают в канавке»².

Следующая перемена блюд была не менее забавной: «Явилась толпа слуг и разостлала на наших ложах ковры, на которых были вытканы сети, облава с рогатинами и всякий охотничий снаряд. Мы не успели еще сообразить, куда направить нашу догадливость, как вдруг за дверьми триклиния поднимался шум невероятный, и вот уже в комнату влетела и стала бегать вокруг стола свора лаконских псов. За ними внесли блюдо, а на нем лежал крупнейший кабан, да еще с шапкой на голове. На клыках его подвешены были две корзинки из пальмовых листьев с финиками, одна — с сирийскими, другая — из Фив, что в Египте; вокруг теснились крохотные поросята из пропеченного теста, точно они рвались к вымени. Эти были для раздачи в виде гостинцев. Ну а рушить зверя явился... какой-то

¹ Там же. 35.

² Там же. 36.

верзила с бороною, в охотничьей обуви и пестрой коротенькой накидке. Выхватив охотничий нож, он яростно пырнул им кабана в брюхо, после чего из раны вылетела стая дроздов. Но уже стояли наготове птицеловы с клеевыми ловушками, и как те ни метались по триклинию, мигом оказались переловлены. Трималхион велел раздать их, каждому по штуке, и прибавил: “Да вы посмотрите только, какие вкусные желуди подобрал этот лесной свин”»¹.

После этого Трималхион устроил еще одно представление. По его приказу слуги очистили столы и ввели в триклиний трех белых свиней разного возраста в нарядной упряжке, самую старую из которых Трималхион приказал зарезать и приготовить. Причем исполнено это было с величайшей быстротой, и рабы уже через несколько минут водрузили на стол огромное блюдо с жареной свиной, что привело всех гостей в немалый восторг. Однако «хозяин стал все пристальнее приглядываться и вдруг разразился: “Что-о? Да никак вебрь этот еще не выпотрошен? Нет же, ей-ей! Вести повара, вести сюда!”»². Немедленно прибежал якобы очень испуганный повар, и Трималхион заставил его тут же выпотрошить свиную. И что же? Из разрезанного брюха «полезли колбаски и сосиски».

Чтобы гости немного отдохнули от еды, хозяин вызвал акробатов, которые устроили веселое представление. Затем рабы начали обносить гостей «вазой с записками, а приставленный к этому делу слуга читал, кому какой достается гостинец. “Серебро со свинством” — подан был окорок, на нем серебряные уксусницы. “Ошейник” — был подан кус

¹ *Петроний*. Сатирикон. 40.

² Там же. 49.

бычачьей шеи. “Честность и огорчение” — вышли связка чеснока и горчица. “Порей и зверобой” — подали розги и бич. “Лебедь и медянка” — дан соус из лебеды и аттический мед. “Денное и noctное” — кусок жаркого и свиток. “Собачье и свинаячь” — поданы зайчатина и окорок. “Буква да мышь, буква да ноги” — принесли гостю камыш, а на нем миноги»¹.

Затем были приглашены актеры и музыканты, и перед гостями разыграли несколько сценок из поэм Гомера, а в финале «был внесен на тяжеленном серебряном блюде целый разварной теленок в шлеме. За ним ворвался Аякс, размахивая, как полоумный, обнаженным мечом; бросившись к теленку, он рубил его налево и направо, искромсал всего и на лезвии меча раздал куски телятины потрясенным гостям»². Некоторое время спустя внезапно потолок затрещал, раздвинулся и спустился «огромный обруч, словно сбитый с огромной бочки, весь увешанный золотыми венками и склянками благовоений. Хозяин велит нам разбирать эти гостинцы, я взглядываю на стол, а тут уж стояло блюдо с пирогами; посреди красовался слепленный булочником Приап и держал в широком переднике всякие плоды и гроздьа, поддерживая их обычным для себя способом. Мы не без алчности потянулись было к этой роскоши, когда новое театральное действие освежило наше веселие. Все эти пироги, все плоды при малейшем прикосновении брызгали шафраном, так что терпкая влага достигала до лица. Тогда мы догадались, что это блюдо, столь изобильно и благочестиво напоенное священной влагой, — дань обряду. Мы привстали на ложе и произнесли: “Августу,

¹ Там же. 56.

² Там же. 59.

отцу отечества — слава!»¹. Все эти пироги, начиненные шафраном, не были предназначены для еды, а являлись жертвой богам, обычно приносимой римлянами перед подачей десерта.

После этого эпизода пиршество продолжилось, и Трималхион предложил каждому гостю по жирной курице без костей и гусиные яйца под шапкой. Затем, наконец, последовал десерт: рабы раздали каждому гостю «дроздов из пшеничного теста, начиненных орехами и изюмом. Потом подали кидонские яблоки с торчащими шипами, наподобие ежиков (то есть айву. — *М. Б.*). Но это еще можно было снести, когда бы не последовало блюдо настолько дикое, что лучше уж с голоду умереть. Кажалось, поставлен был откормленный гусь, обложенный рыбой и всяческой дичью; а Трималхион говорит: “Всё, что тут положено, из единой природы создано”². Как выяснилось позднее, это блюдо было целиком сделано только из свинины. Хозяин похвалялся своим замечательным поваром: «Хочешь — из пузыря рыбку сделает, из сала — голубя, из оковалка — горлицу, из окорока — курицу»³. Это считалось у римлян верхом кулинарного искусства. Поэт Марциал посвятил одну из своих эпиграмм подобному повару-виртуозу:

Настоящий Атрей Цецилий тыквам:
Он ведь их как сынов Тиеста режет,
Раздирая на тысячу частичек.
Только съесть ты успел их на закуску,
Их на первое и на второе,
И на третье тебе предложит блюдо,
И десерт он из них же приготовит.

¹ *Петроний*. Сатирикон. 60.

² Там же. 69.

³ Там же. 70.

И лепешки печет из них без вкуса,
Да и слойку из них готовит пекарь,
И те финики, что в театрах видишь,
И состряпать из тыквы может повар
Мелочь в виде бобов и чечевицы;
Он в грибы превратит ее, в колбаски,
В хвост тунца или в маленькие кильки.
Изощряется всячески дворецкий,
Их различными снадобьями сдобрив,
В листик руты Капеллы яства спрятав.
Наполняет он так подносы, миски,
И глубокие чашки, и тарелки,
И считает он роскошью и вкусом
В асс один уложить все эти блюда¹.

Веселье в доме Трималхиона продолжалось. Последовал новый спектакль: «Вдруг являются двое слуг, словно поссорившихся у водоема: во всяком случае, они все еще держали амфоры. Да только, хоть Трималхион и вел разбирательство по их спору, ни один из них не слушал его решения, а всё колотил палкой по амфоре другого. Задетые наглостью этих пьяниц, мы начинаем присматриваться к дерущимся и замечаем, как из амфор сыплются устрицы и ракушки, каковые были собраны слугой, а мальчиком разнесены на блюде. Этим изыскам не уступил изобретательный повар: на серебряной сковородке принес он жареных улиток»². После этого гости перешли в баню, где началась безобразная попойка. Пир Трималхиона продолжался до поздней ночи и закончился большим скандалом.

Хотя описание пира Трималхиона может рассматриваться только как веселая пародия, оно все же дает нам некое представление о застольях Мецената. Подобные роскошные пиры, где царили чре-

¹ *Марциал*. XI. 31.

² *Петроний*. Сатирикон. 70.

воугодие и неумеренность в еде, многие римляне справедливо осуждали. Даже близкий друг Мецената поэт Гораций, сам часто бывавший на его званых обедах, горячо пропагандировал здоровое питание:

Слушай же, сколько приносит нам пользы пища простая:
Первая польза — здоровье, затем что все сложные яства
Вредны для тела. Припомни, какую ты чувствовал легкость
После простого стола! Ну, а если возьмешь и смешаешь
Устриц с дроздами, вареное с жареным — сразу в желудке
Сладкое в желчь обратится и внутренний в нем беспорядок
Клейкую слизь породит. Посмотри, как бывают все бледны,
Встав из-за пира, где были в смешенье различные яства.
Тело, вчерашним грехом отягченное, дух отягчает,
И пригнетает к земле часть дыханья божественной силы¹.

Ему вторит философ Сенека, который столетие спустя с негодованием писал: «Неужели, по-твоему, грибы, этот вкусный яд, не делают своего дела исподтишка, даже если сразу не вредят? Неужели ты думаешь, будто от этого летнего снега не твердеет печень? Неужели ты считаешь, что податливая мякоть этих устриц, раскормленных в иле, не оставляет в желудке тяжелого осадка? Неужели ты полагаешь, будто союзническая приправа (то есть соус гарум. — *М. Б.*), эта драгоценная сукровица протухших рыб, не жжет соленой жижей наших внутренностей? Неужели, по-твоему, эти гноящиеся куски, что идут в рот прямо с огня, остывают у нас в утробе без всякого вреда? Какою мерзкой отравой потом рыгается! Как мы сами себе противны, когда дышим винным перегаром! Можно подумать, будто съеденное не переваривается внутри, а гниет! Я вспоминаю, что когда-то много говорили об изыс-

¹ *Гораций*. Сатиры. II. 2. 71—80.

канном блюде, в которое наши лакомки, поспешая к собственной гибели, намешали всё, за чем они обычно проводят день: съедобные части венериных и иглистых раковин и устриц были разделены проложенными между ними морскими ежами, сверху лежал слой красnobородок, без чешуи и без костей. Лень уже есть всё по отдельности — и вот на стол подают то, что должно получиться в сытом животе. Не хватает только, чтобы всё приносилось уже пережеванным!»¹

Меценат не только сам устраивал пиры, но и охотно откликался на приглашения своих друзей. Гораций сохранил поэтическое описание званого обеда у некоего богача Насидиена Руфа, слывшего большим гурманом, на котором присутствовал Меценат с несколькими друзьями и поэтами своего кружка². Пир начался, как и положено, с закуски и вина:

Вепрь луканийский при южном, но легком пойманный ветре —
Так нам хозяин сказал. Вокруг же на блюде лежали
Репа, редис и латук — все, что позыв к еде возбуждает:
Сахарный корень, рассол и приправа из винного камня.
Только что снят был кабан; высоко подпоясанный малый
Стол из кленового дерева лоскутом пурпурным вытер,
А другой подобрал все отбросы, какие могли бы
Быть неприятны гостям. Потом, как афинская дева
Со святыней Цереры, вступил меднолицый гидаспец
С ношей цекубского; следом за ним грек явился с хиосским,
Чистым от влаги морской. Тут хозяин сказал Меценату:
«Есть и фалернское, есть и альбанское, если ты любишь»³.

Затем гостям были предложены различные птицы, устрицы, палтус и камбала, приготовленные так, чтобы никто из гостей не понял их вкуса и не

¹ *Сенека*. Письма. ХCV. 25—27.

² *Гораций*. Сатиры. II. 8.

³ Там же. II. 8. 6—17.

узнал, что они едят¹. Когда же всё выяснилось, хозяин решил удивить присутствующих еще одним кулинарным шедевром:

Тут принесли нам мурену, длиною в огромное блюдо:
В соусе плавали раки вокруг. Хозяин сказал нам:
«Не метала еще! Как помечет, становится хуже!
Вот и подливка при ней, из венафрского сделана масла
Первой выжимки; взвар же — из сока рыб иберийских
С пятилетним вином, не заморским, однако, а здешним.
А уж в готовый отвар и хиосского можно подбавить,
Белого перцу подсыпать и уксуса капнуть, который
Выжат из гроздий Метимны одних и, чистый, заквашен.
Зелень дикой горчицы варить — я выдумал первый;
Но морского ежа кипятить непромытым — Куртилий
Первый открыл: здесь отвар вкусней,
чем рассол из ракушек»².

Однако гостям не удалось отведать этого замечательного блюда, так как сверху на обеденный стол рухнул пыльный балдахин. Хозяин чуть не расплакался, но его утешили друзья. Когда же он, ненадолго отлучившись на кухню, вернулся, то

Следом за ним принесли журавля: на широком подносе
Рознят он был на куски и посыпан мукою и солью.
Подали печень от белого гуся, что фигами вскормлен,
Подали плечики зайца — они ведь вкуснее, чем ляжки.
Вскоре увидели мы и дроздов, подгорелых немножко,
И голубей без задков...³

Вот такими были пиры, которые посещал Меценат со своими товарищами.

Где же жил сам Меценат и где он устраивал свои

¹ В кулинарной книге Апиция есть несколько схожих рецептов: «Блюдо из корюшки без корюшки» (IV. 2. 12), «Соленая рыба без рыбы» (IX. 13. 1—3).

² *Гораций*. Сатиры. II. 8. 42—53.

³ Там же. 86—91.

грандиозные пиры? Безусловно, он жил в Риме, а дом имел на Эсквилинском холме. И надо сказать, что среди семи холмов Древнего Рима самую недобрую славу стяжал именно Эсквилин. Этот холм издавна служил кладбищем для рабов и бедняков¹. В специально вырытые колодцы (*puticuli*) без разбора сбрасывали трупы нищих, бродяг и рабов вперемешку с мусором и отходами. При археологических раскопках в 70-х годах XIX века здесь было обнаружено около семидесяти пяти таких прямоугольных колодцев (4 на 5 метров), представлявших собой глубокие шахты, стены которых были выложены каменными плитами. На Эсквилине также нередко проводили казни, и трупы казненных сбрасывали в эти же колодцы, исторгавшие жуткий смрад разлагающейся плоти. При сильном ветре удушливые испарения, постоянно окутывавшие Эсквилин, опускались на город и несли с собой заразу и болезни².

Поэт Гораций от имени бога Приапа так описывал это страшное место, которое привлекало не столько стаи воронов и голодных бродячих собак, сколько разного рода колдуний и ведьм:

Но ни воры, ни звери, которые роют тут норы,
Столько забот и хлопот мне не стоят, как эти колдуньи,
Ядом и злым волхвованьем мутящие ум чело­веков.
Я не могу их никак отучить, чтоб они не ходили
Вредные травы и кости собирать, как только покажет
Лик свой прекрасный луна, по ночным небесам проплывая.
Видел я сам и Канидию в черном подобранном платье,—
Здесь босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей
Шли, завывая, они; и от бледности та и другая
Были ужасны на вид. Сначала обе ногтями

¹ Там же. I. 8. 8—13.

² *Platner B. S. The topography and monuments of ancient Rome. Boston, 1911. P. 446; Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 21, 211.*

Землю копали; потом зубами терзали на части
Черную ярку, чтоб кровь наполнила яму, чтоб тени
Вышли умерших — на страшные их отвечать заклинанья.
Был у них образ какой-то из шерсти, другой же из воску.
Первый, побольше, как будто грозил восковому; а этот
Робко стоял перед ним, как раб, ожидающий смерти!
Тут Гекату одна вызывать принялась; Тизифону
Кликать — другая. Вокруг, казалось, ползли и бродили
Змеи и адские псы, а луна, от стыда покрасневши,
Скрылась, чтоб дел их срамных не видать, за высокой
гробницей¹.

И вот такое страшное место было выбрано Меценатом около 38 года для своего дворца и сада! По приказу Октавиана вся эта территория была засыпана грунтом на шесть метров в высоту, а сверху разбит сад². Воздух очистился, и Эсквилин со временем стал считаться самым здоровым местом в Риме, а сады Мецената приобрели широкую известность.

Это были, конечно, не первые и не единственные сады в Риме. Особенно славились сады Лукулла и сады Саллюстия на так называемом Холме Садов (современный Пинчио). Знаменитый полководец, богач и гурман Луций Лициний Лукулл (118—56) разбил свои сады на юго-восточном склоне этого холма в 60 году. Именно он по праву считается родоначальником древнеримского садово-паркового искусства. Его сады украшали не только дикорастущие, но и различные экзотические плодовые деревья, в том числе неизвестная доселе римлянам черешня³. Сады Лукулла также отличались невиданным обилием прекрасных статуй, изысканных ваз и освежающих фонтанов⁴.

¹ Гораций. Сатиры. I. 8. 17—36.

² Там же. 7, 14—15.

³ Плиний Старший. Естественная история. XV. 30. 102.

⁴ Плутарх. Лукулл. 39; *Bowe P. Gardens of the Roman World*. Los Angeles, 2004. P. 7.

К востоку от садов Лукулла находились огромные сады Гая Саллюстия Криспа (86—35), знаменитого историка и политика. Они занимали огромную территорию: восточную часть Холма Садов, долину между ним и холмом Квиринал и северный склон последнего. В садах находились дворец Саллюстия, множество статуй и фонтанов, а также протекал большой ручей. Все эти сады не предназначались для широкой публики. Лишь сады Юлия Цезаря за Тибром, перешедшие по его завещанию народу, стали общественным достоянием¹.

Итак, Меценат разбил на Эсквилине новый сад и около 36—31 годов построил себе большой дворец, ставший на долгие годы его главной резиденцией. Дворец был настолько огромен и роскошен, что даже сам Август, когда заболел, предпочитал отлеживаться у Мецената². Самым высоким сооружением Эсквилина была башня Мецената³, находившаяся в его садах; с ее вершины открывался восхитительный вид на Вечный город и Альбанские горы. Именно с этой башни в 64 году н. э. император Нерон наблюдал за пылающим Римом и декламировал свою песнь «Крушение Трои»⁴.

Как выглядели сады Мецената? Для украшения садов римляне обычно использовали самые разные породы деревьев и кустарников, но предпочтение отдавали платану, лавру, дубу, пинии, кипарису, лавровишне, мирту. Часто сажали и фруктовые деревья. Очень любили плющ и аканф, а также различные виды цветов — розы, штокрозы, фиалки, лилии, нарциссы, гиацинты, ирисы, анемоны,

¹ *Светоний*. Божественный Юлий. 83. 2.

² *Светоний*. Божественный Август. 72. 3.

³ *Гораций*. Оды. III. 29. 9—10; Эподы. 9. 5.

⁴ *Светоний*. Нерон. 38. 2; ср.: *Павел Орозий*. VII. 7. 6.

астры, маргаритки, маки¹. Очевидно, сам Меценат неплохо разбирался в садоводстве, коль скоро известный римский ботаник Сабин Тиرون посвятил именно ему свою книгу «О садоводстве»². Кроме того, в сочинении «Десять книг о зодчестве» знаменитого итальянского архитектора и ученого Леона Баттиста Альберти, жившего в XV веке, сохранилось следующее свидетельство: «Сабин Тиرون писал Меценату, что муравьев уничтожают, заделывая их выходы морской глиной или золой»³. Судя по всему, в молодом саду на Эсквiline развелось множество муравьев, и они беспокоили Мецената в его дворце, поэтому он обратился за помощью к Тиرونу как знатоку в этом вопросе.

В садах Мецената, очевидно, были установлены замечательные статуи и ценные мраморные вазы, разбиты прекрасные цветочные клумбы и созданы замысловатые боскеты (группы декоративных деревьев, посаженных особым образом), построены мраморные беседки и небольшие храмики, изящные портики и перголы (навесы из вьющихся растений, защищавшие от солнца), гимнасии и павильоны, а также так называемые диэты — летние столовые, увитые виноградом или плющом. Тенистые портики позволяли защититься в зной от палящего солнца, а в ненастье — от дождя. В них удобно было прогуливаться в непогоду, а по вечерам любоваться закатом солнца. Ту же функцию исполняли обсаженные густыми тенистыми деревьями аллеи. В гимнасиях Меценат, очевидно, занимался спортом: ведь, как известно, он был большим люби-

¹ *Вове Р.* Op. cit. P. 46—47.

² *Плиний Старший.* Естественная история. XIX. 57. 177.

³ *Альберти Л.-Б.* Десять книг о зодчестве: В 2 т. М., 1935. Т. 1. С. 379 (кн. 10, гл. 15).

телем игры в мяч¹. В диэтах он предавался чревоугодию в компании друзей и, возможно, принимал клиентов. Помимо многочисленных фонтанов и нимфеев с прекрасной, кристально чистой водой, в садах был устроен и большой бассейн, воду для которого специально нагревали, чтобы Меценат мог наслаждаться теплым купанием в любое время года, любуясь окружающим пейзажем².

После смерти бездетного Мецената его сады и дворец на Эсквiline по завещанию перешли во владение принцепса³. По возвращении с острова Родос во 2 году н. э. будущий император Тиберий поселился именно здесь⁴. Позднее император Нерон, сооружая свой знаменитый «Золотой дом», объединил в нем в одно целое Палатинский дворец и сады Мецената⁵. Во II веке н. э. сады Мецената приобрел Марк Корнелий Фронтон — известнейший римский оратор⁶.

К сожалению, от былого великолепия эсквилинских владений Мецената практически ничего не сохранилось. Правда, при археологических раскопках на Эсквiline было найдено множество прекрасных статуй, прежде украшавших сады Мецената. Из построек же чудом сохранилась лишь так называемая «аудитория Мецената» — небольшое здание для «рецитаций» (устных чтений), находившееся в

¹ Гораций. Сатиры. I. 5. 48—49.

² Дион Кассий. LV. 7. 6.

³ Сергеевко М. Е. Указ. соч. С. 21.

⁴ Светоний. Тиберий. 15. 1.

⁵ Тацит. Анналы. XV. 39.

⁶ Фронтон. Письма. I. 8. 5. См.: Фронтон. Переписка с Марком Антонином Цезарем. Книга I. Письмо 8. Фронтон — Марку Цезарю // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V вв. М., 1964. С. 184—185.

глубине сада. Здесь Меценат, очевидно, слушал молодых сочинителей, искавших его расположения, а также своих друзей-поэтов, представлявших ему новые произведения¹.

Устные чтения впервые стал устраивать писатель и историк Гай Азиний Поллион, близко знакомый с Меценатом. Проходили они следующим образом: автор устраивался перед публикой, сообщал, что за произведение он будет читать, а затем со скромным видом начинал чтение. Особую роль играли правила произношения, понижения или повышения тона в нужных местах. В процессе чтения автор внимательно следил за реакцией публики, чтобы по мимике и жестам понять, как на самом деле принимают его сочинение. Кроме того, приличие требовало, чтобы он, прочитав достаточно большой кусок, периодически останавливался и объявлял, что хочет закончить чтение, тем самым заставляя публику просить его продолжать². По окончании чтения публика различными способами выражала свое одобрение и начиналось обсуждение услышанного. Каждый из слушателей мог безбоязненно выражать свое мнение и указывать автору на его ошибки.

«Аудитория Мецената» была обнаружена возле улицы Мерулана и раскопана в 1874 году. Она представляет собой прямоугольное помещение (10,6 на 24,4 метра) с черно-белым мозаичным полом, имевшее некогда сводчатый потолок (7,4 метра). Западная часть помещения заканчивается полукруглой

¹ Сенека Старший упоминает риториков и ораторов, искавших расположения Мецената: *Сенека Старший*. Контроверсии. X. Пр. 8; Сватории. I. 12; II. 20; III. 5 (о Вергилии). См. также шутливые высказывания самого Мецената: *Сенека Старший*. Контроверсии. IX. 3. 14.

² Гиро П. Указ. соч. С. 243—245.

апсидой, где расположены скамьи в семь рядов (некоторые полагают, что это нимфей). Выше скамей в апсиде находятся пять глубоких ниш и еще шесть — в каждой из боковых стен зала. Ниши были украшены прекрасными фресками с садовыми пейзажами (деревья, вазы, фонтаны и птицы)¹. На одной из фресок изображен так называемый «ксист» — плоский сад. «В середине сада большое поле, ограниченное зигзагообразными линиями плетеной балюстрады, передняя его часть занята прямоугольным бассейном, в центре которого фонтан в виде высокой тонкой колонки, стоящей на квадратной базе и поддерживающей вазу. Бьющие из последней струи воды падают в бассейн, в котором плавают птицы. Такие же колонки с вазами стоят в полукруглых выступках, вдающихся спереди в соседние с бассейном поля. Вход сюда из среднего поля ведет через легкие ворота. Здесь помещаются писцины (искусственные водоемы), обложенные зеленым бордюром и, местами, обсаженные кустами. По краям ксиста длинные перголы, покрытые гирляндами. Колонки с гирляндами украшают и всю балюстраду на задней стороне ксиста. Спереди за краем ксиста стоит по треножнику с ножками в виде звериных лап»². Не исключено, что на этой фреске как раз и показан один из уголков сада Мецената.

О том, как выглядел непосредственно сам эсквилинский дворец Мецената, практически ничего не известно. Скорее всего, его планировка была традиционной для I века до н. э. Богатые дворцы и загородные имения знати фактически представляли собой сильно разросшиеся традиционные римские

¹ *Platner B. S.* Op. cit. P. 465—466.

² *Максимова М. И.* Античные архитектурные сады Италии // Советская археология. 1941. Т. 7. С. 206. Рис. 6а.

дома того времени. Центром такого дома считался атриум — зала с неглубоким бассейном для дождевой воды под проемом в крыше, которая соединяла все отдельные части жилища. В атриуме было принято встречать клиентов и гостей, обсуждать финансовые дела и политические новости. Не менее важным помещением, напрямую соединявшимся с атриумом, был таблинум, который служил кабинетом главе дома, хранившему здесь важные бумаги и деньги в особом сундуке. По сторонам от таблинума симметрично располагались две парадные комнаты-«крылья» (*alae*), где обычно устраивали гостей или родственников. Здесь же находились в специальных шкафчиках восковые маски предков. Другие комнаты, соединявшиеся с атриумом, служили столовыми или кладовыми. Особое помещение выделялось для кухни. Дома часто были двух- или трехэтажными, но на верхних этажах обычно помещались рабы. Таблинум соединялся с перистилем — внутренним двором, окруженным по периметру крытой колоннадой, центр которого занимал обычно чудесный садик с бассейном, фонтанами и статуями. Вокруг колоннады располагались многочисленные комнаты — столовые (триклинии), спальни, гостиные, библиотеки, ванны, залы для бесед (экседры). Пройдя перистиль, часто можно было попасть в большой хозяйский сад, который иногда тянулся на несколько десятков метров. Излишне говорить, что дома знати обильно украшались мраморными плитами и колоннами, бронзовыми и мраморными статуями, фресками и картинами¹.

¹ Гиро П. Указ. соч. С. 146—155; Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 60—63.

Для обслуживания огромного дворца необходим был значительный штат рабов-слуг (*familia urbana*). Возглавлял их обычно домоправитель — наиболее преданный хозяину раб. Особые рабы заведовали мебелью, постелью, одеждой, парадной посудой, библиотеками, ванными комнатами и пр. Обязательно имелись раб-привратник и раб, встречавший гостей и докладывавший о них хозяину. Нельзя было обойтись в богатом доме без собственных поваров, кондитеров и хлебопеков. Специальные рабы прислуживали за столом, следили за чистотой в доме, сопровождали хозяев на прогулках, несли носилки, служили курьерами и т. д. Часто хозяева приобретали и рабов-педагогов для своих детей, а также рабов, сведущих в медицине. Особый и часто весьма многочисленный штат рабов имелся у хозяйки дома, что позволяло ей удовлетворять все свои женские надобности.

Кроме эсквилинского дворца и сада Меценат владел несколькими роскошными виллами на территории Италии и Греции, а также большим поместьем в Египте. Виллы (летние загородные имения) богатых и знатных римлян поражали своими размерами и роскошью. Места для них выбирали всегда очень тщательно. Обычно это были прохладные долины, склоны гор или живописные берега озер, рек или морей. Существовали и модные места, такие как Тибур или приморские Байи. Сам дом виллы обычно включал в себя многочисленные помещения: атриумы и таблинумы, триklinии и перистилли, спальни и библиотеки, бани и кухни, различные комнаты для прислуги и помещения хозяйственного назначения. Вокруг дома разбивался большой сад с беседками, гимнасиями, портиками, птичниками с экзотическими птицами и прочими соору-

жениями для развлечений хозяина. На территории виллы также нередко рыли каналы, пруды, бассейны, часто служившие садками для дорогих видов рыб. Устраивали многочисленные фонтаны и живописные каскады, украшая их статуями из бронзы или мрамора.

Сохранилось подробное описание двух роскошных вилл Плиния Младшего, жившего, правда, на 100 лет позднее Мецената и занимавшего намного более низкое положение при императорском дворе. Одна из его вилл находилась на морском побережье близ Рима¹, а другая — в Этрурии, у подножия Апеннинских гор². Вот как описал свою этрусскую виллу сам Плиний Младший в одном из писем: «Усадьба расположена у подножия холма, но вид оттуда словно с вершины: холм поднимается так полого и постепенно, что ты оказываешься на вершине, даже не заметив подъема. Апеннины сзади и довольно далеко; оттуда в любой тихий и ясный день в усадьбу долетает ветер, но не пронизывающий и бурный, а словно уставший и обессиленный расстоянием. Большая часть усадьбы смотрит на юг и словно приглашает солнце, летом с шести утра, а зимой еще раньше в широкий, выступающий вперед портик, куда выходит много комнат; есть по обычаю старины и атрий. Перед портиком цветник; разнообразного вида грядки разделены буксом; вниз от цветника спускается лужок, на котором одно против другого стоят деревца букса, которым придана форма зверей; под ними мягкий, я сказал бы, волнообразно струящийся аканф. Вокруг дорожка, обсаженная низким, разнообраз-

¹ Плиний Младший. Письма. II. 17. 2—26.

² Там же. V. 6. 14—40.

но подстриженным вечнозеленым кустарником, затем аллея в форме цирка, окаймленная буксом, по-разному подстриженным, и низенькими деревцами, задержанными в росте рукой садовника. Всё окружено глинобитной стеной; ее скрывает из вида, поднимаясь словно по ступеням, букс разного роста. Дальше идет луг, не менее замечательный по природе своей, чем все описанное выше по искусству, с которым оно устроено; затем поля, много лугов и виноградные сады. Из портика, в самом начале его выступает столовая; из дверей ее видны край цветника, луга, широкий деревенский простор: из окон по одной стороне часть цветника и выступающие вперед постройки; из окон по другой — густолиственные купы деревьев на соседнем ипподроме. Против середины портика, отступая назад, флигель с маленьким внутренним двориком, осененным четырьмя платанами; между ними фонтан, переполняющий мраморный бассейн, освежает платаны и траву под ними мелкой водяной пылью. В этом помещении есть спальня, куда не проникают ни свет, ни звук; рядом обычная столовая, где обедают в дружеском кругу; она смотрит на дворик, портик и на все то, на что и портик. Есть и другая спальня, в которой от соседнего платана стоит зеленый полумрак; она отделена мраморными панелями: живопись, изображающая ветвистые деревья и птиц на ветвях, не уступает в красоте мрамору. Тут есть маленький ключ, вода которого с очень приятным ропотом падает через множество трубочек в чашу. В углу портика напротив триклиния очень большая комната; одними окнами она глядит на цветник, другими на луг. Под окнами водоем, радующий глаз и слух. Струя воды, низвергаясь сверху, падает вся в белой пене в это мраморное вместилище. Эта ком-

ната зимой самая теплая; она залита солнцем, и рядом с ней гипокауст (система отопления. — М. Б.): в пасмурные дни выпускаешь горячий воздух, и он греет вместо солнца. Потом просторная веселая раздевальня, дальше комнатка с большим прохладным бассейном. Если захочешь поплавать на просторе или в воде более теплой, то на площадке есть водоем, а рядом колодезь, из которого можешь облиться, если тепло надоест. К этой комнатке примыкает средняя, где солнце всегда готово приветить тебя; в кальдарии его еще больше (он выдвинут вперед): там три ванны, к которым спускаешься по ступенькам; две из них на солнце, третья в стороне от солнца, но не от света. Над раздевальной площадка, где одновременно разные группы могут заниматься разными упражнениями. Недалеко от бани лестницы, ведущие в криптопортик, но еще раньше к трем флигелям: один обращен к тому дворику с четырьмя платанами, другой к лугу, третий поднимается над виноградниками и смотрит в разные стороны света. В начале криптопортика из него выдвинулась комната и глядит на ипподром, на виноградники и горы; рядом с ней другая, открытая солнцу, особенно зимнему; тут же флигель — звено, соединяющее ипподром с виллой. Вот вид спереди. Сбоку на возвышении летний криптопортик; он не то что смотрит на виноградники, а вплотную к ним подходит; в середине его столовая, куда проникает здоровый ветер с апеннинских долин; сзади через очень широкие окна видны прямо виноградники, из дверей видны они же, но через криптопортик. С той стороны столовой, где нет окон, устроена лестница, ее не видно, и по ней приносится все необходимое для обеда. В конце спальня, из которой окинуть взором самый криптопортик не менее приятно, чем ви-

ноградники. Под ним находится полуподвальный криптопортик; летом в нем стоит холод; воздуха в нем довольно, доступа ветрам нет, да их и не нужно. За обоими криптопортиками от столовой идет портик, где до полудня холодно, а на склоне дня тепло. К нему примыкают два флигеля: в одном четыре комнаты, в другом три; солнце по ходу своему и освещает их, и оставляет в тени. Эта планировка и эти удобные помещения ничто перед ипподромом. Он весь на виду, и вошедшие сразу и целиком охватывают его взглядом. Он обсажен платанами, а их увивает плющ, и они зеленеют своей листвой сверху и чужой внизу. Плющ пробирается по стволу и ветвям и, перекидываясь с дерева на дерево, соединяет платаны; между ними низенький букс; букс с наружной стороны обсажен лавром, добавляющим свою тень к тени платанов. Прямая широкая дорожка вдоль ипподрома в конце его изгибается по полукругу; его окружают кипарисы; от них ложится густая черная тень; дорожки, идущие внутри кругами, залиты светом; тут растут розы, тут прохладно в тени и приятно на солнце. Кривая дорожка, опоясывающая пестрое многообразие этого полукруга, выпрямляется, но теперь она уже не одна: множество дорожек идет внутри ипподрома, отделяясь одна от другой буксом; тут в одном месте лужайка, в другом посадки букса, подрезанного на множество ладов: иногда в форме букв, из которых складывается имя хозяина или искусника-садовода; тут он стоит в виде милевых столбов; там ему придан вид фруктовых деревьев: в изысканнейшем парке вдруг появляется некое подобие деревенского сада. Посередине украшением ипподрому служат посаженные с обеих сторон низенькие платаны. За ними волнами ходит гибкий аканф, затем букс, подре-

занный во множестве разных форм и имен. Там, где начало ипподрома, беседка с мраморной белой полукруглой скамьей; ее затеняет виноградная лоза, которую поддерживают четыре колонки каристского мрамора; из скамьи, словно под тяжестью возлежащих, по трубочкам течет в каменную чашу вода; чаша вделана в изящную мраморную доску стола; вода, регулируемая скрытым механизмом, наполняет ее, никогда не переливаясь через край. Посуду с кушаньями тяжелыми ставят по ее краям; легкая плавает кругом на игрушечных корабликах и птичках. Напротив фонтан, который выбрасывает воду и поглощает ее; взметнувшись вверх, она падает обратно; посредством соединенных между собой отверстий она то поглощается, то поднимается вверх. Около беседки, напротив нее, комната; это соседство делает еще краше и беседку, и комнату. Комната сверкает мрамором; двери открываются в зелень листвы; из одних окон смотришь вверх на зеленый склон, из других вниз. Маленькая, выступающая вперед веранда кажется частью той же самой комнаты и особой комнатой. Здесь стоит ложе, окна есть со всех сторон, но в комнате полумрак от тени: роскошная лоза, захватив всю крышу, поднимается до самого конька. Ты лежишь там словно в лесу, только не чувствуешь, как в лесу, дождя. Тут есть фонтан, вода в котором то появляется, то иссякает. В парке всюду расставлены мраморные скамьи, на которых, устав от ходьбы, отдыхают, как в спальне. Около скамей фонтанчики. По всему ипподрому журчат ручьи, текущие туда, куда их направила рука садовника; они поливают то одну часть парка, то другую, а иногда весь парк целиком»¹.

¹ *Плиний Младший*. Письма. V. 6. 14—40.

Если Плиний Младший обладал таким великолепием, то можно себе представить, насколько роскошными были виллы Мецената. Известно, что одна из самых больших его вилл находилась в Тибуре (современный Тиволи)¹. Этот небольшой городок, расположенный на западном склоне Сабинских гор, окружали восхитительные сады и рощи, в которых щебетали птицы и журчали ручьи, а поблизости низвергались со скал живописные водопады реки Анио². В то время здесь было модно иметь дом или виллу, поскольку это место облюбовала римская знать. К сожалению, местоположение виллы Мецената в Тибуре до сих пор не определено.

Не исключено также, что Меценат владел виллой в Байях. Этот замечательный приморский курорт располагался на берегу залива Поццуоли близ Неаполя и привлекал богачей и аристократов целебными горячими минеральными источниками. Побережье было сплошь застроено роскошными беломраморными виллами, а вдоль излучины залива располагались многочисленные купальни и термы, куда поступала горячая вода из серных ключей³. Богачи стремились перещеголять друг друга и строили одну виллу роскошнее другой, создавая насыпи и выдвигая свои дворцы прямо в море⁴. Поэт Гораций, вероятно, часто бывавший в Байях, с восторгом восклицал: «Нет уголка на земле милей, чем прелестные Байи!»⁵

Со временем, однако, Байи стали ассоцииро-

¹ Гораций. Оды. III. 29. 6.

² Там же. IV. 2. 31; IV. 3. 9—10.

³ Федорова Е. В., Лесницкая М. М. Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство. М., 2005. С. 17—18.

⁴ Гораций. Оды. II. 18. 21—22.

⁵ Гораций. Послания. I. 1. 82.

ваться не столько с отдыхом и лечением, сколько с разгульным образом жизни и распущенностью. Философ Сенека так писал об этом: «Они сделались притоном всех пороков: там страсть к наслаждениям позволяет себе больше, чем всюду, там она не знает удержу, будто само место дает ей волю... Какая мне нужда глядеть на пьяных, шатающихся вдоль берега, на пирушки в лодках, на озеро, оглашаемое музыкой и пением, и на все прочее, чем жажда удовольствий, словно освободившись от законов, не только грешит, но и похваляется?.. Даже те, в чьи руки фортуна римского народа впервые отдала могущество, прежде принадлежавшее всем гражданам, — Гай Марий, и Гней Помпей, и Цезарь, — хоть и построили усадьбы в окрестностях Бай, но поместили их на вершинах самых высоких гор... Неужели, по-твоему, Катон стал бы жить в домике, откуда он мог бы считать проплывающих мимо распутниц, глядеть на великое множество разнообразных лодок, раскрашенных во все цвета, и на розы, что носятся по озеру, мог бы слышать пение ночных гуляк?»¹

¹ *Сенека*. Письма. LI. 3, 4, 11, 12.

Глава четвертая
СОЧИНИТЕЛЬ И ПОКРОВИТЕЛЬ ПОЭТОВ

Меценат прославился не только как близкий друг Августа, дипломат, гурман и сибарит. Это был еще и весьма образованный и начитанный человек, свободно владевший не только латинским, но и греческим языком¹. Его перу принадлежали несколько произведений, которые, к сожалению, не сохранились. Лишь небольшие отрывки, использованные в качестве цитат другими античными писателями, позволяют судить о содержании и характере сочинений нашего героя. Известно, что Меценат писал произведения самых разных жанров — это и пьесы, и стихотворения, и эпиграммы, и научные трактаты, и диалоги. Все его труды отличал своеобразный, «фирменный» стиль, выразившийся в крайней изысканности и вычурности. Кроме того, по сообщению Диона Кассия, именно Меценат «первым изобрел знаки для быстрого письма и с помощью своего вольноотпущенника Аквилы довольно многих этому письму научил»².

Современники и потомки резко критикова-

¹ Гораций. Оды. III. 8. 1.

² Дион Кассий. LV. 7. 6.

ли Мецената за «кудрявость» слога¹, и, очевидно, именно в силу этого его произведения не дошли до нас, так как читать их неподготовленному человеку было довольно трудно. По свидетельству историка Светония, даже сам Август «вышучивал своего друга Мецената за его, как он выражался, “напомаженные завитушки”, и даже писал на него пародии»². Однако главным критиком Мецената являлся философ Сенека, сохранивший для нас некоторые фрагменты его произведений.

Какие же сочинения принадлежали Меценату? Прежде всего, это многочисленные стихотворения (не менее десяти книг³), которые, по сообщению римского грамматика Сервия, были весьма неплохими⁴. Например, полностью сохранились две эпиграммы, посвященные близкому другу Мецената поэту Квинту Горацию Флакку⁵ и явно свидетельствующие о большой привязанности этих двух людей друг к другу, о чем подробно будет сказано ниже.

Философ Сенека сохранил весьма своеобразное стихотворное произведение Мецената, которое он тем не менее желчно комментирует, обвиняя автора в изнеженности и безумной трусости перед лицом смерти⁶:

Пусть хоть руки отнимутся,
Пусть отнимутся ноги,
Спину пусть изувечит горб,
Пусть шатаются зубы, —

¹ Сенека. Письма. CXIV. 8; Тацит. Диалог об ораторах. 26.

² Светоний. Божественный Август. 86. 2.

³ Харизий. I (Gr. Lat. I. 79. 23—80, 1 k).

⁴ Сервий. Комментарии к Георгику Вергилия. II. 41.

⁵ Светоний. Гораций. 2; Исидор Севильский. Этимологии. XIX. 32. 6.

⁶ Сенека. Письма. CI. 12—14.

Лишь бы жить, и отлично всё!
Даже если и вздернут
На крест, — жизнь сохраните мне!¹

Впрочем, с точки зрения современного человека, это стихотворение скорее свидетельствует не о трусости, а о большом жизнелюбии Мецената. Он совершенно справедливо полагал, что лучше самая ущербная жизнь, чем самая славная смерть и счастливая «загробная» жизнь. Известно его высказывание: «Что мне гробница моя? Похоронит останки природа!»²

Не менее своеобразно стихотворение, посвященное грозной богине Кибеле:

Явись сюда, о Кибела, суровая гор богиня,
Явись, и гудящим тимпаном ударь голову гибко.
Бок бича бойся — толпа твоих спутников воет³.

Вполне возможно, что Меценат был адептом ее культа и этим произведением выразил свой религиозный трепет и восхищение. Кибела — это богиня фригийского происхождения, олицетворявшая природу. Она считалась покровительницей плодородия, диких зверей, горных вершин, непроходимых лесов. Первоначально почиталась лишь в Малой Азии, но со временем ее культ проник в Грецию, а в 204 году был официально учрежден в Риме. Изображалась Кибела в виде дородной женщины в башенной короне, с тимпаном (круглым ударным музыкальным инструментом с мембраной) в руках, иногда сидящей на троне или на свирепом

¹ Там же. С1. 11. Перевод С. А. Ошерова.

² Там же. ХСII. 35. Перевод С. А. Ошерова.

³ *Цезий Басс*. 4. 8—17 (Gr. Lat. VI. 262. 6—19 K). Перевод автора.

льве. Ее жрецы во время священных церемоний бичевали себя и с воплями наносили друг другу тяжелые раны. Об этом как раз и говорится в последней строчке стихотворения Мецената. К сожалению, от других его поэтических трудов сохранились лишь жалкие обрывки¹.

Перейдем теперь к прозе. Установлено, что Меценат написал не менее двух художественных произведений — это «Прометей»² и «Октавия»³. Однако о их содержании почти ничего нельзя сказать, так как уцелело лишь несколько коротких строк⁴. Кроме того, Меценат сочинил диалог под названием «Пир» («Symposium»), в котором участвовали Мессала Корвин, поэты Вергилий и Гораций. Этот диалог был, вероятно, посвящен вину и его замечательным свойствам⁵.

Известно также, что перу Мецената принадлежал некий научный трактат, посвященный морским животным, в частности дельфинам. Римский ученый Плиний Старший ссылается на него как на достаточно серьезный труд в области биологии моря: «В правление божественного Августа дельфин, который попал в Лукринское озеро, очень привязался к сыну одного бедняка, ходившему из окрестностей Бай в начальную школу в ПUTEОЛЫ. Мальчик в полдень, уже опаздывая на занятия, приманивал дельфина частенько кусочками хлеба, который брал

¹ *Harder Fr. Uber die fragmente des Maecenas.* Berlin, 1889. См. также Приложение 1.

² *Сенека.* Письма. XIX. 9.

³ *Присциан.* X. (Gr. Lat. II. 356. 6—7 K).

⁴ *Harder Fr. Op. cit.* См. Приложение 1. См. также: *Сенека.* О благодеяниях. IV. 36. 2.

⁵ *Сервий.* Комментарии к Энеиде Вергилия. VIII. 310. Известно, что Меценат написал еще несколько диалогов: *Харизий.* I. (Gr. Lat. I. 79. 23—80, 1 k).

в дорогу, окликая по кличке “Курносик”, — такое стыдно было бы рассказывать, если бы этот случай не был засвидетельствован в сочинениях и Мецената, и Фабиана, и Флава Альфия, и многих других, — и в любое время дня на зов мальчика неизвестно откуда поднимался из воды дельфин и принимал угощение из рук, подставляя спину так, чтобы на нее можно было усесться, убирал свои острые плавники как бы в ножны, доставлял ребенка по широкой воде в школу в ПUTEОЛЫ, а потом отвозил назад обратно. Так продолжалось не один год, пока мальчик не умер от недуга, и тогда дельфин часто приплывал с печальным видом к привычному месту, едва не плача, да так и сам умер, несомненно от горя»¹.

Кроме того, Плиний Старший упоминает Мецената среди авторов, которым принадлежали трактаты о драгоценных камнях и геммах², что не так уж и удивительно. Меценат отличался пристрастием ко всякого рода драгоценностям и диковинкам, так что даже Август в одном из своих писем к нему посмеялся над этой его страстью: «Здравствуй, эбен (то есть черное дерево. — М. Б.) ты мой из Медуллии, эбур (слоновая кость. — М. Б.) из Этрурии, лазерпиций арретинский, алмаз северный, жемчуг тибрский, смарагд Цильниев, яшма игувийцев, берилл Порсены, карбункул из Адрии и, чтобы мне уж закончить совсем, припарочка распутниц»³.

Не исключено также, что Меценат написал исторический труд, посвященный эпохе Августа,

¹ Плиний Старший. Естественная история. IX. 8. 25. См. также: Там же. I. 32.

² Там же. I. 37.

³ Макробий. Сатурналии. II. 4. 12.

на что намекают Гораций и Сервий¹. Однако достоверных фактов, подтверждающих это, пока нет.

Особо следует выделить сочинение Мецената под названием «О моем образе жизни» («De cultu suo»). Вероятно, оно было написано в ответ на упреки современников, которым были непонятны образ жизни Мецената, его поведение и привычки. Философ Сенека дает в одном из своих писем несколько цитат из этого произведения, крайняя вычурность которых, по его мнению, свидетельствует о душевной болезни Мецената²: «По реке вдоль берегов, что лесами курчавятся, взгляни, как челны взбороздили русло, как, вспенивши мели, сад заставляют назад отбегать». Или: «Завитки кудрявой женщины голубит губами, — начинает, вздыхая, — так закинув усталую голову, безумствуют леса владыки»; «Неисправимая шайка: на пирах они роются жадно, за бутылкой обыскивают дома, и надежда их требует смерти»³; «Гений, который свой праздник едва ли заметит, нити тонкого воска, и гремучая мельница, — а очаг украшают жена или мать»⁴. Сенека подчеркивает, что речь у Мецената, как у пьяного, что она чудовищна, позорна и недостойна воспитанного человека⁵.

Однако с его несправедливыми упреками сложно согласиться. Сенека явно недолголюбил Ме-

¹ Гораций. Оды. II. 12. 9—10; Сервий. Комментарии к Георгиям Вергилия. II. 42.

² Сенека. Письма. CXIV. 21—22.

³ Любопытную интерпретацию данного выражения см.: Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009. С. 296—297.

⁴ Сенека. Письма. CXIV. 5. Перевод С. А. Ошерова.

⁵ Там же. XIX. 9; CXIV. 4, 7, 21—22; ср.: Квинтиллиан. IX. 4. 28.

цената, возможно, даже завидовал ему; отсюда и крайняя пристрастность к его произведениям. Безусловно, слог у Мecenата был весьма оригинальным и вычурным, однако на то явно была веская причина. Вполне возможно, что таким образом он пытался облегчить свою душу, излить всё то, что тяготило его. Его манера излагать свои мысли выдает в нем очень чувствительного, даже болезненно чувствительного человека.

Безусловно, сам Мecenат трезво оценивал уровень своих произведений, поэтому и в историю он вошел не как великий писатель, и даже не как великолепный политик и дипломат, и не как заботливый и преданный друг Августа, и, уж конечно, не как крайне богатый и изнеженный человек. Нет! Он вошел в историю прежде всего как покровитель поэтов.

Промежуток примерно между 40 и 15 годами принято называть «золотым веком» древнеримской поэзии. Именно в этот небольшой период на поэтическом небосклоне Древнего Рима сияли звезды первой величины — Публий Вергилий Марон, Квинт Гораций Флакк и Секст Проперций. Их покровителем и близким другом был Мecenат, организовавший нечто вроде литературного кружка и поддерживавший поэтов не только морально, но и (в большей степени) материально¹. Спустя столетия под словом «мecenатство» стали понимать материальную поддержку людей искусства и культуры со стороны богатых и влиятельных лиц — «мecenатов».

¹ *Марциал*. I. 107. 3—4; XI. 3. 9—10; XII. 3 (4). 1—2; *Ювенал*. III. 7. 62; III. 7. 69—71; III. 7. 93—95; *Аполлинарий Сидоний*. Вступление к книге. 3, 5. См.: Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 543.

Жизнь бедных и неродовитых поэтов и прозаиков в Древнем Риме была трудна. Никаких «авторских прав» в современном понимании не существовало. Обычно автор за небольшую сумму продавал папирусный свиток со своим сочинением издателю-книготорговцу, и тот поручал рабам-переписчикам сделать несколько копий, которые выставлялись на продажу в книжной лавке. Одним из первых и самых известных римских книгоиздателей-торговцев был Тит Помпоний Аттик, лучший друг Цицерона. Он содержал большой штат рабов-переписчиков, оперативно выполнявших необходимое количество копий того или иного произведения, поступавшего затем в продажу. Известностью пользовались также книгоиздатели братья Сосии, державшие собственную книжную лавку на форуме и являвшиеся прямыми издателями произведений поэта Горация¹. Любой, кто покупал книгу в лавке, мог сделать с нее сколько угодно копий и, в свою очередь, безнаказанно продать их. Именно поэтому, не имея богатого покровителя, человек скромного достатка не мог себе позволить стать писателем.

Литературный кружок Мecenата сложился, по видимому, примерно в 40—37 годах, а распался после 13 года в связи со смертью большинства его членов. Мecenат, сплотив вокруг себя лучших поэтов своего времени, преследовал, однако, вовсе не благотворительные цели. Как ближайший друг Августа, он понимал, что принцепсу нужна общественная поддержка, поддержка со стороны образованной и просвещенной римской элиты. Чтобы получить эту поддержку, нужно было возвеличить

¹ Гораций. Сатиры. I. 4. 70—71; Послания. I. 20. 1—2; Наука поэзии. 345—346, 373.

деяния Августа. Сделать же это в ту эпоху, когда не существовало газет, радио, телевидения и Интернета, можно было только с помощью литературных произведений, а конкретно, с помощью стихотворений, прославляющих гениальность принцепса и воспевающих его подвиги.

Мудрость и прозорливость Мecenата заключались в том, что он воздействовал на поэтов ненавязчиво, мягко и доброжелательно, без всякого принуждения. Он прекрасно понимал, что поэзия не терпит насилия и никакое великое произведение не может быть создано против воли. Поэтому Мecenат не приказывал поэтам восхвалять Августа, а только лишь просил, уговаривал, увещевал с неизменной улыбкой на лице. И убеждал поэтов в преимуществах правления Августа, принесшего мир и покой после десятилетий кровавых гражданских войн. А попутно одаривал их домами и землями. И это действовало. Как известно, «вода камень точит». Постепенно поэты начинали воспевать Августа в своих стихотворениях, причем добровольно и вполне искренне. Над всеобщим увлечением поэзией в эпоху Августа иронизировал еще Гораций в своем послании принцепсу: «Мы же, — учен, неучен, безразлично, — кропаем поэмы»¹. Из всех поэтов литературного кружка Мecenата непосредственно сочинить героический эпос о деяниях Августа решился лишь Луций Варий Руф, но его труд канул в небытие.

Наряду с кружком Мecenата, в Риме в этот период также существовали литературные кружки Гая Азиния Поллиона и Марка Валерия Мессалы Корвина. Гай Азиний Поллион (76—5) был известней-

¹ Гораций. Послания. II. 1. 117.

шим человеком в Риме. В молодости как соратник Юлия Цезаря он участвовал в его походах, занимал высокие государственные и военные посты. Несмотря на то, что Поллион по своим убеждениям был республиканцем, после убийства Цезаря он сначала поддержал Октавиана, а затем перешел на сторону Марка Антония, участвовал в заключении Брундизийского мира. По окончании гражданских войн Азиний Поллион отошел от политики и полностью предался творчеству. На свои средства восстановил храм Свободы на Авентинском холме и в 38 году пристроил к нему здание библиотеки — первой публичной библиотеки в Риме¹, содержавшей книги латинских и греческих авторов. Кроме того, Поллион сам создал немало произведений как талантливый драматург, поэт, оратор и особенно как историк². Был другом Вергилия и Горация. В своем доме собрал огромное количество произведений искусства и создал нечто вроде музея, где хранились скульптурные произведения известнейших греческих ваятелей, в том числе и знаменитый «Бык Фарнезе»³. Фигура Азиния Поллиона замечательна еще и тем, что он первым ввел в моду так называемые «рецитации» — открытые чтения своих произведений в кругу знатоков. В кружок Азиния Поллиона в разное время входили Вергилий, Гораций и другие поэты.

Марк Валерий Мессала Корвин (64 до н. э. — 8 н. э.) был не менее популярен в римском обществе, чем Азиний Поллион. В молодости он активно сражался на стороне республиканцев, участвовал

¹ *Плиний Старший*. Естественная история. XXXV. 2. 10.

² *Гораций*. Оды. II. 1.

³ *Плиний Старший*. Естественная история. XXXVI. 4. 23, 33, 34.

в битве при Филиппах, перешел на сторону Марка Антония, но, разочаровавшись в нем, примкнул к Октавиану. Впоследствии Мессала участвовал в различных войнах, занимал высокие государственные должности, но прославился прежде всего как талантливейший оратор своего времени. Интересовался он также искусством, историей и поэзией. Организовал литературный кружок, в который входили поэты Альбий Тибулл, Лигдам, Эмилий Макр, Овидий, поэтесса Сульпиция и др. Мессала Корвин до конца жизни придерживался республиканских взглядов, и поэты, которых он собрал вокруг себя, сочувственно относились к политической позиции своего покровителя.

Кто же входил в состав литературного кружка Мецената? Первым, безусловно, следует назвать гениального поэта Публия Вергилия Марона. Родился он на севере Италии в деревушке Анды (современная Пьетоле) близ Мантуи в октябрьские иды, в первое консульство Гнея Помпея Магна и Марка Лициния Красса, то есть 15 октября 70 года¹. Уже само рождение поэта было овеяно легендами. Историк Светоний сообщает, что «матери его во время беременности приснилось, будто она родила лавровую ветвь, которая, коснувшись земли, тут же пустила корни и выросла в зрелое дерево со множеством разных плодов и цветов. На следующий день, направляясь с мужем в ближнюю деревню, она свернула с пути и в придорожной канаве разрешилась от бремени»². Эту канаву, где родился поэт, особо чтили и показывали в Пьетоле еще в XI веке. Известно также, что «ветка тополя, по местно-

¹ Светоний. Вергилий. 2.

² Там же. 3.

му обычаю сразу посаженная на месте рождения ребенка, разрослась так быстро, что сравнялась с тополями, посаженными намного раньше; это дерево было названо “деревом Вергилия” и считалось как священное беременными и роженицами, благоговейно дававшими перед ним и выполнявшими свои обеты»¹.

Семья Вергилия была достаточно состоятельной, но скромной и неродовитой. Отец будущего поэта начинал простым ремесленником, затем приобрел керамическую мастерскую, разбогател, прикупил земли в Андах, стал заниматься сельским хозяйством, разведением пчел². Благодаря настойчивости отца Вергилий получил блестящее образование. Ребенком он изучал грамматику в Кремоне, с 55 года обучался риторике в Медиолане (современный Милан), а в 53 году прибыл в Рим³ для продолжения своего обучения у ритора Эпидия. Надо сказать, что у Эпидия также учился юный Октавиан⁴, и, хотя между Вергилием и будущим принцепсом была разница в возрасте, они вполне могли познакомиться еще в школе. Кроме риторики Вергилий большое внимание уделял медицине и особенно математике⁵. В Риме в это же время он, очевидно, познакомился с лучшими поэтами той эпохи.

Риторика вскоре наскучила молодому Вергилию. Сказался и неудачный опыт выступления в суде: когда он вел дело, то говорил так медленно, что его посчитали полным невеждой⁶. В 45 году Верги-

¹ Светоний. Вергилий. 5.

² Там же. 1.

³ Там же. 6—7.

⁴ Светоний. О риториках. 28.

⁵ Светоний. Вергилий. 15.

⁶ Там же. 15—16.

лий вернулся в Анды, а затем отправился в Неаполь постигать тайны философии в школе эпикурейца Сирона¹. Эпикурейская философия занимала поэта на протяжении всей его жизни.

Характер у Вергилия с детства был спокойный и мягкий. Есть свидетельство, что новорожденный поэт «не плакал, и лицо его было спокойным и кротким; уже это было несомненным указанием на его счастливую судьбу»². В зрелые годы он также оставался тихим, даже застенчивым человеком, часто подчинялся влиянию близких ему людей и охотно следовал их советам. За его скромность жители Неаполя прозвали его «парфением», то есть «девушкой». Античный историк Светоний сообщает, что «когда он, приезжая изредка в Рим, показывался там на улице и люди начинали ходить за ним по пятам и показывать на него, он укрывался от них в ближайшем доме»³.

Сохранились сведения о внешности поэта: «он был большого роста, крупного телосложения, лицом смуглый, походил на крестьянина»⁴. Хорошим здоровьем Вергилий не отличался; часто болел, его мучили головные боли, у него были серьезные проблемы с желудком и горлом⁵; к тому же есть сведения о том, что он болел туберкулезом. По известной причине Вергилий избегал женщин⁶ и потомства не оставил.

С детства будущий поэт воспитывался в деревне, на природе, и в силу этого не любил городской

¹ *Вергилий*. Каталептон. V. 9.

² *Светоний*. Вергилий. 4.

³ Там же. 11.

⁴ Там же. 8.

⁵ Там же. 8.

⁶ Там же. 9—10.

суеты, предпочитая спокойную провинциальную жизнь вдаль от столицы и политики. Именно поэтому Вергилий старался как можно реже посещать Рим, хотя у него там был роскошный дом. Первоначально он предпочитал жить в Андах, а потом — близ Неаполя на своей вилле у местечка Нолы или на острове Сицилия¹.

Писать стихи Вергилий начал довольно рано. Уже в подростковом возрасте он сочинил стихотворение про школьного учителя Баллисту, которого, как разбойника, побили камнями: «Здесь, под грудой камней, лежит погребенный Баллиста, / Путник, и ночью и днем стал безопасен твой путь»². Первые небольшие стихотворения юного поэта были написаны в духе Катулла. Все вместе они составляют так называемый сборник «Appendix Vergiliana», куда входят «Комар», «Кирис», «Проклятия», «Лидия», «Трактирщица», «Завтрак», «Этна», «Приапеи», «Каталептон» («Смесь»). Некоторые из них явно не принадлежат перу Вергилия и являются подложными.

Наиболее известным из ранних стихотворений является «Комар» (около 50 или 44 года). Поэт рассказывает о том, как пастух, утомленный полуденной жарой, засыпает, и в это время к нему подползает ужасная змея, готовая его ужалить. Однако, на счастье пастуха, его кусает комар, и он просыпается, убивает комара, замечает змею и убивает ее тоже. Ночью к пастуху является призрак комара и жалуется на судьбу. На следующий день растроганный пастух сооружает комару гробницу. «Комар», как полагают некоторые литературоведы, был по-

¹ Светоний. Вергилий. 13; Авл Геллий. Аттические ночи. VI. 20. 1.

² Светоний. Вергилий. 17.

священ юному Октавиану, так как в тексте его имя упоминается дважды, более того, он назван «мальчиком святым»¹.

В годы гражданских войн семья Вергилия, как и многие другие, столкнулась с земельными конфискациями, которые в 41 году затронули земли Кремоны и примыкавшей к ней Мантуи. Отцовское имение Вергилия оказалось конфисковано в пользу одного из ветеранов Октавиана центуриона Аррия², и поэт был вынужден искать убежище на вилле своего учителя философа-эпикурейца Сирона³. Только благодаря знакомству с Гаем Азинием Поллионом, правителем Цизальпинской Галлии, и Гаем Корнелием Галлом, вступившимися за Вергилия перед Октавианом, родовое гнездо в виде исключения было возвращено молодому поэту⁴. Однако уже в 40 году из-за возникших земельных споров в имение ворвалась толпа ветеранов, и Вергилий чудом не погиб от руки одного солдата, преследовавшего его с обнаженным мечом⁵. Ко всему прочему, в это время умер его слепой престарелый отец; еще раньше поэт потерял мать и двух родных братьев — Силона и Флакка⁶. Вергилию пришлось обратиться за помощью уже к преемнику Азиния Поллиона — Публию Альфену Вару⁷ и вновь хлопотать о возвращении родного имения. На этот раз ему помог Мecenат⁸, знакомство с которым состоялось в 39 году,

¹ *Вергилий*. Комар. 1, 25; 1, 26, 37.

² *Донат*. Вергилий. 63.

³ *Вергилий*. Каталептон. VIII. 1—6.

⁴ *Светоний*. Вергилий. 19.

⁵ Там же. 20.

⁶ Там же. 14.

⁷ *Вергилий*. Буколики. IX. 27—29.

⁸ *Светоний*. Вергилий. 20.

после выхода в свет «Буколик» — первого крупного произведения Вергилия, над которым поэт работал около трех лет (41—39).

«Буколики» состоят из десяти эклог, содержание которых почти полностью посвящено идиллической жизни пастухов на лоне природы. Создавая это произведение в страшные годы гражданских войн, поэт как бы стремился укрыться от жестокой действительности в созданном им воображаемом мире, где сладко благоухают цветы, весело щебечут птицы, тихо журчат ручьи, в тени деревьев мирно пасется скот, а молодые пастухи предаются любви и веселью со своими подружками. Но даже и в этом воображаемом мире Вергилию все равно приходилось вспоминать о суровой жизни. Так, например, первая и девятая эклоги «Буколик» написаны явно под впечатлением от конфискации его имения¹. Четвертая эклога посвящена Азинию Поллиону, а шестая — Альфену Вару, людям, оказавшим ему поддержку в решении дела о конфискации. Кроме того, в первой эклоге Вергилий с восторгом и признательностью упоминает под именем нового бога Октавиана, благодаря которому ему и была возвращена земля:

О Мелибей, нам бог спокойствие это доставил —
Ибо он бог для меня, и навек, — алтарь его часто
Кровью будет поить ягненок из наших овчарен².

Десятая эклога «Буколик» посвящена Гаю Корнелию Галлу (69—26) — известному римскому поэту, создателю жанра римской элегии, другу детства Октавиана, также помогавшему Вергилию

¹ *Вергилий*. Буколики. I. 64—72; IX. 2—5, 27—28.

² Там же. I. 6—8.

возвратить имение. Это был в высшей степени незаурядный, очень талантливый и одаренный человек, дружбой с которым Вергилий весьма дорожил. Эклога рассказывает о несчастной любви поэта Галла к некоей Ликориде, бросившей его ради сурового воина. Став префектом Египта и превысив свои полномочия, Галл был осужден Августом и покончил жизнь самоубийством¹. Вергилий посвятил ему несколько строк в своих «Георгиках», но Август впоследствии потребовал изъять их из поэмы.

Самой знаменитой по праву является четвертая эклога, посвященная Азинию Поллиону, консулу 40 года, участвовавшему в заключении Брундизийского мира. Она повествует о скором наступлении «золотого века» и рождении некоего загадочного младенца, который принесет мир и благоденствие:

Круг последний настал по вешанью пророчицы Кумской,
Сызнава ныне времен зачинается строй величавый,
Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
К новорожденному будь благосклонна, с которым на смену
Роду железному род золотой по земле расселится,
Дева Луцина!²

О том, кого имел в виду Вергилий, воспевая чудесного мальчика, спорят уже два тысячелетия. Одни считали, что речь идет о сыне Азиния Поллиона, который и правда родился и впоследствии с гордостью заявлял, что эклога посвящена именно ему. Другие полагали, что Вергилий имел в виду или будущего сына Октавиана и Скрибонии, или же будущего сына сестры Октавиана Октавии и Марка Антония. Однако у этих супружеских

¹ *Светоний*. Божественный Август. 66. 1—2.

² *Вергилий*. Буколики. IV. 4—10.

пар сыновья так и не родились. В Средние века наибольшее распространение получила версия, согласно которой Вергилий в четвертой эклоге предсказывает не что иное, как рождение Иисуса Христа!¹ Ясно одно — наступление «золотого века» Вергилий связывал с надеждой на мир и спокойствие в Италии после заключения Брундизийского мира.

«Буколики» имели очень большой успех в высшем римском обществе и, можно сказать, выдвинули Вергилия в первый ряд известнейших поэтов. Отдельные эклоги «Буколик» почти сразу же вошли в репертуар многих певцов и актеров², стали исполняться на сценах многих городов Италии. Историк Тацит рассказывает о том, как однажды римляне, прослушав в театре стихотворения Вергилия, поднялись и воздали случайно присутствовавшему здесь поэту такие же почести, какие они воздавали самому Августу³.

Знакомство с Меценатом в 39 году, чему немало способствовал друг Вергилия Азиний Поллион, во многом определило весь дальнейший жизненный путь поэта. О том, как конкретно и в какой обстановке произошло это судьбоносное знакомство, к сожалению, ничего не известно, однако ясно, что Вергилий, став клиентом Мецената, получил могущественного покровителя. Более того, Меценат, вероятно, подарил ему усадьбу близ городка Нолы в Кампании⁴, возместив таким образом потерянное

¹ Подробный разбор четвертой эклоги см.: *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 239—245.

² *Светоний.* Вергилий. 26.

³ *Тацит.* Диалог об ораторах. 13.

⁴ *Авл Геллий.* Аттические ночи. VI. 20. 1.

родовое имение. Желая еще больше приблизить к себе Вергилия, Мecenат позднее предоставил в распоряжение поэта и большой дом на Эсквилинском холме, неподалеку от своих садов¹.

«Буколики», очевидно, произвели большое впечатление на Мecenата. Оценив блестящий талант молодого поэта и всячески поощряя его, предложил Вергилию создать большую дидактическую поэму о земледелии². Эта идея показалась очень привлекательной Вергилию, с детства имевшему склонность к таким сюжетам. В скромной деревенской жизни он видел основу для возрождения благосостояния Италии, измученной бесконечными гражданскими войнами. Упадок сельского хозяйства и экономики привел к запустению деревни. Не только крестьяне, но и средние и крупные землевладельцы забрасывали свои поместья и бежали от войны. Необходимо было, хотя бы и с помощью поэзии, обратить внимание прежде всего богатых землевладельцев на преимущества земледелия и скотоводства, чтобы они проявили интерес к своим заброшенным имениям, вернули туда рабов и начали вновь наполнять рынки местными продуктами питания. Нужно было также, чтобы и многочисленные ветераны, получившие конфискованные земли, с удовольствием занимались земледелием и не пытались бунтовать³. В этом был крайне заинтересован не только Мecenат, но сам Октавиан, прекрасно понимавший, что только с помощью возрождения сельского хозяйства можно восстановить былую мощь государства. Не случайно именно в 37—36 годах известный пи-

¹ Светоний. Вергилий. 13.

² Вергилий. Георгики. III. 41.

³ Эррен М. «Георгики» Вергилия и политика Августа // Греко-латинский кабинет. 2000. № 3. С. 9—27.

сатель и ученый Марк Теренций Варрон (116—27) издает свой знаменитый трактат «О сельском хозяйстве».

В 37/36 году Вергилий с большим воодушевлением приступил к созданию обширного произведения, которое получило название «Георгики» («Земледельческие стихотворения»). Над этой поэмой он работал долгих семь лет. Каждое утро он сочинял множество стихов и диктовал их своим рабам, а затем в течение дня сокращал и редактировал тексты¹. По сообщению писателя Авла Геллия, Вергилий, объясняя этот способ, говорил, что «рождает свои стихи по нраву и обычаю медведей. Ибо, как самка этого животного рождает на свет детеныша не имеющим вида и облика и затем, облизывая того, кого она таким родила, придает форму его телу и определенность чертам, так и то, что его гений производил поначалу, было грубым на вид и несовершенным, а позже, после обработки и усовершенствования, приобретало очертания и облик»².

Весной 29 года, после предварительного одобрения Мецената, поэт представил, наконец, «Георгики» на суд самому Октавиану, когда тот отдыхал и лечил горло в городе Ателле, с триумфом возвратившись с Востока после победы над Марком Антонием и Клеопатрой. Четыре дня подряд читал Вергилий «Георгики» перед Октавианом и его окружением, а когда уставал, то его сменял Меценат³. Современники отмечали, что всегда стеснительный Вергилий, декламируя свои стихи, как будто преоб-

¹ Светоний. Вергилий. 22.

² Авл. Геллий. Аттические ночи. XVII. 10. 2—3. Перевод А. Г. Грушевого.

³ Светоний. Вергилий. 27.

ражался, и его голос становился удивительно приятным и изящным¹.

Поэма «Георгики» содержит четыре книги (более двух тысяч стихов), каждая из которых посвящена одному из видов сельского хозяйства. Первая книга подробно повествует об обработке различных видов почв и предсказании погоды, вторая — об уходе за деревьями и кустарниками, о выращивании винограда и оливок, третья — о скотоводстве и болезнях домашних животных, а четвертая — об уходе за пчелами и их разведении. Для создания поэмы Вергилию пришлось ознакомиться с огромным количеством трудов по сельскому хозяйству, астрономии, ботанике и животноводству, созданных как греческими, так и римскими учеными. Тем не менее «Георгики» не являются практическим руководством по ведению сельского хозяйства. Вергилий, например, совершенно не упоминает о птицеводстве, свиноводстве, разведении рыб в садках, чем особенно увлекались римляне. Более того, «Георгики» ни в коем случае не предназначены для простых крестьян, напротив, поэма адресована именно крупным и средним землевладельцам и обращает их внимание на основные преимущества земледелия, противопоставляя счастливую деревенскую жизнь ужасам гражданской войны². Незачем говорить, что «Георгики», так же как прежде и «Буколики», имели оглушительный успех у римской публики.

Для нас это произведение представляет особый интерес, поскольку оно целиком посвящено Мecenату. В каждой книге «Георгик» Вергилий с вос-

¹ Там же. 28—29.

² Эррен М. Указ. соч. С. 9—27.

хищением упоминает своего патрона, специально обращаясь к нему¹, а в начале третьей книги особо подчеркивает, что сочинил это произведение по его заказу:

Ты, Мecenат, повелел нелегкое выполнить дело.
Ум не зачнет без тебя ничего, что высоко. Рассей же
Леность мою!²

Наряду с Мecenатом, Вергилий обращается в «Георгиках» и к Октавиану, в честь которого он хочет соорудить храм и установить его статую, поклоняясь ему как богу:

Там на зеленом лугу из мрамора храм я воздвигну
Возле воды, где, лениво вьясь, блуждает широкий
Минций, побережья свои тростником
скрывающий мягким.

Цезарь будет стоять в середине хозяином храма.
В тирский багрец облачен, я сам в честь его триумфально
Сто погоню вдоль реки колесниц, четверней запреженных!³

Еще в период написания «Георгик» Вергилий задумал — очевидно, не без влияния Мecenата — создание огромной эпической поэмы, прославляющей подвиги Октавиана. В третьей книге «Георгик» он пишет:

Вскоре, однако, начну и горячие славить сраженья
Цезаря, имя его пронесу через столькие годы,
Сколькими сам отделен от рожденья Тифонова Цезарь⁴.

¹ Вергилий. Георгики. I. 1—5; II. 39—41; III. 41—43; IV. 1—7.

² Там же. III. 41—43.

³ Там же. III. 13—18. См. также: I. 24—28.

⁴ Там же. III. 46—48.

Однако эта работа оказалась для него слишком трудна, и он предпочел описывать не реальные события, а обратиться к седой древности, к римским легендам и мифам.

Итак, в конце 29 года Вергилий приступил к созданию главного произведения своей жизни — национальной эпической поэмы «Энеида». Над ней он работал десять лет, написал 12 книг (песен), но так и не успел закончить это произведение. Писал он «Энеиду» иначе, чем «Георгики»: сначала он изложил ее прозой и разделил на 12 отдельных книг, а потом стал сочинять каждую книгу— вне какого бы то ни было порядка и только тогда, когда к нему приходило вдохновение¹.

Как ранее и «Георгики», «Энеида» потребовала огромной подготовительной работы, ознакомления с обширнейшим мифологическим материалом, с сочинениями древних поэтов и историков. В основу поэмы Вергилий положил миф о второстепенном троянском герое Энее, сыне Анхиза и богини Венеры, который еще со времен Республики почитался как родоначальник римского народа. Первые шесть песен «Энеиды» повествуют о странствиях Энея и его спутников, о их прибытии в Карфаген к царице Дидоне и о пире в ее дворце (I книга), во время которого Эней рассказывает о падении Трои (II) и о своих долгих скитаниях (III), о несчастной любви Дидоны к Энею и о ее самоубийстве (IV), о погребальных играх в честь отца Энея Анхиза в Сицилии (V), о прибытии в Италию и о путешествии Энея в царство мертвых (VI), а вторые шесть — о долгой и кровопролитной войне Энея и его спутников с местными италийски-

¹ Светоний. Вергилий. 23—24.

ми племенами. Поскольку Вергилий, как известно, стремился подражать Гомеру, первую часть «Энеиды» уже в древности сравнивали с «Одиссеей», а вторую сближали с «Илиадой».

Вергилий не просто пересказывал древние мифы и предания, но, напротив, постарался соединить миф с действительностью. Сын Энея Асканий Юл считался прародителем рода Юлиев, к которому принадлежали Юлий Цезарь и Октавиан. Принцепс был заинтересован в возвеличивании своего рода, и не случайно тема о божественном происхождении Юлиев красной нитью проходит через всю поэму Вергилия. В первой, шестой и восьмой песнях «Энеиды» поэт прямо говорит об Августе и его великих победах¹. Более того, Вергилий стремится подчеркнуть исключительность Римского государства, подчеркнуть, что именно деяния представителей рода Юлиев и в особенности Августа способствуют наступлению новой эры, нового «золотого века»:

Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами — славу,
Юлий — он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
Стран восточных; ему воссылаются будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сражениях, смягчится,
С братом Ремом Квирин, седая Верность и Веста
Людам законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет; внутри нечестивая ярость,
Связана сотней узлов, восседая на груди оружия,
Станет страшно роптать, свирепая, с пастью кровавой².

¹ *Вергилий*. Энеида. I. 286—296; VI. 792—800; VIII. 671—728.

² Там же. I. 286—296. Поэт ставит в заслугу Августу, что тот, после долгих лет войн, наконец-то закрыл двери храма Януса, что означало наступление мира.

.....
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный.
Ныне уже прорицанья богов о нем возвешают,
Край Меотийских болот и Каспийские царства пугая,
Трепетным страхом смутив семиструйные нильские устья¹.

Вся поэма пронизана большой религиозностью, патриотизмом, мужественностью, самопожертвованием, милосердием, доблестью и отвагой. Превозносятся простота жизни, справедливость, высокая нравственность и крепость семейных устоев. Все это, по мысли Вергилия, должно стать основой обновленного Римского государства под властью Августа. В шестой песне Вергилий устами старца Анхиза, отца Энея, предрекает Риму в будущем высшее могущество и власть над всем миром:

Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!²

В восьмой песне Вергилий описывает щит, изготовленный богом Вулканом для Энея; на этом щите отчеканены различные эпизоды из римской истории. Особенно важно отметить изображенные на щите военные победы Октавиана, включая битву при Акции, а также тройной триумф принцепса:

Весь опоясало щит из червонного золота море,
Волны седые на нем взметают пенные гребни,

¹ Там же. VI. 792—800.

² Там же. VI. 851—853.

Светлым блестя серебром, проплывают по кругу дельфины,
Влагу взрывая хвостом и соленый простор рассекая.
Медью средь моря суда сверкали: Актийскую битву
Выковал бог на щите; кипели Марсовы рати,
Всю Левкату заняв, и плескались валы золотые.
Цезарь Август ведет на врага италийское войско,
Римский народ, и отцов, и великих богов, и пенатов;
Вот он, ликуя, стоит на высокой корме, и двойное
Пламя объемлет чело, звездой осененное отчей.
Здесь и Агриппа — к нему благосклонны и ветры и боги —
Радостно рати ведет, и вокруг висков его гордо
Блещет ростральный веночек —

за морские сраженья награда.

Барварской мощью силен и оружием пестрым Антоний,
Берега алой Зари и далеких племен победитель:
В битву привел он Египет, Восток и от края вселенной
Бактров; с ним приплыла — о нечестье! — жена-египтянка.
В бой устремились враги, и, носами трехзубыми взрыта,
Веслами вся взметена, покрылась пеной пучина.
Дальше от берега мчат корабли; ты сказал бы — поплыли
Горы навстречу горам иль Циклады сдвинулись с места —
Так толпятся мужи на кормах, громадных, как башни,
Копий летучий металл и на древках горящую паклю
Мечут, и кровью опять обагрятся нивы Нептуна.
Войску знак подает царица египетским систром
И за спиной у себя не видит змей ядовитых.
Чудища-боги идут и псоглавый Анубис с оружием
Против Нептуна на бой и Венеры, против Минервы.
В гуще сражения Марс, из железа кован, ярится,
Мрачные Диры парят над бойцами в эфире высоком,
В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает,
Ходит следом за ней с бичом кровавым Беллона.
Сверху взирая на бой, Аполлон Актийский сгибает
Лук свой, и в страхе пред ним обращается в бегство Египет,
Следом инды бегут и арабы из Савского царства.
Вот и царица сама призывает попутные ветры,
Все паруса распустить и ослабить снасти готова.
Как побледнела она среди сечи в предчувствии смерти,
Как уносили ее дуновенья япигского ветра, —
Выковал все огнемощный кузнец. А напротив горюет
Нил: одежды свои на груди распахнул он широкой,
Кличет сынов побежденных к себе на лазурное лоно.

Здесь же, с триумфом тройным вступивший в стены столицы,
Цезарь исполнить спешит свой обет богам италийским,
Триста по Риму всему освящая храмов огромных.
Улицы вокруг ликованием полны и плеском ладоней,
В каждом святилище хор матрон и жертвенник в каждом,
Пред алтарем тельцы на земле в изобилие простерты.
Сидя у входа во храм Аполлона лучистого, Цезарь
Разных племен разбирает дары и над гордою дверью
Вешает их; вереницей идут побежденные длинной, —
Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий.
Здесь и номадов народ, и не знающих пояса афров
Мульцибер изобразил, гелонов, карийцев, лелегов
С луками; тут и Евфрат, укротивший бурные воды,
Рейн двурогий, Аракс, над собой мостов не терпящий,
Даги, морины идут, дальше всех живущие смертных¹.

Октавиан Август с большим интересом следил за работой великого поэта. Выступив в военный поход против кантабров, он забрасывал Вергилия письмами с просьбами и даже шутивными угрозами, чтобы ему «прислали бы хоть первый набросок, хоть какое-нибудь полустигиие из “Энеиды”»². В одном из ответных писем императору Вергилий лишь оправдывался: «Право, я получаю от тебя многочисленные записки. Если бы, клянусь Геркулесом, у меня было ныне что-нибудь, достойное твоего слуха, то я охотно послал бы тебе кое-что именно из моего “Энея”. Однако это такая незавершенная вещь, что мне кажется, будто я приступил к такому труду чуть ли не по недостатку ума, так как ради этого труда я отдаюсь также другим и притом гораздо более превосходным занятиям»³. Тем не менее Вергилий представлял на суд друзей некоторые отрывки из «Энеиды», что позволило поэту Проперцию с восторгом написать:

¹ *Вергилий*. Энеида. VIII. 671—728.

² *Светоний*. Вергилий. 31.

³ *Макробий*. Сатурналии. I. 24. 11.

Пусть же Вергилий поет побережье Актийского Феба,
Пусть воспекает он нам храброго Цезаря флот,
Он, кто брани теперь воскрешает троянца Энея
И воздвигает в стихах стены Лавиния вновь.
Римские смолкните все писатели, смолкните, греки:
Нечто рождается в мир, что Илиады славней¹.

Лишь в 23 году поэт представил на суд Октавиана вторую, четвертую и шестую песни «Энеиды». Вергилий читал их лично, в присутствии всей семьи принцепса. Во время чтения сестра Августа Октавия потеряла сознание и ее с трудом привели в чувство. Это произошло потому, что в шестой песне (стихи 860—885) Вергилий упомянул ее недавно умершего в возрасте двадцати лет сына Марцелла², который был зятем и преемником Августа. Чувства матери не выдержали такого испытания.

Желая улучшить содержание «Энеиды» и лично ознакомиться с теми местами, где жили и действовали герои его поэмы, Вергилий в 19 году решил предпринять трехгодичное путешествие в Грецию и Малую Азию. Он уже давно собирался отправиться путешествовать и в 23 году даже чуть было не отплыл в Афины, о чем его друг Гораций сочинил полную иронию оду, посвященную кораблю Вергилия³. После завершения «Энеиды» Вергилий намеревался отойти от поэзии и полностью отдаться изучению философии, к которой питал особое пристрастие с ранней юности. Однако встретив в Афинах возвращавшегося с Востока Августа, поэт изменил свое решение, поддавшись на уговоры императора, предложившего ему вместе возвращаться в Ита-

¹ *Проперций*. II. 34. 61—66.

² *Светоний*. Вергилий. 32.

³ *Гораций*. Оды. I. 3.

лию¹. Дело в том, что у Вергилия начались проблемы со здоровьем.

При осмотре развалин древнего города Мегары Вергилий получил сильнейший солнечный удар. Здоровье поэта, и без того некрепкое, стало стремительно ухудшаться. Август, очевидно, заметил это и настоял на немедленном возвращении Вергилия в Италию. На корабле, плывшем по бурному Адриатическому морю, состояние поэта из-за начавшейся морской болезни еще более ухудшилось. Тем не менее Вергилию удалось добраться до калабрийского города Брундизий, где он окончательно слег². Все попытки врачей спасти великого поэта оказались бессильны.

Будучи уже на пороге смерти, Вергилий призвал своих ближайших друзей-поэтов Вария Руфа и Плотия Тукку и попросил их сжечь в печи незаконченную рукопись «Энеиды». Однако его друзья наотрез отказались сделать это. Более того, этому резко воспротивился и сам Август, категорически запретивший уничтожать столь великую, по его мнению, поэму, достойную пера самого Гомера. Когда Вергилий потребовал свой книжный ларец, чтобы лично сжечь «Энеиду», ему мягко отказали. Поэтому в последние часы жизни он уже не упоминал о поэме и лишь попросил Вария и Тукку не публиковать после его смерти ничего, что не опубликовал при жизни он сам³. Кроме того, он распорядился половину своего имущества отдать сводному брату Валерию Прокулу, четверть — Августу, двенадцатую часть — Меценату, а все остальное — Варию и Тукке⁴.

¹ *Светоний*. Вергилий. 35.

² Там же. 35.

³ Там же. 39—40.

⁴ Там же. 37.

Почему Вергилий хотел уничтожить «Энеиду»? Сложно ответить на этот вопрос. Одни ученые считают, что поэт просто не хотел оставлять свое произведение незаконченным, другие полагают, что он разочаровался в политике Августа и ему стало стыдно за то, что он так непомерно возвеличивал принцепса. Некоторые предполагают, что не имевший потомства Вергилий воспринимал свои произведения как собственных детей. «Энеида» не была закончена, и поэт не хотел выпускать несовершенное дитя на свет.

Умер Вергилий в Брундизии за 11 дней до октябрьских календ, в консульство Гнея Сентия и Квинта Лукреция, то есть 21 сентября 19 года. Его тело было перевезено в Неаполь и похоронено в роскошной гробнице на второй миле от города по Пу-теоланской дороге¹. Для надгробной плиты он сам перед смертью сочинил следующую эпитафию:

Мантуей был я рожден, Калабрией отнят. Покоюсь
В Партенопее. Воспел пастбища, села, вождей².

Гробницу Вергилия долгое время с благоговением почитали. Позднее поэт Силий Италик даже приобрел место, где находилась гробница великого поэта, и всячески заботился о ней, «ходил на его могилу, как в храм»³. Поэт Марциал даже сочинил по этому поводу эпиграмму:

¹ *Светоний*. Вергилий. 35—36.

² Город Брундизий, где умер Вергилий, находится на территории Калабрии. Партенопея — древнее греческое наименование города Неаполь. В последней строке содержится намек на три главных произведения Вергилия — «Буколики» (пастбища), «Георгики» (села), «Энеида» (вожди). Перевод С. Шервинского.

³ *Плиний Младший*. Письма. III. 7. 8.

Всеми почти что уже покинутый прах и Марона
Имя священное чтит лишь одинокий бедняк.
Сикий решил прийти на помощь возлюбленной тени,
И почитает певца ныне не худший певец¹.

В период Средневековья, однако, гробница Вергилия оказалась заброшена и со временем исчезла с лица земли. О могиле великого поэта вспомнили только в XIV веке великие Петрарка и Боккаччо. После бесплодных поисков с гробницей Вергилия отождествили остатки древнеримского подземного фамильного колумбария — погребального сооружения с нишами для урн в стенах внутреннего помещения, расположенного на окраине Неаполя, а отнюдь не на второй миле от города по Путеоланской дороге².

Именно благодаря Августу после смерти Вергилия «Энеида» все же увидела свет. Принцепс лично приказал поэту Варию внести в текст поэмы необходимые правки и издать ее³. Однако Варий ограничился лишь небольшой редакторской правкой и не стал ничего дополнять, поэтому в поэме имеются неоконченные стихи.

«Энеида» быстро стала одним из самых популярных и читаемых произведений. Уже в период принципата ее, как и другие произведения Вергилия, начали изучать в школах, перевели на греческий язык. Отдельные стихи из Вергилия можно встретить на предметах древнеримской утвари, на стенах домов, на гробницах в виде эпитафий. В античный период также появились весьма объемистые коммен-

¹ *Марциал*. XI. 50 (49).

² *Федорова Е. В., Лесницкая М. М.* Неаполь и его окрестности. Века. Люди. Искусство. С. 35—36.

³ *Светоний*. Вергилий. 37, 41.

тарии к произведениям великого поэта, принадлежащие Сервию Гонорату (IV век н. э.), Тиберию Клавдию Донату (IV—V века н. э.), Валерию Пробу (V—VI века н. э.). Многие античные и средневековые поэты подражали Вергилию, учились у него. В период Средних веков Вергилий продолжал почитаться как величайший античный поэт, чему немало поспособствовало толкование христианами содержания его четвертой эклоги как предсказания рождения Христа. Вергилия даже стали считать волшебником и чародеем; гадали по его произведениям, открывая наугад страницы.

Однако нашлись и такие, кто принялся несправедливо критиковать «Энеиду» и другие произведения Вергилия. Уже при его жизни были написаны груды трактатов, обвиняющие его в плагиате, ошибках и погрешностях¹. Даже соратник Августа полководец Марк Випсаний Агриппа, явно ничего не понимавший в поэзии, «обзывал Вергилия подкидышем Мецената, изобретателем новой манерности, не напыщенной и не сухой, но слагающейся из повседневных слов и потому незаметной»². Но, как справедливо отметил Светоний, «в хулителях у Вергилия не было недостатков, и неудивительно: ведь были они даже и у Гомера»³. Доставалось поэту от недоброжелателей и в Средние века, и в Новое и Новейшее время. Его обвиняли уже не столько в плагиате, сколько в пропаганде политики цезаризма, в угодничестве, лизоблюдстве и пресмыкательстве перед Августом. Однако подавляющее большинство людей, знакомившихся с произведениями Вергилия, очень быстро попадали под очарование

¹ Светоний. Вергилий. 43—46.

² Там же. 44.

³ Там же. 43.

его чудесной поэзии и навсегда становились самыми преданными его почитателями.

Справедливости ради следует сказать, что для Вергилия, как, впрочем, и для Горация, годы гражданских войн не прошли даром. Поэт слишком много пережил, и Август, обеспечивший наступление долгожданного мира для всех римлян, казался ему действительно неким божеством. Он, очевидно, искренне верил в то, что Август восстановил именно Республику. Судьба благосклонно отнеслась к Вергилию, и он не дожил до тех времен, когда принципат Августа в полной мере показал свой хищный оскал единовластия.

Еще одним ярчайшим представителем кружка Мecenата был лирический поэт Секст Проперций. Родился он, как считается, около 50 года в Умбрии¹, в городке Асизий (современный Ассизи), в довольно бедной², но, вероятно, знатной всаднической семье. В Ассизи открыты развалины римского дома, стены которого расписаны фресками с греческими стихами. Полагают, что это и есть отчий дом Проперция. Отец будущего поэта умер рано, когда тот еще был ребенком, а мать он потерял в шестнадцатилетнем возрасте³. Гражданская война не обошла стороной семью Проперция. В результате осады Перузии (современная Перуджа) погиб один из родственников Проперция — Галл, сражавшийся на стороне противника Октавиана, Луция Антония, брата Марка Антония⁴. В результате конфискации 41 года семья Проперция потеряла

¹ *Проперций*. I. 22. 10; IV. 1. 63—64, 121—126.

² Там же. II. 24. 37—38; II. 34. 55—56.

³ Там же. IV. 1. 127—128, 131—132; II. 20. 15—16.

⁴ Там же. I. 21; I. 22.

значительную часть своих земель¹, и в дальнейшем молодому человеку пришлось отправиться вместе с матерью искать счастья в столицу. Здесь, судя по его стихотворениям, обильно сдобренным мифологией, Проперций получил очень хорошее и разностороннее образование, необходимое для карьеры оратора и адвоката. Весьма вероятно, что даже после конфискаций он оставался достаточно обеспеченным человеком, поскольку, в отличие от многих других провинциалов, закончив свое обучение, не стал стремиться делать карьеру или добиваться богатства, а напротив, всецело отдался поэтическому творчеству и... любви.

В 28 году увидела свет его первая книга элегий, посвященных загадочной красавице Кинфии. Настоящее ее имя было, как полагают, Гостия². Неясно, однако, какое положение занимала она в римском обществе. Судя по описанию Проперция, это была не обыкновенная гетера, а незамужняя, свободная, довольно образованная и красивая женщина, обладавшая музыкальным и поэтическим талантами, которую в силу этого преследовали многочисленные поклонники. Тем не менее последнее обстоятельство ничуть не охладило влюбленного поэта: напротив, страдая от чрезвычайно переменчивого и капризного характера Кинфии, от ее многочисленных измен, ревности и интрижек, он продолжал пылко любить ее на протяжении более пяти лет, почти до самой ее смерти. Именно Кинфии он посвятил первые три книги своих элегий. Все свое внимание Проперций сосредоточил на переживаниях любви, на своей страсти к Кинфии, на муках

¹ *Проперций*. IV. 1. 128—130.

² *Апулей*. Апология. 10.

ревности, скорби и неудовлетворенности жизнью. Любовные элегии — это действительно лучшее из всего, что создал поэт.

Поэзия Проперция имела большой успех в высшем римском обществе. Она была порывиста, страстна, проникнута всепоглощающей пламенной любовью, отрешенностью от современных забот и тревожностей. Успех его первой книги, полностью посвященной любви к Кинфии, привлек внимание Мecenата, который, вероятно, в 27 году ввел молодого поэта в круг своих друзей и клиентов. Проперций познакомился с другими членами литературного кружка Мecenата. Правда, отношения с Горацием у него не сложились, ибо тот явно считал юного поэта спесивым выскочкой¹. Зато Проперцию удалось подружиться с Вергилием, о творчестве которого он восторженно отозвался впоследствии².

Итак, Проперций стал членом кружка Мecenата. Он был очень горд и польщен оказанной ему честью и без промедления посвятил своему новому покровителю первую элегию второй книги, где именовал его «красой и завистью всех всадников наших»³. И в дальнейшем поэт не раз с благодарностью упоминал имя Мecenата в своих произведениях. Чем конкретно был благодетельствован Проперций, мы можем только догадываться, но известно, что проживал он на Эсквилине⁴, очевидно, близ дворца Мecenата, в доме, вероятно, подаренном ему его высоким покровителем. Тем не менее когда Мecenат предложил поэту воспеть славу Рима и создать эпос в честь бла-

¹ Гораций. Послания. II. 2. 91—101.

² Проперций. II. 34. 61—66.

³ Там же. II. 1. 73.

⁴ Там же. III. 23. 24.

годеяний Октавиана, то получил поэтический отказ, причем помещенный как раз в той самой, посвященной ему же, элегии:

Будь мне дано, Меценат, судьбою столько таланта,
Чтобы героев толпу мог я на брани вести,
Я не Титанов бы пел, не Оссу над вышним Олимпом,
Не взгроможденный над ней путь к небесам — Пелион,
Древних не пел бы я Фив, ни Трои, Гомеровою славы,
Не вспоминал бы, как Ксеркс слиться двум водам велел
Или как царствовал Рем, не пел бы высот Карфагена,
Мария доблестных дел, кимвров свирепых угроз:
Цезаря я твоего труды восхвалял бы и войны,
Ну, а за Цезарем вслед ты был бы мною воспет.
Мутину вспомнив не раз и сограждан могилу — Филиппы,
Петь сицилийских судов бегство я был бы готов,
Или разгром очагов старинного рода этрусков,
Или фаросского пел берега смелый захват,
Пел бы Египет и Нил, который, во град приведенный,
В изнеможении нес семь своих скованных вод,
Или актийских носы кораблей на Священной дороге,
Или же выи царей пел в золоченых цепях:
Муза б моя и тебя в этих подвигах бранных воспела,
В мирные дни и в бою Августу преданный друг.
В царстве подземном Тезей, Ахиллес превозносит в небесном —
Иксионида один, Менетиада другой.
Но ни Юпитеров бой на Флегрейских полях с Энкеладом
Голосом громким воспеть и Каллимаху невмочь;
Ни у меня нету сил в груди, чтоб стихом величавым
Цезаря славить в ряду предков фригийских его!¹

Поэт также особо подчеркнул, что его призвание — это любовная поэзия. Меценат не оставил своих попыток уговорить Проперция и действовал, как и всегда, мягко и ненавязчиво. В итоге Проперций потихоньку начал сдаваться и постепенно отходить от чисто любовной поэзии. Во второй книге элегий (около 26—24 годов) уже заметно движение

¹ *Проперций*. II. 1. 17—42.

к расширению тематики. Проперций специально сочиняет помпезную элегию, в которой славит Августа и дает торжественное обещание изменить жанр своих произведений:

На Геликоне пора нам иные слагать песнопенья
И гемонийских коней выпустить в поле пора.
Любо мне вспомнить теперь могучую конницу в битвах,
Любо мне римский воспеть лагерь вождя моего.
Если не хватит мне сил, наверное, будет похвальна
Смелость: в великих делах дорог дерзанья порыв.
Пусть молодежь воспевает любовь, пожилые — сраженья:
Прежде я милую пел, войны теперь воспою¹.

Следует здесь же отметить его замечательную элегию, посвященную описанию великолепного храма Аполлона на Палатине, построенного по приказу Октавиана и освященного в честь годовщины битвы при Акции². Однако еще в седьмой элегии второй книги мы внезапно сталкиваемся с критикой в адрес принцепса по поводу его закона о браке:

Кинфия, рада теперь ты, конечно, отмене закона:
Долго ведь плакали мы после издания его, —
Как бы он нас не развел. Но, впрочем, Юпитеру даже
Любящих не разлучить против желанья их.
Правда, Цезарь велик, но величие Цезаря в битвах:
Покорены племена, но непокорна любовь³.

Семья Проперция пострадала от гражданских войн, и неудивительно, что поэт еще долгое время с недоверием относился к Августу и его реформам, выражая таким образом свою неудовлетворенность реальной действительностью.

¹ Там же. II. 10. 1—8.

² Там же. II. 31.

³ Там же. II. 7. 1—6.

Обещание Проперция «петь войны» осталось до конца невыполненным, и он не стал эпическим поэтом. Он вновь и вновь продолжал воспевать Кинфию и признавал, что не в состоянии что-либо сделать с собой, поскольку всецело охвачен подлинной страстью и опьянен любовью.

В начале третьей книги элегий, созданной в 23—22 годах, Проперций лукаво заявляет, что бог Аполлон как покровитель искусств запрещает ему становиться эпическим поэтом¹, и тут же, как бы колеблясь, разражается элегией в честь Августа². Однако уговоры Мecenата становились со временем, вероятно, всё настойчивее, и в итоге Проперций специально посвятил своему доброму и терпеливому покровителю вторую элегию, в которой вновь постарался обосновать свой отказ восхвалять деяния Августа, но уже в более мягкой форме:

Отпрыск царей, Мecenат, из этрусского племени всадник,
Вечно желающий быть собственной ниже судьбы,
Что посылаешь меня в необъятное море писанья?
Нет, для таких парусов мал мой убогий челнок.
Стыдно себе возлагать непосильную на плечи тяжесть
И отступать, когда груз ноги в коленях согнет.
Каждое дело не всем в одинаковой мере подходит,
И не на всяком холме равный пылает огонь.

.....
Я же твои, Мecenат, наставления в жизни воспринял,
Твой же поможет пример мне опровергнуть тебя:
Римский сановник, ты мог бы на форуме ставить секиры,
Властью своею в суде произносить приговор,
Мог бы свободно пройти сквозь копья мидян ратоборных
И украшать свой дворец пленным доспехом врага, —
Так как на подвиги те дает тебе Цезарь и силу,
И без помехи всегда льются богатства к тебе, —
Все же уходишь ты в тень, себя выставляя ничтожным,

¹ *Проперций*. III. 3. 1—24.

² Там же. III. 4.

Сам подбираешь края бурей надутых ветрил.
Верь мне, решеньем таким ты сравнишься с великим
Камиллом,
Имя твое у мужей будет звучать на устах;
С Цезарем вместе пойдешь единой дорогою славы:
Верность твоя, Меценат, — вот твой бессмертный трофей!

.....
Будь мне вождем, воспою Юпитера битвы: как небу
Кей с Флегрейских вершин, Эвримедонт угрожал,
Или как римлян быки паслись на холме Палатинском,
Стены могу описать — гибелью Рем их скрепил, —
Или царей-близнецов, вскормленных грудью волчицы:
От повелений твоих да возрастет мой талант.
Вслед колесницам пойду, с двух сторон триумфы несущим,
Стрелы лукавых парфян, в бегстве забытые, петь,
Лагерь Пелусия петь, разрушенный римским железом,
Тяжкий Антония рок — гибель от собственных рук.
Ты, покровитель благой, браздами направь мою юность
И при отъезде подай добрый напутственный знак.
Слава моя, Меценат, — только быть
под твоим руководством;
Сам ты повинен, что я лишь подражаю тебе¹.

Как можно видеть, Проперций здесь оправдывается, уже не только ссылаясь на отсутствие таланта и сил, но и мягко укоряя Мецената в том, что тот сам не пользуется своими талантами и преимуществами как политик, постоянно находится в тени и довольствуется малым.

Тем не менее взгляды и характер творчества Проперция стали постепенно меняться, эволюционировать, и развитие этой эволюции можно проследить на протяжении третьей и четвертой книг его элегий; он начинает мало-помалу обращаться к «официальным» сюжетам. Так, например, одиннадцатую элегию третьей книги поэт посвящает женщинам и их власти над мужчинами. При этом основное внима-

¹ Там же. III. 9. 1—8, 21—34, 47—60.

ние Проперций уделяет борьбе Рима против Клеопатры и восхвалению военных подвигов Августа¹. А восемнадцатую элегию этой же третьей книги он уже посвящает памяти скоропостижно скончавшегося в 23 году в Байях юного Марцелла, племянника, зятя и приемного сына Августа. Смерть юноши была большим ударом не только для принцепса, но и для всего римского общества, поскольку Марцелл был чрезвычайно одарен и привлекателен и в качестве наследника Августа пользовался большой популярностью среди римлян. Элегия в честь Марцелла носит явно официальный характер. И очень показательно, что последняя, заключительная элегия третьей книги посвящена разрыву отношений с Кинфией. Поэт отрекается от своей бывшей возлюбленной. Он заявляет, что пережил много страданий из-за нее за последние пять лет и более не в силах их переносить и предрекает Кинфии скорую потерю красоты и одинокую старость².

Четвертая и последняя книга элегий Проперция вышла в свет около 16 года. Эту книгу в основном составляют так называемые «римские элегии», излагающие древнейшие римские сказания и мифы. Наконец-то, как и хотел этого Меценат, Проперций отходит от чисто любовной поэзии, серьезно расширяет тематику и даже пытается создать новый жанр римской поэзии — этиологическую элегию. Поэт старается объяснить происхождение многих древних названий и рассматривает некоторые сюжеты из истории и мифологии Рима, что отвечало интересам и политике принцепса, стремившегося к возрождению древних доблестей и благочестия. В четвертой книге Проперций помещает еще од-

¹ *Проперций*. III. 11. 29—58.

² Там же. III. 25. 3—7, 11—16.

ну элегию в честь Августа, специально посвященную годовщине его победы при Акции и освящению храма Аполлона на Палатине¹. Одиннадцатая, заключительная элегия четвертой книги считается «царицей элегий» и представляет собой монолог рано умершей падчерицы Августа Корнелии, дочери Скрибонии, обращенный к ее мужу и детям. Здесь Проперций в полной мере раскрывает перед читателями всю силу супружеской и материнской преданности, так высоко ценимой принцепсом.

О любви к Кинфии Проперций уже почти не вспоминает; единственное исключение — три элегии четвертой книги, самая прекрасная из которых — седьмая. В 20 или 19 году Кинфия внезапно умерла, и поэт счел своим долгом посвятить ее кончине элегию, в которой описывает, как глубокой ночью к нему явился призрак бывшей возлюбленной. Кинфия стала укорять Проперция за то, что он забыл ее, не подготовил погребальный обряд, просит сжечь все стихи, посвященные ей, и под конец мрачно предрекает: «Ты отдавайся другим: я скоро тобой завладею, / Будешь со мной, твой костяк кости обнимут мои»². И действительно, эти жуткие слова оказались пророческими — в 15 году поэт преждевременно покинул сей мир.

На протяжении своей короткой жизни Проперций страстно говорил о любви и ненависти, радости и грусти, жизни и смерти. И после своей кончины он продолжал пользоваться большой популярностью в римском обществе. Об этом свидетельствуют как настенные надписи в Помпеях, содержащие отрывки из его элегий, так и то влияние, которое он оказал не только на юного Овидия³, но и на всех последующих римских поэтов.

¹ Там же. IV. 6.

² Там же. IV. 7. 93—94.

³ Овидий. Тристии. IV. 10. 45; 53—54.

Одним из старейших членов кружка Мецената являлся Луций Варий Руф (умер около 14 или 15 года). Происходил он из плебейской семьи и был близким другом Горация и Вергилия; именно ему и Марку Плотию Тукке Август приказал подготовить к посмертному изданию «Энеиду» Вергилия. Прославился же Варий как крупный эпический поэт своей эпохи¹. Широкую известность он получил после создания замечательной поэмы «О смерти», посвященной трагической гибели Юлия Цезаря. Отрывки этой поэмы сохранились у Макробия². Позднее Варий сочинил «Панегирик Августу», также получивший большую известность; две сохранившиеся строки из него можно найти у Горация³. При этом слава Вария ничуть не померкла даже после издания «Энеиды» Вергилия, и он продолжал почитаться как крупнейший эпический поэт⁴. Кроме того, Варий был известен как замечательный драматург, и его трагедия «Фиест» пользовалась особой популярностью⁵. Впервые представленная зрителям в 29 году на играх, устроенных Октавианом в честь победы при Акции, она имела столь оглушительный успех, что автор получил в награду миллион сестерциев. Также Варий написал историю жизни Вергилия, к сожалению, не дошедшую до нас.

С Вергилием и Горацием Вария связывали тесные узы дружбы. Ярким примером тому служит восторг, с которым описывает Гораций их встречу на пути в Брундизий:

¹ *Гораций*. Оды. I. 6. 2; Сатиры. I. 10. 43—44; *Вергилий*. Буколики. IX. 35; *Марциал*. VIII. 55(56). 21.

² *Макробий*. Сатурналии. VI. 1. 39—40; VI. 2. 19—20.

³ *Гораций*. Послания. I. 16. 27—29.

⁴ Там же. II. 1. 247.

⁵ *Тацит*. Диалог об ораторах. 12; *Квинтилиан*. X. 1. 6; *Марциал*. VIII. 18. 7.

Ибо тут съехались с нами Вергилий, и Плотий, и Варий,
Чистые души, которым подобных земля не носила
И к которым сильнее меня никто не привязан!
Что за объятия были у нас и что за восторги!
Нет! Пока я в уме, ничего не сравню я с другом!¹

В сатире, описывающей пир у Насидиена, Гораций упоминает Вария, веселящегося в обществе Мецената за столом хвастливого хозяина².

Домиций Марс, младший современник Вергилия и Горация, также вращался в кругу друзей Мецената³. Как и Гораций, он был учеником грамматика Орбилия. Прославился Домиций Марс как талантливый сочинитель эпиграмм на злобу дня⁴. Живший намного позже знаменитый римский эпиграмматист Марциал скромно именовал себя вторым Марсом⁵. Известно, что перу Марса принадлежали сборник эпиграмм «Цикута» и еще ряд не дошедших до нас произведений, в том числе эпическая поэма «Амазонида» и сборник элегий «Меланида»⁶.

Биография Гая Мецената Мелисса — вольноотпущенника Мецената и талантливого комедиографа, который тоже вращался в кружке Мецената, необычна и удивительна⁷. Родился Мелисс в Сполетии, в семье свободных людей, но вследствие семейной ссоры был подкинут в дом богатого человека, который сделал его рабом и одновременно дал блестящее образование. Затем Мелисса подарили Меценату, который сделал его своим ученым секре-

¹ Гораций. Сатиры. I. 5. 40—44.

² Там же. II. 8. 21, 63.

³ Марциал. VII. 29. 7—8.

⁴ Там же. II. 71; II. 77; V. 5. 6; VII. 99. 7.

⁵ Там же. VIII. 55(56). 24.

⁶ Там же. IV. 29. 8; VII. 29. 8.

⁷ См. подробнее: Светоний. О грамматиках. 21.

тарем. Мать Мелисса нашла его и засвидетельствовала, что он свободнорожденный. Однако Мелисс не пожелал покинуть Мецената, который относился к нему как к другу, и предпочел остаться рабом у столь благородного и доброго человека. В награду хозяин отпустил его на волю, и Мелисс, таким образом, стал клиентом Мецената. Некоторое время спустя, будучи уже известным писателем, он завоевал доверие Августа и получил место заведующего публичной библиотекой, помещавшейся в портике Октавии. Мелисс считался общепризнанным создателем национальной комедии «трабеаты» (забавных сценок из всаднической жизни)¹ и до самой старости пользовался всеобщим уважением. В 4 году до н. э. он был еще жив, пережив, таким образом, своего патрона на несколько лет. Создал он также несколько произведений естественно-научного характера и книгу «Шутки», которые, как и его комедии, не дошли до нас.

Известно также, что в литературный кружок Мецената в разное время входили поэты Марк Плотий Тукка, Гай Вальгий Руф, Квинтилий Вар, Аристий Фуск, комедиограф Фунданий и ритор-грек Гелиодор². К сожалению, произведения этих поэтов не сохранились, и поэтому невозможно судить о достоинствах или недостатках их творчества.

¹ *Овидий*. Письма с Понта. IV. 16. 30.

² О Тукке см.: *Гораций*. Сатиры. I. 5. 40; I. 10. 81. О Руфе см.: Там же. Оды. II. 9; Сатиры. I. 10. 82. О Варе см.: Там же. Оды. I. 24. О Фуске см.: Там же. Оды. I. 22; Сатиры. I. 9. 61, 67; I. 10. 83; Послания. I. 10. 1. О Фундании см.: Там же. Сатиры. I. 10. 40—41; II. 8. О Гелиодоре см.: Там же. Сатиры. I. 5. 2.

Глава пятая

«О МЕЦЕНАТ, МОЙ ОПЛОТ И ГОРДОСТЬ!»

Знаменитый поэт Квинт Гораций Флакк тоже входил в литературный кружок Мецената. Однако помимо поэзии его связывали с Меценатом на протяжении многих лет теснейшие узы дружбы. Пожалуй, даже можно сказать, что Гораций был единственным, ближайшим другом Мецената. Именно благодаря стихотворениям этого замечательного поэта мы имеем возможность взглянуть на Мецената не только как на политика, но и как на человека, со своими слабостями и недостатками.

Квинт Гораций Флакк родился в шестой день до декабрьских ид, в консульство Луция Аврелия Котты и Луция Манлия Торквата, то есть 8 декабря 65 года, в городке Везузия (современная Веноза) — небольшой римской колонии, возникшей в 294 году на границе Лукании и Апулии¹. Отец его, как пишет сам Гораций, был вольноотпущенником². Ему удалось скопить немного денег и приобрести небольшое имение³. О матери Горация не сохрани-

¹ Светоний. Гораций. 1, 8.

² Гораций. Сатиры. I. 6. 6, 45—46; Послания. I. 20. 20; Светоний. Гораций. 1.

³ Гораций. Сатиры. I. 6. 71.

лось никаких сведений. Вероятно, он потерял ее в очень раннем возрасте; может быть, она умерла при родах.

Когда Горацию исполнилось 11—12 лет, отец отдал его в знаменитую грамматическую школу Орбилия в Риме, где учились дети сенаторов и всадников:

Беден он был и владел не большим и не прибыльным полем,
К Флавию в школу, однако, меня не хотел посылать он,
В школу, куда сыновья благородные центурионов,
К левой подвесив руке пеналы и счетные доски,
Шли, и в платежные дни восемь медяками звенели.
Нет, решил он мальчика в Рим отвезти, чтобы там он
Тем же учился наукам, которым сенатор и всадник
Каждый своих обучают детей. Среде толпы заприметив
Платье мое и рабов провожатых, иной бы подумал,
Что расход на меня мне в наследство оставили предки.
Сам мой отец всегда был при мне
неподкупнейшим стражем;
Сам, при учителе, тут же сидел¹.

О школе Орбилия у Горация сохранились не очень хорошие воспоминания, в одном из своих стихотворений он даже называет Орбилия «драчливым»². Юный поэт изучал здесь грамматику, философию, читал произведения греческих и латинских авторов, в том числе латинский перевод «Одиссеи», сделанный Ливием Андроником.

В столице отец Горация, чтобы оплатить дальнейшую учебу и обеспечить сыну блестящее будущее, нанялся на должность «коактора» — сборщика налогов на аукционах³. В то время многие юные отпрыски знатнейших семей заканчивали свое обучение в Афи-

¹ Гораций. Сатиры. I. 6. 71—82.

² Там же. Послания. II. 1. 70; Светоний. О грамматиках. 9.

³ Светоний. Гораций. 1.

нах, и отец Горация нашел средства, чтобы в 46/45 году отправить сына в Платоновскую академию, где тот постигал бы греческую философию и литературу. Обучаясь в Афинах, Гораций познакомился с Марком Брутом, который осенью 44 года прибыл туда с целью вербовки аристократической молодежи, сочувствующей республиканцам. Испытывая недостаток в профессиональных военных, Брут решил назначить молодого Горация, не имевшего никакой соответствующей подготовки, военным трибуном, что, вероятно, очень воодушевило сына бывшего раба, и тот с готовностью принял предложение¹.

Приняв командование над легионом, Гораций последовал с Брутом сначала в Македонию, затем в Малую Азию, где побывал в различных городах и на островах Лесбос, Самос и Хиос, что впоследствии нашло отражение в его творчестве². Из Малой Азии войска республиканцев вернулись в Грецию, чтобы здесь дать решающее сражение триумвирам. В битве при Филиппах 23 октября 42 года войска Брута были разбиты, а командующий легионом Гораций позорно бежал с поля боя. Вот как он сам описывал это:

...в день замешательства,
Когда я бросил щит под Филиппами,
И, в прах зарыв покорно лица,
Войско сложило свое оружие.
Меня Меркурий с поля сражения
В тумане вынес вон незамеченным...³

После поражения республиканцев Гораций тайно возвратился в Италию. Его отец к тому времени был уже в могиле, а имение конфисковано

¹ Там же; *Гораций*. Сатиры. I. 6. 48.

² *Гораций*. Послания. I. 11. 1—4.

³ Там же. Оды. II. 7. 9—14.

в пользу ветеранов Октавиана, так что Гораций остался фактически без средств к существованию. После амнистии сторонников Брута в 40 году он отправился в Рим и на последние деньги купил должность в коллегии квесторских писцов¹. Квесторские писцы занимались чисто канцелярской работой: переписывали законодательные акты, вели протоколы, составляли различные финансовые документы. Хотя они и пользовались заслуженным уважением, эта должность была Горацию в тягость, и он мирился с ней лишь по воле жизненных обстоятельств, находя утешение в поэзии. Так пишет он об этом времени:

...оторвали от мест меня милых години лихие:
К брани хотя и негодный, гражданской войною и смутой
Был вовлечен я в борьбу непосильную с Августа дланью.
Вскоре от службы военной свободу мне дали Филиппы:
Крылья подрезаны, дух приуныл; ни отцовского дома
Нет, ни земли, — вот тогда, побуждаемый бедностью дерзкой,
Начал стихи я писать¹.

Действительно, именно к этому времени относятся первые стихотворные опыты Горация. В 40—35 годах он создает свои «Эподы» и знаменитые «Сатиры». Время тогда было очень беспокойное. Берега Италии опустошал флот Секста Помпея, на Востоке Марк Антоний в союзе с египетской царицей Клеопатрой копил силы для захвата Италии. И хотя Риму пока ничего не угрожало, действительность Гораций воспринимал, очевидно, в безрадостном свете.

Все же поэзия позволяла Горацию разнообразить свой досуг. И кроме того, он получил возможность

¹ *Гораций*. Послания. II. 2. 46—52.

познакомиться с известнейшими поэтами того времени — Публием Вергилием Мароном и Луцием Варием Руфом, которые быстро стали его лучшими друзьями. Через них Гораций сблизился с Азинием Поллионом и Мессалой Корвином, которые, как и Меценат, оказывали свое покровительство многим поэтам и драматургам.

Знакомство Мецената и Горация произошло в 39—38 годах. Инициаторами этого знакомства стали Вергилий и Варий, уже входившие в круг друзей Мецената и обеспокоенные бедственным положением Горация. Сам Гораций по обычаям того времени, безусловно, не мог проявить инициативу. Вот как он описывает первую встречу с Меценатом:

Я не скажу, чтоб случайному счастью был я обязан
Тем, что мне выпала честь себя называть твоим другом.
Нет! Не случайность меня указала тебе, а Вергилий,
Муж превосходный, и Варий тебе обо мне рассказали.
В первый раз, как вошел я к тебе, я сказал два-три слова:
Робость безмолвная мне говорить пред тобою мешала.
Я не пустился в рассказ о себе, что высокого рода,
Что объезжаю свои поля на коне сатурейском;
Просто сказал я, кто я. Ты ответил мне тоже два слова,
Я и ушел. Ты меня через девять уж месяцев вспомнил;
Снова призвал и дружбой своей удостоил. Горжуся
Дружбою мужа, который достойных людей отличает
И не на знатность глядит, а на жизнь и на чистое сердце¹.

Как мы видим, Меценат не сразу принял решение, а раздумывал целых девять месяцев. Почему же так долго? Вполне вероятно, его смутило «республиканское» прошлое Горация, и он тщательно наводил справки о молодом поэте. Только девять месяцев спустя могущественный соратник Октавиана принял решение, и Гораций получил приглашение

¹ Там же. Сатиры. I. 6. 52—64.

присоединиться к числу его «друзей», а по сути, его клиентов¹.

Будучи клиентом Мецената, Гораций теперь был обязан каждое утро являться в дом своего патрона и приветствовать его. Кроме того, поэт должен был всегда и везде сопровождать Мецената, даже в дальних поездках, если в этом была необходимость. В свою очередь, Меценат как патрон Горация опекал и защищал своего клиента, помогал деньгами и время от времени приглашал к своему столу.

В сентябре 38 года именно в качестве клиента Гораций сопровождал Мецената в Брундизий, откуда тот должен был отплыть в Афины для переговоров с Марком Антонием². Мецената в этой поездке также сопровождали поэты Вергилий, Варий, Плотий Тукка и ритор Гелиодор. Все они составляли «свиту» Мецената. Кроме того, вместе с Меценатом ехали представители Марка Антония — юрист Кокцей Нерва (прадед императора Нервы) и Фонтей Капитон (легат Антония в Азии).

Гораций был очарован поездкой и позднее сочинил по этому поводу своеобразную сатиру-отчет³, в которой подробно описал путешествие, многочисленные остановки по пути и забавные происшествия. Всё путешествие заняло почти две недели. Вместе с греческим ритором Гелиодором Гораций выехал из Рима и остановился в Ариции в бедной гостинице. Затем путешественники прибыли в Аппиев Форум, где поэта постигло расстройство желудка, вызванное несвежей водой, а ночью донимали комары и лягушки. Затем путешественники

¹ Гораций. Оды. II. 20. 5—6.

² Ферреро Г. Величие и падение Рима. СПб., 1998. Т. 2. С. 198—199.

³ Гораций. Сатиры. I. 5.

проплыли на лодке по каналу и добрались до Анксура, где соединились с Меценатом и сопровождавшими его Кокцеем Нервой и Фонтеем Капитоном. Все вместе они отправились в Фунды, оттуда в Формии, где отдохнули в доме Лициния Мурены. Отсюда спутники двинулись в Синуэссу, где к ним присоединились Вергилий, Плотий и Варий. После Синуэссы Меценат со спутниками останавливался в поместье близ Кампанийского моста; в Капуе, где играл в мяч; в поместье Кокцея близ Кавдия, где его развлекали шуты; в Беневенте, где из-за рвения хозяина загорелась кухня; в поместье близ Тривика, где много хлопот принес едкий дым от сырых дров; в Аскуле, где «за воду с нас деньги берут, но хлеб превосходен»; в Канузии, где его свиту покинул Варий; в Рубах, где путников настиг сильный ливень; в Барии; в Гнatii, где Меценат наблюдал чудесное знамение в храме и откуда, наконец, прибыл в Брундизий.

Первый свой большой труд — первую книгу «Сатир», изданную около 35 года, — Гораций посвятил своему патрону. При этом Гораций очень гордился тем, что Меценат, будучи человеком весьма знатного происхождения, не гнушался общаться с сыном вольноотпущенника, поскольку ценил людей не за родовитость, а за талант:

Нет! Ты орлиный свой нос задирать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что тебе все равно, от кого кто родился,
Лишь бы родился свободным...¹

Надо сказать, что отношения «клиент — патрон» между Горацием и Меценатом довольно быстро пе-

¹ Там же. I. 6. 5—8.

перосли в крепкую дружбу. Это даже вызывало зависть у отдельных людей. Если раньше знатные нобили предпочитали просто не замечать бедного поэта, сына вольноотпущенника, то теперь, когда Гораций стал близок к могущественному Меценату, они сами стали искать его дружбы, стараясь выведать, что происходит в окружении Октавиана. Сам Гораций не раз жаловался на это в своих сочинениях:

Тут кто-нибудь подойдет: «Постарайся, чтоб к этой бумаге Твой Меценат печать приложил». Говорю: «Постараюсь!»
Слышу в ответ: «Тебе не откажет! Захочешь — так сможешь!»
Да! Скоро будет осьмой уже год, как я к Меценату
Стал приближен, как я стал в его доме своим человеком.
Близость же эта вся в том, что однажды с собою в коляске
Брал он в дорогу меня, а доверенность — в самых безделках!
Спросит: «Который час дня?», иль: «Какой гладиатор
искусней?»

Или заметит, что холодно утро и надо беречься;
Или другое, что можно доверить и всякому уху!
Но невзирая на это, завистников больше и больше
С часу на час у меня. Покажусь с Меценатом в театре
Или на Марсовом поле, — все в голос: «Любимец Фортуны!»
Чуть разнесутся в народе какие тревожные слухи,
Всякий, кого я ни встречу, ко мне приступает с вопросом...¹

Более того, часто к Горацию на улице приставали незнакомые люди, которые пытались втереться к нему в доверие и таким образом попасть в окружение Мецената. Так, например, однажды к нему подошел совершенно незнакомый человек и стал допытываться у поэта:

«...А как поживает
И хорош ли к тебе Меценат? Он ведь друг не со всяким!
Он здравомыслящ, умен и с Фортуною ладить умеет.

¹ *Гораций*. Сатиры. II. 6. 37—51.

Вот кабы ты представил ему одного человека —
Славный бы в доме его у тебя появился помощник!
Разом оттер бы ты всех остальных!» — «Кому это нужно?
Вовсе не так мы живем, как, наверное, ты полагаешь:
Дом Мецената таков, что никто там другим не помехой.
Будь кто богаче меня иль учение — каждому место!» —
«Чудно и трудно поверить!» — «Однако же так!» — «Тем сильнее
Ты охоту во мне возбудил к Меценату быть ближе!»¹

Некоторые же, напротив, завидуя близости Горация к Меценату, всячески пытались уколоть поэта, напоминая ему о его низком происхождении:

...Сын раба, получившего волю,
Всем я противен как сын раба, получившего волю:
Нынче — за то, что тебе, Меценат, я приятен и близок;
Прежде — за то, что трибуном я был во главе легиона.
В этом есть разница! Можно завидовать праву начальства,
Но недоступна для зависти дружба твоя, потому что
Только достойных берешь ты в друзья, чуждаясь искательств².

Еще в 33 году Меценат подарил бедствующему Горацию небольшую загородную виллу в Сабинских горах, которая позволила поэту безбедно существовать до конца жизни³. Здесь он укрывался от суеты и шума столицы, а также предавался литературным занятиям. Вилла находилась вблизи небольшого поселения Вария (современная Виковаро), в 40 километрах от Рима. Итальянские археологи провели здесь раскопки и обнаружили руины дома с остатками мозаичного пола и фрагментами фресок. Вилла была достаточно большой и располагалась у подножия холма. Господский дом окружал плодовый

¹ Там же. I. 9. 43—53.

² Там же. I. 6. 45—51.

³ Подробнее о вилле Горация см.: *Благовещенский Н. М. Гораций и его время.* СПб., 1864. С. 163—189.

сад, в котором имелся бассейн. К вилле также прилегли хозяйственные постройки, небольшое поле, виноградник, лес и ручей. В этой усадьбе, как сообщает нам сам Гораций¹, вели хозяйство восемь рабов и пять арендаторов-колонов с семьями. По тем меркам это была довольно скромная вилла, однако Гораций был бесконечно благодарен Мecenату за бесценный для него подарок. Это был предел его мечтаний, как он сам писал:

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтобы эти дары мне оставил Меркурий².

Впоследствии у Горация появился небольшой дом недалеко от Рима, в Тибуре (современный Тиволи)³, в котором он любил останавливаться на пути из столицы в свою сабинскую усадьбу⁴. Был, очевидно, у Горация и небольшой дом в Риме или квартира в инсуле, о чем он сам пишет в одной из своих сатир:

...Куда пожелаю,
Я отправляюсь один, справляюсь о ценности хлеба,
Да о цене овощей, плутовским пробираюсь я цирком;
Под вечер часто на форум — гадателей слушать; отсюда
Я домой к пирогу, к овощам. Нероскошный мой ужин
Трое рабов подают. На мраморе белом два кубка
С ковшиком винным стоят, простая солонка, и чаша,
И узкогорлый кувшин — простой, кампанийской работы.
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра

¹ Гораций. Послания. I. 14. 2—3; Сатиры. II. 7. 120.

² Там же. Сатиры. II. 6. 1—5. См. также: Гораций. Послания. I. 16. 5—16.

³ Светоний. Гораций. 7.

⁴ Гораций. Оды. I. 7. 12—14; II. 6. 5—8; III. 4. 23; IV. 2. 31—32; IV. 3. 9—10; Послания. I. 7. 44—45; I. 8. 12.

Рано вставать и — на площадь, где Марсий кривляется бедный
В знак, что он младшего Новия даже и видеть не может.
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Или пишу втихомолку я то, что меня занимает;
После я маслом натрусь — не таким, как запачканный Натта,
Краденным им из ночных фонарей. Уставши от зноя,
Брошу я мяч и с Марсова поля отправлюся в баню.
Ем, но не жадно, чтоб легким весь день сохранить мой желудок.
Дома потом отдохну¹.

Гораций, вероятно, достаточно часто виделся со своим покровителем и пировал в его роскошном дворце на Эсквилинском холме. В связи с этим поэт даже позволял себе поиронизировать над самим собой:

... Куда ты несешься? Чего тебе надо?
Или затем лишь толкаешься ты как шальной с кем попало,
Чтобы скорее опять прибежать к твоему Меценату?²

Или:

Если же на вечер звать придет Меценат: «Наливайте Масло скорее в фонарь! Эй! Слышит ли кто?» Как безумный Ты закричишь, зашумишь, беготню во всем доме поднимешь³.

И еще:

Когда ж, счастливец Меценат, отведаем,
Победам рады Цезаря,
Вина Цекуба, что хранилось к празднику
(Угодно так Юпитеру)
В твоём высоком доме, и споем под звук
Дорийской лиры с флейтами?⁴

¹ Там же. Сатиры. I. 6. 111—128.

² Там же. II. 6. 29—31.

³ Там же. II. 7. 33—35.

⁴ Там же. Эподы. 9. 1—6.

В свою очередь, и Меценат, вероятно, иногда посещал сабинскую виллу Горация, где в его обществе отдыхал душой от политических проблем. Несколько од Горация, адресованных Меценату, являются своеобразными приглашениями на скромную дружескую трапезу:

Царей тирренских отпрыск! Тебе давно
Храню, не тронув, с легким вином кувшин
И роз цветы; и из орехов
Масло тебе, Меценат, на кудри
Уже отжато. Брось промедление!
Не век же Тибур будешь ты зреть сырой...¹

Или:

Будешь у меня ты вино простое
Пить из скромных чаш. Но его недаром
Я своей рукой засмолил в кувшине...
...Цекубским вином наслаждайся дома
И каленских лоз дорогою влагой, —
У меня же, друг, ни Фалерн, ни Формий
Чаш не наполнят².

Сам Меценат с нежностью относился к Горацию и так писал о их дружбе в шуточной эпиграмме:

Если пуще я собственного брюха
Не люблю тебя, друг Гораций, — пусть я
Окажусь худошавее, чем Нинний³.

На протяжении всей жизни многие свои работы Гораций посвящал Меценату, с благодарностью вспоминая его подарок. Причем делал он это со-

¹ Гораций. Оды. III. 29. 1—6.

² Там же. I. 20. 1—3, 9—12.

³ Светоний. Гораций. 2.

вершенно искренне, отнюдь не ради лести. Надо сказать, что привязанность Горация к Меценату никогда не доходила до низкопоклонничества и пресмыкательства. Так, например, в самой первой своей сатире Гораций, возможно, даже осуждает пристрастие Мецената к деньгам и накопительству и настоятельно советует, чтобы тот соблюдал меру во всем¹. Кроме того, Гораций никогда не восхвалял стихотворений Мецената, которые тот писал. В одной из од он даже прямо советует Меценату писать прозой, а не стихами:

В мягких лирных ладах ты не поведашь
Долголетней войны с дикой Нуманцией,
Ганнибалову ярь, море Сицилии,
От крови пунов алое;
Злых лапифов толпу, Гиля буйного
И Земли сыновей, дланью Геракловой
Укрошенных, — от них светлый Сатурна дом,
Трепещ, ждал погибели.
Лучше ты, Меценат, речью обычною
Сказ о войнах веди Цезаря Августа
И о том, как, склонив выю, по городу
Шли цари, раньше грозные².

Более того, Гораций никогда не ставил себя в зависимое положение от Мецената и, напротив, всячески подчеркивал свою независимость, что иногда приводило даже к небольшим размолвкам между друзьями. Впрочем, Меценат, в силу своего характера, не мог долго обижаться. Так, например, однажды он настойчиво потребовал, чтобы Гораций покинул сабинское поместье и срочно прибыл в Рим, на что поэт ответил отказом:

¹ *Гораций*. Сатиры. I. 1. 38—93, 101—107. Меценат был щедрым человеком, но деньги всё же очень любил: *Сенека*. О благодеяниях. IV. 36.

² *Гораций*. Оды. II. 12. 1—12.

Несколько дней лишь тебе обещал провести я в деревне.
Но обманул и заставил тебя прождать целый август.
Все ж, если хочешь, чтоб жил невредим я и в полном здоровье,
То — как больному давал — так, когда заболеть опасуюсь,
Дай, Меценат, мне еще отсрочку, пока посылают
Зной и незрелые фиги могильщику ликторов черных,
В страхе пока за ребят бледнеют отцы и мамыши,
Рвенье пока в служебных делах и в судебных делишках
Много болезней влекут, заставляют вскрывать завещанья...
После ж, как снегом зима опушит Альбанские горы,
К морю сойдет твой певец, укроется там, и, поджавши
Ноги, он будет читать; а тебя, милый друг, навестит он,
Если позволишь, весной с зефирами, с ласточкой первой¹.

И как бы предупреждая возражения Мецената, поэт заявляет далее, что для него свобода и независимость являются высшей ценностью. Он даже готов отказаться от подаренного Меценатом имения, если почувствует, что его друг в чем-то стесняет его свободу и право распоряжаться своим досугом:

Жирною птицею сыт, я сна бедняков не прославлю,
Но и свободный досуг не сменю на богатства арабов.
Скромность мою хвалил ты не раз: и царем и отцом ведь
Звал я тебя как в глаза, так нисколько не ниже заочно.
Так неужель не верну тебе с радостным сердцем подарки?²

Меценат был заинтересован в дружбе Горация не меньше, чем сам Гораций в его дружбе. Предоставляя поэту полную свободу в литературном творчестве, он тем не менее периодически давал ему ненавязчивые советы и указания относительно тем произведений, но делал это очень мягко. Меценат хорошо понимал, насколько талантлив Гораций, и постоянно побуждал его заниматься поэзией. Но не всегда это удавалось:

¹ Гораций. Послания. I. 7. 1—13.

² Там же. I. 7. 35—39.

Вялость бездействия мне почему столь глубоким забвеньем
Все чувства переполнила,
Словно из Леты воды снотворной я несколько кубков
Втянул иссохшей глоткою?
Часто вопросом таким ты меня, Меценат, убиваешь.
То бог, то бог мешает мне
Ямбы начатые — песнь, что давно уж тебе обещал я, —
Отделать вгладь и начисто¹.

Тем не менее в 31—30 годах Гораций представил публике свои «Эподы» — сборник из семнадцати стихотворений, написанных ямбами, а в 30 году — вторую книгу «Сатир».

Работать над эподами Гораций начал еще в начале 30-х годов и в этих стихотворениях затронул особенно волновавшие его темы. Например, он едко высмеивает современные ему нравы и своих чудачковатых современников. Первый эпод, открывающий книгу, был, естественно, посвящен Меценату в качестве выражения особой признательности. Поэт горячо напутствовал своего друга, отправлявшегося в 31 году на битву при Акции². Третий эпод также посвящен Меценату, но носит явно шуточный характер. Однажды Меценат в шутку угостил Горация блюдом с ядреным чесноком, в ответ поэт сочинил забавное стихотворение. Седьмой и шестнадцатый эподы повествуют об ужасах гражданских войн. Гораций с тревогой обращается к соотечественникам и призывает их опомниться, сравнивая гражданскую войну с безумием. Девятый эпод снова посвящен Меценату и описывает победу Октавиана при Акции. Поэт славит победы молодого Цезаря и призывает Мецената устроить грандиозный пир по этому случаю³. Четырнадцатый эпод тоже посвя-

¹ Там же. Эподы. 14. 1—8.

² Там же. 1. 1—4.

³ Там же. 9. 1—6, 11—32.

щен Мecenату, перед которым поэт оправдывается в стихотворной форме за свое бездействие.

В 23 году Гораций издает первый сборник лирических стихотворений, написанных в 30—23 годах и получивших большое признание в римском обществе. Сборник состоит из трех книг, включающих 88 стихотворений, и по праву считается вершиной творчества поэта. Свои лирические стихотворения сам Гораций называл «песнями» (*carmina*), лишь позднее за ними закрепилось название «оды» (от греческого «песня»). Первая книга од, естественно, посвящена Мecenату и начинается со стихотворения в его честь:

Славный внук, Мecenат, праотцев царственных,
О отрада моя, честь и прибежище!..¹

Вторую оду первой книги Гораций посвятил уже Октавиану, представив его в образе бога Меркурия, несущего спасение Риму, и тем самым обожествив его². Об этом же говорится в двенадцатой оде первой книги, написанной в 29 году, еще до фактического обожествления Октавиана. Здесь принцепс выступает в качестве наместника Юпитера на земле³. Особенно интересна четырнадцатая ода первой книги, в которой описывается терпящий бурю корабль, лишившийся весел и парусов. В образе корабля Гораций изображает Республику, которую терзает бурное море; необходимо найти для корабля тихую гавань и бросить там якорь, иначе будет поздно. Тридцать седьмая ода первой книги вновь возвращает читателя к победе Октавиана над Ан-

¹ Гораций. Оды. I. 1. 1—2.

² Там же. I. 2. 41—52.

³ Там же. I. 12. 45—57.

тением и египетской царицей Клеопатрой, победе Запада над Востоком. Гораций с восторгом славит Октавиана и призывает торжественно отпраздновать гибель египтянки¹. В третьей книге од Октавиану фактически посвящены первые шесть произведений, которые иногда именуются «Римскими одами». Гораций в этих одах пышно прославляет не только принцепса, но и величие Римского государства в целом. Говорит он и о духовном, религиозном и нравственном возрождении Рима, что стало возможным только благодаря деяниям Октавиана. Гораций, как и большинство его современников, совершенно искренне восхищался Октавианом, прекратившим кровопролитные гражданские войны и принесшим мир на истерзанную землю Италии. Не забывает Гораций и Мecenата, которому посвящены двенадцатая, семнадцатая и двадцатая оды второй книги, а также восьмая, шестнадцатая и двадцать девятая оды третьей книги.

В 20 году выходит первая книга «Посланий», включающая 20 стихотворений, адресованных различным людям — друзьям, поэтам, государственным деятелям. Поэт делится с ними своими мыслями, философскими воззрениями и взглядами на различные стороны жизни. Первое, седьмое и девятнадцатое послания адресованы Мecenату. Причем в первом же послании Гораций, обращаясь к своему патрону, заявляет, что собирается бросить поэзию:

Имя твое, Мecenат, в моих первых стихах, — пусть оно же
Будет в последних! Свое отыграл я, мечом деревянным
Я награжден, ты же вновь меня гонишь на ту же арену.
Годы не те, и не те уже мысли!²

¹ Там же. I. 37. 1—20.

² Там же. Послания. I. 1. 1—4.

Восемнадцатое послание «К Лоллию» любопытно тем, что содержит советы человеку, желающему стать компаньоном при богаче. Многие ученые усматривали в этом послании скрытый намек на Мецената.

На этом Гораций хотел завершить свою карьеру поэта, но воля Августа не позволила осуществиться этой мечте. Именно Меценат, очевидно, познакомил Горация с принцепсом, и большинство стихотворений поэта, прославляющих Августа, было создано по личной просьбе Мецената.

Гораций так понравился Августу, что уже в 25 году тот решил сделать его своим личным секретарем, о чем и написал в письме Меценату: «До сих пор я сам мог писать своим друзьям; но так как теперь я очень занят, а здоровье мое некрепко, то я хочу отнять у тебя нашего Горация. Поэтому пусть он перейдет от стола твоих паразитов к нашему царскому столу, и пусть поможет нам в сочинении писем»¹. Однако поэт тактично отверг это предложение, сославшись на слабое здоровье, а в действительности, вероятно, боясь окончательно потерять свою независимость. Август воспринял отказ с пониманием и не обиделся, написав поэту: «Располагай в моем доме всеми правами, как если бы это был твой дом: это будет не случайно, а только справедливо, потому что я хотел, чтобы между нами были именно такие отношения, если бы это допустило твое здоровье». И в другом месте: «Как я о тебе помню, можешь услышать и от нашего Септимия, ибо мне случилось при нем высказывать мое о тебе мнение. И хотя ты, гордец, относишься к нашей дружбе с презрением, мы со своей стороны не оплатим те-

¹ Светоний. Гораций. 3.

бе надменностью». Кроме того, принцепс частенько «называл Горация чистоплотнейшим распутником и милейшим человечком и не раз осыпал его своими щедротами»¹.

Августу очень нравились сочинения Горация. Несколькими годами спустя он потребовал от поэта од в честь военных побед своих пасынков Друза и Тиберия над винделиками и ретами, а потом и посланий самому себе. У Светония сохранился следующий отрывок письма Августа Горацию: «Знай, что я на тебя сердит за то, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость, сочтут ее позором для тебя?»² Тем самым Август допускал поэта в круг своих клиентов, что было очень почетно. Гораций, безусловно, не мог отказаться.

Итак, поэт был вынужден вновь обратиться к творчеству. Поздние его произведения — вторая книга посланий и четвертая книга од — посвящены Августу. Нельзя сказать, что они являются вершиной его поэзии, поскольку чересчур помпезны. Кроме того, по приказу Августа Гораций написал столетний гимн богам для так называемых «Юбилейных игр» — пышного празднества, справлявшегося раз в 100 лет и намеченного на 17 год³. Этот праздник был посвящен главным римским богам и был призван обеспечить процветание Римского государства. Вергилий, считавшийся уже при жизни величайшим римским поэтом, в 19 году умер, и Гораций, по мнению принцепса, был единственным человеком, который мог бы справиться со столь сложным и ответственным делом. И действитель-

¹ Там же. 4.

² Там же. 5.

³ Там же. 5.

но, Гораций с блеском выполнил данное ему поручение.

Август желал, чтобы этот праздник запомнился римлянам надолго, поэтому приказал глашатаям призывать народ на игры, «каких никто не видел и никогда больше не увидит»¹. Были проведены специальные приготовления, и, наконец, в ночь с 31 мая на 1 июня 17 года Юбилейные игры были открыты и продолжались затем три ночи и три дня. По ночам приносились пышные публичные жертвы мойрам, подземным божествам и Матери-земле, причем в жертвоприношениях участвовали сам Август и члены его семьи. Каждый из трех дней был посвящен одному из главных божеств — Юпитеру, Юноне и Аполлону, которым также приносились пышные жертвы и возносились проникновенные молитвы. Кроме того, для народа на Марсовом поле устраивались разнообразные театральные представления — мимы, комедии, трагедии, которые следовали одно за другим без перерыва на протяжении двух дней. На третий день 27 девушек и 27 юношей из самых знатных римских семей, чьи родители были живы, исполнили торжественный гимн, сочиненный Горацием. После окончания официальных церемоний и перерыва на один день последовали различные игры, театральные представления, травли зверей и бега колесниц, длившиеся семь дней².

Между 19 и 14 годами появляется вторая книга «Посланий» Горация. Она состоит всего из трех стихотворений, адресованных, соответственно, Августу, поэту Юлию Флору и Пизонам (отцу и двум

¹ Гиро П. Указ. соч. С. 353.

² Там же. С. 353—355.

его сыновьям). Достаточно большое послание «К Августу» (14 год) написано в ответ на претензии принцепса, что в первой книге посланий Гораций ни разу не обратился к нему¹. Начинается оно так:

Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
Рима державу оружием хранишь, добронравием красишь,
Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
Вред, если б время твое я занял беседою долгой².

Получив, наконец, стихотворное послание, удовлетворенный Август ответил поэту шутивным письмом: «Принес мне Онисий твою книжечку, которая словно сама извиняется, что так мала; но я ее принимаю с удовольствием. Кажется мне, что ты боишься, как бы твои книжки не оказались больше тебя самого. Но если рост у тебя и малый, то полнота немалая. Так что ты бы мог писать и по целому секстарию, чтобы книжечка твоя была кругленькая, как и твое брюшко»³. Не меньшее значение имеет и последнее послание, обращенное к Пизонам, которое впоследствии получило название «Искусство поэзии». Здесь Гораций подробно излагает свои взгляды на поэтическое искусство и выступает как подлинный теоретик римского классицизма.

Четвертая книга од, изданная Горацием в 13 году, включает в себя 15 стихотворений. Из них четвертая, пятая, четырнадцатая и пятнадцатая оды посвящены Августу и его семейству. Особо выделяются четвертая и четырнадцатая оды в честь военных побед Тиберия и Друза над ретами и винделиками. Это были последние стихотворения Горация.

¹ *Светоний*. Гораций. 5.

² *Гораций*. Послания. II. 1. 1—4.

³ *Светоний*. Гораций. 6.

За оставшиеся пять лет своей жизни поэт не написал ничего.

Всю свою жизнь Гораций оставался холостяком¹ и вел уединенный образ жизни в своей сабинской усадьбе или тибуртинском доме, но при этом постоянно увлекался различными женщинами. Как сообщает историк Светоний, «в делах любовных, судя по рассказам, был он неумерен, и говорят, что со своими любовницами он располагался в спальне, разубранной зеркалами, с таким расчетом, чтобы везде, куда ни взглянуть, отражалось бы их соитие»². О внешности Горация Светоний упоминает вскользь: «невысок и тучен»³. Известно также, что в молодости поэт имел роскошные черные кудри⁴. В стихотворном послании 20 года сам Гораций так описал свою внешность и характер:

Малого роста, седой преждевременно, падкий до солнца,
Гневаться скорый, однако легко умиряться способный.
Если ж о возрасте кто-нибудь спросит тебя, то пусть знает:
Прожито мной декабррей уже полностью сорок четыре
В год, когда Лоллий себе в товарищи Лепида выбрал⁵.

Дружба Мецената и Горация продолжалась до самой их смерти. Последние годы поэт провел в холодном одиночестве и борьбе с многочисленными недугами. Меценат, который умер от неизлечимой болезни⁶ в сентябре 8 года в Риме, перед смертью завещал Августу: «О Горации Флакке помни, как обо

¹ Гораций. Оды. III. 8. 2.

² Светоний. Гораций. 6—7.

³ Там же. 6. См. также: Гораций. Сатиры. II. 3. 309.

⁴ Гораций. Послания. I. 7. 26; I. 14. 32.

⁵ Там же. I. 20. 24—28.

⁶ Плиний Старший. Естественная история. VII. 51. 172.

мне»¹. Сам Гораций, мучимый тяжелой болезнью, скончался в пятый день до декабрьских календ, в консульство Гая Марция Цензорина и Гая Азиния Галла, то есть 27 ноября того же года, на пятьдесят седьмом году жизни и был похоронен на Эсквилине, около гробницы Мецената².

Великий поэт, как он и предсказывал, совсем ненадолго пережил своего лучшего друга и покровителя:

Зачем томишь мне сердце тоской своей?
Так решено богами и мной самим:
Из нас двоих умру я первым,
О Меценат, мой оплот и гордость!
А если смерть из двух половин души
Твою похитит раньше, — зачем тогда
Моей, калеке одинокой,
Медлить на свете? Тот день обоим
Принес бы гибель. Клятву неложную
Тебе даю я: выступим, выступим
С тобою вместе в путь последний,
Вместе, когда б ты его ни начал!
Ничто не в силах нас разлучить с тобой...³

¹ *Светоний*. Гораций. 2.

² Там же. 8.

³ *Гораций*. Оды. II. 17. 1—13.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Июль 767 года от основания города Рима. Раннее утро. Пасмурное небо низко нависло над римской столицей. Парк и дворец Мецената на Эсквилинском холме окутаны плотным белым туманом, будто одеялом. Ночью шел дождь, и деревья блестят от воды. Тяжелые капли медленно скатываются с листьев и мерно падают на землю. В воздухе разлита холодная свежесть, смешанная с запахом мокрой земли и ароматами южных растений. Очень тихо, город еще не проснулся, даже птицы почти не поют. Кажется, что время остановилось.

По роскошной кипарисовой аллее, ведущей от дворца вглубь парка, мимо изящных портиков и мраморных скульптур медленно бредет старый, изможденный человек. Лицо его еще хранит черты былого достоинства и величия. Это император Август. Он осторожно ступает по выложенной мраморными плитами дорожке, зябко кутаясь в тогу. За ним, держась на некотором расстоянии, следуют сопровождающие его рабы.

Старый император медленно приближается к концу аллеи, где высятся две большие мраморные гробницы. Это гробницы Мецената и Гора-

ция. Укрытые от посторонних глаз ветвями разросшихся лавров и платанов, они кажутся двумя белыми скалами посреди зеленого моря листвы. Белый мрамор покрыт искусной резьбой; на стенах помещены пышные эпитафии и изображения муз и граций. Видно, что за гробницами тщательно ухаживают и регулярно украшают их свежими розами.

Август подходит к роскошной гробнице Мецената, касается ее рукой и долго стоит потом, что-то тихо шепча про себя. Затем он жестом подзывает ожидающих поодаль рабов и совершает нехитрые жертвоприношения манам — божествам загробного мира и хранителям гробниц. После этого он переходит к гробнице Горация и также совершает необходимые жертвоприношения. Постояв некоторое время у гробницы великого поэта в глубоком молчании, Август, наконец, произносит несколько строчек из стихотворения Горация:

Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет — время бегущее.
Нет, не весь я умру, лучшая часть меня
Избежит похорон. Буду я вновь и вновь
Восхваляем, доколь по Капитолию
Жрец верховный ведет деву безмолвную¹.

Закончив, он бросает последний взгляд на гробницы, поворачивается и медленно удаляется. Тем временем облака на небе постепенно расходятся, и в просвете между ними прорываются яркие лучи восходящего солнца. Лучи падают на гробницу Ме-

¹ *Гораций*. Оды. III. 30. 1—9.

цената, освещают ее, заставляя блеснуть и светиться изнутри белый влажный мрамор...

Вероятно, именно так Август последний раз навещил могилы своих старых друзей. Через месяц, 19 августа 14 года н. э., он вслед за ними навсегда покинет этот мир.

Пройдут годы, века, тысячелетия, но имя Мecenата будет оставаться в памяти людей. В большинстве языков мира оно станет нарицательным. Сотни меценатов на протяжении более двух тысячелетий будут материально помогать талантливым поэтам, писателям, художникам, архитекторам, скульпторам, певцам и музыкантам. Именно благодаря их заботе и доброте человечество узнает имена Данте Алигьери, Франческо Петрарки, Сандро Боттичелли, Пьетро Перуджино, Донато Браманте, Рафаэля Санти, Микеланджело Буонарроти, Леонардо да Винчи, Бенвенуто Челлини, Торквато Тассо, Франсуа Рабле, Мольера и многих других гениев...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ФРАГМЕНТЫ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ГАЯ ЦИЛЬНИЯ МЕЦЕНАТА

Проза¹

I. Сенека. Письма. XIX. 9.

Здесь я хочу привести тебе слова Мецената — истину, вырванную у него тою же пыткой: «Вершины сама их высота поражает громом». В какой книге это сказано? — В той, что называется «Прометей». Этим он хотел сказать, что удары грома поражают вершины. Любое могущество стоит ли того, чтобы речь твоя стала, как у пьяного? Он был человек одаренный и дал бы превосходные образцы римского красноречия, если бы счастье не изнежило, не выхолостило его.

II. Сенека. Письма. CXIV. 4—8, 21—22.

Как жил Меценат, известно настолько хорошо, что мне нет нужды здесь об этом рассказывать: как он разгуливал, каким был шеголем, как хотел, чтобы на него смотрели, как не желал прятать свои пороки. Так что же? Разве речь его не была такой же вольной и распоясанной, как он сам? Разве его слова — под стать его одежде, слугам, дому, жене — не должны были больше всего удивлять? Он был бы человеком большого дарования, если бы повел его

¹ Орывки III—V даны в переводе автора.

правильным путем, если б не избегал быть понятным, если бы знал границы хотя бы в речи. Его красноречие — ты увидишь сам — это красноречие пьяного, темное, беспутное и незаконное. Есть ли что позорнее? (Меценат, «О моем образе жизни»): «По реке вдоль берегов, что лесами курчавятся, взгляни, как челны взбороздили русло, как, вспенивши мели, сад заставляют назад отбегать». Или это: «Завитки кудрявой женщины голубит губами, — начинает, вздыхая, — так закинув усталую голову, безумствуют леса владыки». — «Неисправимая шайка: на пирах они роются жадно, за бутылкой обыскивают дома, и надежда их требует смерти». — «Гений, который свой праздник едва ли заметит, нити тонкого воска, и гремучая мельница, — а очаг украшают жена или мать». — Разве не сразу по прочтении ты увидишь, что это тот самый, кто всегда расхаживал по Риму в неподпоясанной тунике (даже когда он замещал отсутствовавшего Цезаря, пароль получали от распоясанного полководца)? тот, кто и на суде, и на ораторском возвышеньи, и на любой сходке появлялся с закутанной в плащ головой, оставляя открытыми только оба уха, наподобье богатых беглецов в мимах? тот, кто в разгар гражданской войны, когда город был в страхе и все вооружились, ходил по улицам в сопровожденье двух скопцов — больше мужчин, чем он сам? кто тысячу раз женился — и брал ту же самую жену? Эти слова, так незаконно соединенные, так небрежно расставленные, употребленные вопреки общепринятому смыслу, свидетельствуют о нравах не менее невиданных, извращенных и странных. Больше всего его хвалят за незлобивость: он не касался меча, не проливал крови, и если чем и выставлял напоказ свое могущество, так только вольностью нравов. Но он сам под-

портил эту свою славу затейливостью чудовищных речей. По ним видно, что он был изнежен, а не кроток. Это станет ясно любому, кто увидит его кудрявый слог, и перевернутые слова, и мысли, нередко величавые, но теряющие силу еще прежде, чем высказаны до конца. Чрезмерное счастье вскружило ему голову; иногда в этом повинен сам человек, иногда — время. ...Ты видишь, чего добиваются те, кто выщипывает бороду, местами или всю целиком, кто тщательно выбривает и выскабливает губы, оставив и отпустив волосы на щеках и подбородке, кто надевает невиданного цвета плащ поверх прозрачной тоги, кто не захочет сделать ничего такого, что осталось бы незамеченным, кто дразнит людей, лишь бы на него оглянулись, и согласен быть выруганным, лишь бы на него смотрели. Такова же речь Мецената и всех прочих, допускающих ошибки не случайно, а заведомо и намеренно. Причина тут — тяжелый душевный недуг. Как после вина язык начинает заплетаться не прежде, чем ум, не выдержав тяжести, подломится или изменит нам, так и этот род речи (чем он отличается от пьяных речей?) ни для кого не в тягость, если только душа не пошатнулась. Поэтому лечить надо душу: ведь от нее у нас и мысли, и слова, от нее осанка, выражение лица, походка. Когда душа здорова и сильна, тогда и речь могуча, мужественна, бесстрашна; если душа рухнула, она все увлекает в своем паденье.

III. Квинтилиан. IX. 4. 28.

Несколько изречений Мецената:

«Солнце и утренняя заря краснеют сильно».

«Между святых течет вода ясеней».

«Похороны только я один среди самых несчастных не увидел бы мои».

IV. Сервий. Комментарии к «Энеиде» Вергилия. VIII. 310.

Это также есть у Мецената в «Пире», в котором участвовали Вергилий и Гораций, когда от лица Мессалы о силе вина рассказывая, он говорит: «Равным образом вино делает глаза проворными, все представляет красивее и сладкую юность возвращает хорошо».

V. Присциан. X (Gr. Lat. II. 356. 6—7 K).

Меценат в «Октавии»: «Расчесала ты волосы, природы дары, с благодарностью».

Поэзия¹

I. Сенека. Письма. XCII. 34—35.

Из своей плоти душа либо выходит спокойно, либо отважно спешит прочь и не спрашивает, что случится потом с останками. Как мы пренебрегаем остриженными волосами и бородой, так и божественная душа, собираясь покинуть человека, не заботится, куда перенесено будет ее прежнееместилище; спалит ли его огонь, покроет ли земля, растерзают ли звери, — все это, на ее взгляд, имеет к ней так же мало касательства, как послед — к новорожденному. Что переставшему существовать до того, растащат ли птицы его тело или оно будет сожрано, отданное «морским собакам в добычу?» Но и пребывая среди людей, мудрый не страшится посмертных угроз от тех, кому мало, чтобы люди их боялись вплоть до своей смерти. «Нет, — го-

¹ Отрывки IV—VIII даны в переводе автора.

ворит он, — мне не страшны крючья, не страшно гнусное для тех, кто увидит, растерзание брошенного на поругание тела. Я никого не прошу отдать мне последний долг, никому не поручаю моих останков; природа сама заботится, чтобы никто не лишился погребенья. Время схоронит тех, кого жестокость вышвырнула в поле». Превосходно говорит Меценат:

Что мне гробница моя? Похоронит останки природа!

Можно подумать, будто это сказано человеком, высоко подпоясанным! От природы он был велик и мужествен духом, да только распустился от постоянных удач.

II. Сенека. Письма. С1. 10—15.

Так что спешика жить, мой Луцилий, и каждый день считай за целую жизнь. Кто прилачился жить так, для кого каждый вечер — конец жизни, тот не знает страха. Кто живет надеждой, тот упускает ближайшее время, — а тогда на него нападают жадность и жалкий, делающий жалким все вокруг страх смерти. Вот откуда взялась постыдная молитва Мецената, в которой он не отказывается ни от расслабленности, ни от уродства, ни даже от пытки — лишь бы среди этих бедствий ему продлили жизнь:

Пусть хоть руки отнимутся,
Пусть отнимутся ноги,
Спину пусть изувечит горб,
Пусть шатаются зубы, —
Лишь бы жить, и отлично все!
Даже если и вздернут
На крест, — жизнь сохраните мне!

Он желает себе худшего, что только может случиться, и молит о продлении пытки, как о жизни! Я счел бы самым презренным любого, кто хотел бы жить вплоть до пытки. А он говорит: отними у меня руки и ноги, — лишь бы в расслабленном, бесполезном теле осталось дыхание; изувечь меня, но только прибавь чудовищному уроду хоть немного времени; вздерни меня на крест, заставь сесть на кол, — стоит зажать свою рану и висеть распятым, лишь бы оттянуть самое лучшее среди бедствий — конец муки; стоит сохранить душу, чтобы дольше с нею расставаться! Что пожелать такому, как не благосклонности богов? Разве другого хочет позорная изнеженность этих стихов? Эта сделка с безумной трусостью? Это гнусное выклянчиванье жизни? Можно ли подумать, что ему когда-то Вергилий читал:

Так ли гибель страшна?

Он желает себе худших бедствий и жаждет того, что тяжелее всего вынести: чтобы они тянулись и не прекращались. Ради какой награды? Ради чуть более долгой жизни. Но разве долго умирать значит жить? Неужто найдется такой, кто предпочтет хиреть в пытках, терять один за другим члены тела, расставаться с душою по капле вместо того, чтобы сразу испустить ее? Неужто хоть кто-нибудь, будучи приведен к позорному дереву и уже прежде расслабленный, уже изувеченный, со вспучившейся горбом спиной и грудью, еще до креста имевший тысячу причин умереть, захочет продлением пыток продлить жизнь? Вот и спорь теперь с тем, что неизбежность смерти — великое благодеянье природы! Многие готовы вытерпеть и кое-что поху-

же, готовы предать друга, чтобы жить подольше, собственноручно отдать на растление детей, чтобы только глядеть на свет — свидетель стольких злодеяний. Нужно избавиться от жажды жизни и заучить одно: безразлично, когда случится с тобою то, что все равно когда-нибудь случится. В жизни важно благо, а не долгий век; и нередко в том и благо, что он короток.

III. Светоний. Гораций. 2.

Эпиграмма к Горацию Флакку

Если пуще я собственного брюха
Не люблю тебя, друг Гораций, — пусть я
Окажусь худошавее, чем Нинний¹.

IV. Исидор Севильский. Этимологии. XIX. 32. 6.

Эпиграмма к Горацию Флакку

Оплакиваю, о жизнь моя, ни изумруды,
Ни бериллы, мой Флакк; не ищу
Ни блестящих белоснежных жемчугов,
Ни тех тинийской отделки тщательной
Колечек, ни камешков яшмы.

V. Цезий Басс. 4. 8—17 (Gr. Lat. VI. 262. 6—19 K).

Явись сюда, о Кибела, суровая гор богиня,
Явись, и гудящим тимпаном ударь голову гибко.
Бок бича бойся — толпа твоих спутников воет.

VI. Цезий Басс. 4. 8—17 (Gr. Lat. VI. 262. 25—263. 3 K).

Эта нимфа обвивает вся Ахелоя старика.

¹ Перевод М. Л. Гаспарова.

VII. Харизий. I (Gr. Lat. I. 79. 23—80. 1 K).

[Слово] «блюдо» определено мужским родом; как говорит Меценат в десятой [книге стихотворений]: «Подается дымящееся горячим с полбенным хлебом блюдо».

VIII. Диомед. I (Gr. Lat. I. 369. 21 K).

Меценат: «Сплел ты сети для ложа».

Приложение 2

РЕЧЬ МЕЦЕНАТА К АВГУСТУ

(Дион Кассий. Римская история. LII. 14—40)¹

«14.²... Если ты заботишься об отечестве, за которое вел столько войн, за которое с удовольствием отдал бы и свою душу, то преобразуй его и приведи в порядок наиболее рациональным образом. Возможность и делать, и говорить всё, что только кто пожелает, — источник всеобщего благополучия, если имеешь дело с благоразумными людьми, и приводит к несчастью с безумными. Ввиду этого, предоставляющий свободу последним дает меч ребенку или сумасшедшему, а кто дает свободу первым, тот спасает все, в том числе и безумцев, даже против их желания. Поэтому я считаю необходимым, чтобы ты не обманулся, обратив внимание на красивые слова, но чтобы, взвесив настоящее положение вещей, по существу, прекратил дерзкие выходки толпы и предоставил управление государством себе и

¹ Перевод Е. А. Черноусова, исправленный и дополненный автором. См.: *Черноусов Е. А. Очерки по истории Римской империи 180—235 гг. Подготовка смуты III века. Харьков, 1911. Приложение. С. I—XXVIII.*

² Начало речи Мецената не сохранилось.

другим лучшим людям. Тогда сенаторами были бы наиболее выдающиеся по уму, войсками командовали бы самые опытные в военном деле, а несли военную службу и получали жалованье самые крепкие и самые бедные. Таким образом, каждый будет охотно исполнять выпавшее на его долю дело и с готовностью помогать друг другу, не будет больше слышно о людях, в чем-либо нуждающихся и все приобретут истинно демократический строй и безопасную свободу. Ибо пресловутая свобода черни является самым горчайшим видом рабства для лучших людей и одинаково приносит гибель и первой и последним. Наоборот, свобода, везде ставящая на первом плане благоразумное и уделяющая всем справедливое по достоинству, делает счастливыми одинаково всех, пользующихся ею.

15. Ты не думай, что я советую тебе стать тираном при рабстве народа и сената. Этого мы никогда не посмеем, ни я сказать, ни ты сделать. Но было бы одинаково хорошо и полезно и для тебя и для государства, если бы ты вместе с лучшими людьми предписывал путем издания законов все необходимое с тем, чтобы никто из толпы не противоречил и не сопротивлялся этому; если бы войны велись сообразно с вашими советами при непременно условии немедленного исполнения всеми другими приказанного; если бы избрание властей было в ваших руках; если бы вы распределяли и почести и наказания, чтобы немедленно становилось законом все, что будет угодно тебе и твоим советникам, сенаторам; чтобы нападали на врагов тайно и своевременно; чтобы кандидаты на должности назначались по способностям, а не по жребию и по искательству; чтобы добрые награждались, не возбуждая к себе зависти, а злые карались без сопротивления. Таким

образом, дела устраивались бы наиболее правильным образом без перенесения их на суд толпы, без публичного обсуждения, без предоставления обсуждений их лицам, опирающимся на ту или иную партию, без оценки их по мотивам честолюбия. Мы бы наслаждались выпавшими на нашу долю благами спокойно, не производя ни опасных войн, ни безбожных восстаний. Ибо все это присуще демократии: там наиболее влиятельные, стремясь захватить первые места, и, подкупая более бедных, приводят все в полное замешательство. Очень многое из этого имеет место у нас, и трудно сказать, когда оно закончится. Доказательством этого служит то, сколько времени мы и воюем и поднимаем восстания. Причиной этого является и количество населения и величина государства. Первое, разнокалиберное по происхождению и по природе, обладает разнообразными склонностями и влечениями, второе дошло до таких размеров, что им страшно трудно управлять.

16. Что я говорю только правду, подтверждают события. Пока нас было мало и пока мы мало чем отличались от соседей, мы прекрасно справлялись с государственными делами и покорили почти всю Италию. С тех же пор, как мы вышли за ее пределы, распространили наше владычество на большинство материков и островов и наполнили все море и землю славой нашего имени и могущества, на нашу долю не выпадает ничего хорошего. Прежде всего, мы внутри наших стен поднимаем восстание за восстанием, а затем переносим эту заразу и в легионы. Ввиду этого наше государство, как огромное грузовое судно, наполненное всевозможным сбродом, но без кормчего, в течение нескольких поколений качается во все стороны, бросаемое то туда, то сюда

страшной бурей, и движется без определенного направления, как бы пустое. Ты не смиришься с тем, чтобы оно еще носилось по волнам, ибо видишь, как оно переполнено водою, ты не допустишь того, чтобы оно село на подводные скалы, ибо оно повреждено и не в состоянии держаться ни минуты более. Но когда боги, смилостивившись над ним, назначили тебя судьей и руководителем его, не предавай отечества, чтобы оно, отдохнув теперь немного, благодаря тебе точно так же проводило и остальной свой век в безопасности.

17. А что я советую тебе правильно, желая, чтобы народ управлялся монархически, ты, думаю, и сам в этом давно убедился. А если это так, то охотно и с готовностью бери на себя верховную власть над ним, а главное, не упускай ее. Ведь мы совещаемся не о захвате власти, а о том, чтобы не погубить ее и, сверх того, самим не подвергнуться опасности. Ибо кто пощадит тебя, если ты перенесешь верховное руководство делами на народ или поручишь его кому-нибудь другому? Очень многие огорчены тобою с одной стороны, а с другой, к слову сказать, все стремятся захватить в свои руки верховную монархическую власть. Из названных лиц никто не пожелает ни защитить тебя, имея в виду то, что ты сделал, ни уступить тебе. Доказательством этого служит Помпей. Отказавшись от верховной власти, он подвергся презрению и козням и, не будучи в состоянии после этого снова овладеть ею, — погиб. Погиб и отец твой, Цезарь, сделав то же самое. Совершенно то же самое потерпели бы и Марий, и Сулла, если бы не умерли раньше, хотя некоторые говорят, что Сулла из страха перед этим предупредил события и лишил себя жизни. Уже очень многое из его законоположений началось уничтожать-

ся еще при его жизни. Таким образом, мы можем еще ожидать появления многих Лепидов, многих Серториев, Брутов и Кассиев.

18. Видя это и взвесив все остальное, не покидай на произвол судьбы и самого себя и отечество только потому, что кому-нибудь покажется, что ты сознательно стремишься к власти. Прежде всего, если кто-нибудь и заподозрит тебя в этом, то подобного рода стремление заложено в природе человека, и славно рисковать из-за этого. Затем, кто же не знает той настоящей необходимости, которая довела тебя до этого? Так что, если кто и виноват в этом, то справедливее всего поставить это в вину убийцам твоего отца. Если бы они не убили его так несправедливо и так подло, то ты бы не брался за оружие, не собирал бы войск, не вступал бы в союз с Антонием и Лепидом и не боролся бы, наконец, с последними. А что все это ты сделал с полным правом, никто не отрицает. Если же в чем-нибудь и были допущены крайности, то мы не могли поступить иначе, не подвергаясь опасности. Так что и ради нас самих, и ради государства будем покорны судьбе, вручившей тебе единовластие. Будем ей очень благодарны, что она не только спасла нас от бедствий междоусобной войны, но и возложила на тебя устройство государственного порядка, чтобы ты, заботясь о нем, как следует быть, показал всему миру, что другие были виновниками беспорядков и бедствий, а только от тебя исходит полезное. И нечего тебе бояться, по-моему, величины власти, ибо, чем она больше, тем больше и вспомогательных средств в ее распоряжении, и гораздо легче сохранить что-нибудь, чем приобрести. Чтобы приобрести чужое, необходимы и труды и опасности, а чтобы сохранить наличное, достаточно умеренной

заботы. Кроме того, тебе нечего опасаться, что ты, обладая властью, не будешь жить в полной безопасности и не будешь пользоваться всеми доступными для людей благами, если только пожелаешь пользоваться властью так, как я тебе посоветую. И не подумай, что я уклоняюсь от предмета настоящего разговора, если скажу тебе еще несколько слов относительно этого, ибо я сделаю это не в силу болтливости, но чтобы ты основательно понял, что для умного человека и возможно и легко править и прекрасно и безопасно.

19. Итак, по-моему, тебе, прежде всего, следует очистить весь сенат и выбрать новый, так как ввиду смут среди его членов есть известное количество недостойных. Тех из них, кто обладает известными достоинствами, следует удержать, а прочих — удалить. Однако тебе не следует удалять достойного человека только ввиду его бедности; вместо этого дай ему необходимую сумму денег. Вместо же остальных собери самых родовитых, заслуженных и богатых не только из Италии, но набирая их и среди союзников и среди провинциалов. Таким образом, у тебя будет много помощников, и ты будешь в выгодном положении по отношению к главам других народностей, да и последние не будут замышлять переворотов, не имея ни одного выдающегося представителя, первые же среди них будут относиться к тебе с любовью, разделяя вместе с тобою власть. По отношению к всадникам сделай то же самое. Именно — зачисли в разряд их лиц, везде занимающих второстепенное положение по происхождению, личным достоинствам и богатству. Тех и других набери столько, сколько тебе будет угодно, не связывая себя определенным количеством, ибо, чем больше будет вокруг тебя выдающихся людей,

тем легче, с одной стороны, ты все устроишь, как следует, а с другой, убедишь провинциалов, что на них смотрят не как на рабов или на стоящих ниже нас, но что и они принимают участие, как вообще во всех благах, находящихся у нас налицо, так и в управлении, чтобы они заботились о нем, как о своем собственном. Я далек от мысли отказаться от этого, как неправильно сказанного. Таким образом, я говорю, что всем им следует дать права гражданства, чтобы, имея равную долю участия и в нем, они были бы нашими верными союзниками, как бы населяя один город с нами и считая его именно таковым в действительности, а свои собственные — только деревнями и селами.

20. Но относительно этого мы еще раз рассмотрим более внимательно, что нужно сделать, чтобы не наделить их всем сразу. В число всадников следует набирать восемнадцатилетних. В этом возрасте наиболее проявляются их телесное здоровье и способности души. В сенат же — двадцатипятилетних. А то как же вручать государственные дела людям более молодого возраста, которым небезопасно и ненадежно, ввиду их возраста, вверять управление даже их частными делами? По отправлении должностей квестора, эдила или народного трибуна, пусть они занимают по достижении тридцатилетнего возраста должность претора. Упомянутые должности, точно так же как и консульскую, ты должен, по моему мнению, предоставлять только у себя дома, то есть в Риме, ради сохранения отечественных традиций и чтобы не казалось, что ты совершенно изменяешь государственный строй. Всех их избирай ты сам и не поручай выбирать кого-либо из них народной толпе, ибо они произведут возмущение; не поручай и сенату, ибо тогда начнутся интриги.

Не сохраняй также их прежней компетенции, чтобы снова не повторилось прежнее, но сохрани только за ними почет, влияние же парализуй настолько, чтобы без ущерба их достоинству оно не позволило желающим производить государственные перевороты. Это будет в том случае, если, между прочим, ты им предоставишь власть только дома (в пределах Рима) и не предоставишь никому из них военной власти ни во время прохождения должности, ни сейчас же после сложения ее, но только спустя некоторое время, продолжительность которого определишь ты сам для каждого из них. Таким образом, никто из них не будет затевать переворотов, опираясь на свое звание командующих войсками, но, прожив некоторое время частными людьми, они станут вполне благонадежными. Они будут устраивать народные празднества, что лежит на их обязанности, и пусть решают во время отправления должности в городе все дела, кроме уголовных, влекущих за собою смертную казнь. Из остальных же сенаторов и всадников составь судебные трибуналы, но председательство в них вручи вышеупомянутым лицам.

21. Что касается городского префекта, то его следует назначать из людей отличившихся и прошедших все государственные должности, не с тем, чтобы он управлял в отсутствие консулов, но чтобы он, с одной стороны, во всех отношениях был начальником города, а с другой, чтобы он постановлял решения по делам, переходящим к нему как в высшую инстанцию по апелляциям на решение других, вышеупомянутых властей, и затем дела уголовные, за известными исключениями, как по отношению к жителям города, так и по отношению к живущим на расстоянии 750 стадиев от него. Сверх того, назначь и другое лицо из числа сенаторов с тем, что-

бы в его руках сосредоточить контроль и надзор за происхождением, состоянием и образом мыслей лиц сенаторского и всаднического сословия, одинаково и мужчин, и женщин, и детей, и вообще находящихся с ними в близких отношениях, чтобы он пресекал такие действия, которые сами по себе и не заслуживают наказания, но которые, если не обратить на них внимания, являются причиной многих бедствий, о более же важных делах он должен докладывать тебе. Подобного рода обязанности следует возложить скорее на какого-нибудь сенатора, наиболее заслуженного после городского префекта, чем на какого-нибудь всадника. Название ему следовало бы позаимствовать от находящейся в твоих руках цензурской власти (во всяком ведь случае руководить цензурой следует тебе); ввиду этого его следует назвать младшим цензором. Обе эти должности должны быть бессрочными, если, конечно, кто-нибудь из них не скомпрометирует себя каким-либо образом или не заболеет, или не станет слишком дряхлым. Ввиду долговременной службы они, однако, ничего не смогут сделать опасного, так как первый отправляет должность совершенно гражданского характера, а второй, хотя и имеет немного солдат в своем распоряжении, но в большинстве случаев отправляет свои обязанности на твоих глазах. Ввиду этого они едва ли решатся и обижать кого-нибудь и побоятся злоупотреблять своей властью, предвидя наперед свою отставку и замещение их должности кем-нибудь другим. Пусть они получают известное жалованье, как в виде награды за службу, так и для представительства. Такое мнение подаю я тебе относительно названных лиц. Преторы же, отслужившие свой срок, могут получать в свое управление какую-либо провинцию. (Рань-

ше прохождения претуры я не считаю возможным предоставлять им этого. До этого же они должны и по разу и по два занимать должность помощников у тех лиц, о которых я еще скажу.) Затем, они должны быть также консулами, если, как следует, провели свое наместничество, и затем только пусть получают более ответственные назначения по провинциальному управлению.

22. Я советую тебе завести следующий порядок. Всю Италию, на расстоянии 750 стадиев от Рима, и всю остальную территорию, принадлежащую нам на островах и материках, раздели повсюду по племенам и нациям, равно как и все города, на области таких размеров, которые вполне удовлетворительно могут управляться одним человеком. Размести по ним солдат и во все из них пошли в качестве лиц начальствующих по одному бывшему консулу и по два бывших претора. Одного, только что сложившего свою должность в Риме, и в его ведении пусть находятся частные дела и заготовка съестных припасов. Другого же из лиц, уже раньше отправлявших эти обязанности; он будет управлять городскими общинами и командовать солдатами; сверх его компетенции будут только лишение гражданских прав и смертные приговоры. Дела такого рода входят в круг обязанностей только сановника, бывшего консулом, за исключением дел центурионов, находящихся на действительной службе, и частных лиц, первых по положению у себя на родине. Лиц той и другой категории не поручай наказывать никому другому, кроме себя, чтобы они, из страха перед кем-нибудь другим, не учинили чего-нибудь и против тебя. А что я сказал, что один из бывших преторов должен быть приставлен в качестве начальника к

солдатам, то это представляется мне следующим образом. Если небольшое количество войск несет службу в городах с неримским населением или это количество не превышает одного легиона, то дело будет прекрасно обстоять и так. Если же два легиона, состоящих из граждан, стоят на зимних квартирах в одной и той же стране (больше этого числа я не советовал бы тебе вручать одному командиру), то двум бывшим преторам придется особо каждому на равных основаниях управлять и ими, и всеми другими, как государственными, так и частными делами. Что же касается бывшего консула, то он заведует и всем этим и, сверх того, пусть разрешает дела, возбуждаемые им самим и направляемые в порядке верховного разрешения к нему преторами. Ты не удивляйся, что я советую тебе разделить и Италию на такие части. Будучи велика и многолюдна, она не может быть, как следует, управляема городскими римскими властями. Власть должна быть всегда близка к населению, а ее носителям можно поручать только возможное.

23. Все эти лица, облеченные властью вне Рима, должны получать жалованье, высшие — в большем количестве, низшие — в меньшем, средние — в среднем размере. Ибо они не могут жить на собственные средства в чужой стране и не должны, с другой стороны, производить, как это делается теперь, неопределенных и неограниченных расходов. Пусть они управляют не менее трех лет, если кто-нибудь из них в чем-нибудь не про штрафился, и не больше пяти. С одной стороны, при одногодичном и кратковременном отправлении должности люди уходят в отставку, чуть только поймут, что им нужно делать, и прежде, чем будут совершенно посвящены в дела. С другой стороны, более продолжительное и

долговременное занятие должности делает многих дерзкими и подстрекает их к переворотам. Поэтому, по моему мнению, не следует поручать одним и тем же лицам непрерывно занимать высокие должности. Нет никакой разницы, над одним ли и тем же народом или над многими, но без перерыва будет начальствовать кто-либо дольше, чем следует. Начальники становятся лучше, если на некоторое время они возвращаются на родину и живут в качестве частных людей.

24. Таким вот образом следует, по-моему, устроить сенаторов. Двум же лучшим всадникам следует поручить команду над твоей охраной. Поручать ее одному человеку опасно, а слишком многим — беспокойно. Итак, пусть будет два начальника с тем, чтобы, если один из них заболит, ты не был лишен охраняющего тебя человека. Их следует назначать из лиц вполне опытных в военном деле и прошедших многие другие должности. Под их командой пусть находятся преторианцы и все другие, расположенные в Италии, войска так, чтобы они могли и казнить тех из них, кто совершит преступление, кроме центурионов и других лиц, подчиненных начальникам сенаторского ранга. Последних наказывают их непосредственные начальники, чтобы лица, имеющие возможность их и наказывать и награждать, могли безусловно на них полагаться. Остальными же, расположенными в Италии, войсками пусть командуют вышеупомянутые начальники, имея в своем распоряжении помощников; они же пусть заведуют и людьми, находящимися в твоём личном услужении, и всеми другими лицами, мало-мальски заслуживающими упоминания. Для них будет совершенно достаточно, как следует отправлять эти обязанности. В противном же случае,

если на них будет возложено больше дел, чем они могут удовлетворительно отправлять, у них не будет времени для необходимого или же они будут не в состоянии управлять всем этим. Эти лица, так точно, как городской префект и младший цензор, пусть занимают свою должность пожизненно. Начальник же ночных стражей и пожарных команд и заведующий заготовлением провианта пусть назначается из числа первых, после уже упомянутых всадников, и притом на определенный срок, так точно, как и лица, назначаемые из числа сенаторов.

25. Управлением финансами, — я говорю об эрарии и фиске — как в Риме, так и во всей Италии и вне ее, целиком должны заведовать всадники. И эти лица и все остальные служащие по этому ведомству должны получать жалованье, одни больше, другие меньше, смотря по важности и по величине дела. Им невозможно тратить свои личные средства, так как они беднее сенаторов, в особенности если они будут служить не в Риме. Да и для тебя и невозможно и бесполезно, чтобы они являлись распорядителями всех денежных средств. Сверх того, хорошо осуществлять все, относящееся к управлению, большим количеством лиц, чтобы многие приносили пользу и были опытны в делах. Таким образом, и управляемые будут более расположены к тебе, пользуясь возможностью принимать разнообразное участие в общественных благах, и ты будешь располагать в очень щедром количестве лучшими людьми для всего необходимого. Достаточно, чтобы в Риме и вне его в каждой провинции было по одному лицу из всадников для каждого из видов финансового управления, которое имело бы в своем распоряжении, сколько понадобится подчиненных из всадников же и из числа твоих вольноотпущенников.

Следует известное количество и последних присоединить к первым, чтобы личная служба тебе являлась известным отличием за достоинство и чтобы ты не находился в затруднительном положении и мог от них, даже и против воли их, узнать истину, если бы оказалась какая-либо погрешность. Если бы кто из всадников прошел ряд должностей таким выдающимся образом, что мог бы быть достойным стать сенатором, то возраст пусть не служит ему препятствием к зачислению в сенат. Следует также зачислять в него некоторых из лиц, командовавших отдельными частями в регулярных войсках, за исключением несших службу рядовыми. Зачислять кого-нибудь из последних, таскавших на себе фашины и шанцевые инструменты, в сенаторское сословие и позорно и постыдно. С другой стороны, ничто не мешает получать это звание лицам, которые с самого начала наиболее выдающимся образом служили центурионами.

26. Вот это считаю нужным посоветовать тебе относительно сенаторов и всадников, а, сверх того, еще и следующее. В детском возрасте они должны посещать училища, а достигнув юношеского, — упражняться в верховой езде и в обращении с оружием, имея для того и другого находящиеся на государственной службе с определенным вознаграждением учителя. Обучаясь таким образом и упражняясь, начиная с детского возраста, в том, что им придется делать, став взрослыми людьми, они пригодятся тебе на всякое дело. Ибо хороший начальник, от которого получается действительная польза, должен не только делать сам, что следует, но заранее подумать и о других, чтобы они были, как можно более, на своем месте. Этого у тебя не было бы, если бы ты позволил своим подчиненным

делать все, что угодно, а затем порицал делающих промахи. Но, не ожидая никаких погрешностей, ты должен раньше всего наставить их во всем, при искусном исполнении чего они будут наиболее полезны для себя самих и для тебя. Да и вообще тебе не следует никому доставлять предлога в силу ли богатства, или знатного происхождения, или какого-нибудь другого преимущества присваивать себе право на легкомысленный или изнеженный образ жизни, или на подозрительные стремления. Многие из страха возбудить в силу этого к себе зависть и подвергнуться опасности совершают много недостойного их с целью жить наиболее безопасно. Отсюда они вызывают к себе сожаление, как бы обижаемые в том отношении, что им, по их мнению, нельзя жить, как следует. На долю же их повелителя приходится вместе и ущерб в виде потери хороших людей и дурная слава ввиду таких обвинений. Итак, никоим образом не пренебрегай этим, а с другой стороны, не опасайся, что кто-либо, воспитанный и обученный так, как я говорю, осмелится произвести переворот. Наоборот, всего подобного следует ожидать от невоспитанных и недисциплинированных. Последние очень легко и просто склонны совершать самые позорные и самые ужасные вещи сперва по своему собственному адресу, а затем и по адресу других лиц. Первые же, получив прекрасное воспитание и образование, не решатся причинить зло никому другому, а меньше всего человеку, позаботившемуся о их воспитании и образовании. А если бы кто-нибудь из них оказался дурным и неблагодарным, то тебе не следует поручать ему ничего такого, из чего он мог бы сделать что-либо опасное. А если бы он замыслил какой-нибудь переворот, то его следует уличить и наказать. Не бойся, что

тебя будут обвинять за это, если ты осуществишь все, о чем я говорю. Ты не сделаешь ошибки, наказав совершившего преступление, так точно, как не грешит врач, делая кому-либо прижигание или операцию. Виновного все осудят, что он, получив одинаковое с другими образование и воспитание, замыслил зло против тебя.

27. Итак, к сенаторам и всадникам следует применить вышеизложенные меры. Затем следует содержать постоянные войска, набранные из граждан, провинциалов и союзников, в одном месте — больше, в другом — меньше, в каждой области, смотря по мере надобности. Они должны всегда быть под оружием и постоянно упражняться в военном искусстве, располагаясь на зимние квартиры в наиболее удобных местах и неся военную службу определенное время, так, чтобы у них перед старостью был еще в распоряжении известный промежуток здорового возраста. Мы ведь не можем пользоваться собираемыми в экстренных случаях ополчениями, находясь так далеко от границ государства и будучи со всех сторон окружены врагами. А если бы мы предоставили всем, достигшим совершеннолетия, право приобретать оружие и упражняться в военном деле, то у нас с их стороны будут постоянно восстания и домашние войны. И наоборот, если мы, запретив делать это, будем затем нуждаться в их помощи на войне, то рискуем всегда иметь в своем распоряжении неопытных и необученных солдат. Ввиду этого предлагаю вообще всей массе населения жить без оружия и не в крепостях, а более сильных и нуждающихся в средствах к жизни набирать в солдаты и обучать. Последние будут лучше воевать, отдавая одному этому делу все свое время, а остальные будут в более благоприятной обстановке

посвящать свои силы земледелию, мореплаванию и другим мирным занятиям, не принуждаемые поступать во вспомогательные отряды и имея в лице других свою охрану. Таким образом, элементы наиболее сильные, здоровые и в большинстве случаев принуждаемые жить разбоем будут содержаться беспечно, а все остальное будет жить в безопасности.

28. А откуда взять денег, которые придется израсходовать и на этих лиц и на другие надобности? Я выясню и это, указав в немногих словах на то, что если у нас будет республиканский образ правления, то мы все равно будем испытывать нужду в деньгах. Ибо, с одной стороны, нам невозможно быть в безопасности без солдат, а с другой, невозможно, чтобы кто-нибудь нес военную службу даром. Нам нечего тяготиться монархией, как будто бы одна только она занимается принудительным собиранием необходимых денежных средств, и нечего в силу этого отворачиваться и от нее самой, но примем решение сообразно с тем обстоятельством, что какой бы ни был у нас образ правления, нам все равно необходимо нести денежные повинности. Поэтому я утверждаю, что тебе, прежде всего, необходимо продать все государственные имения (их, как я вижу, образовалось, благодаря войнам, очень много), за исключением небольшого количества очень полезных для тебя и необходимых, и все вырученные деньги поместить в ссуду на умеренные проценты. Таким образом, будет производительна и земля, отданная хозяевам, обрабатывающим ее собственными руками, и последние, приобретая в ней средства к жизни, станут богаче, государство же будет иметь вполне достаточный и постоянный доход. Если сосчитать это, затем доходы с рудников

и, наконец, все, что может наверняка поступить из других каких-либо источников, и потом принять в расчет не только расходы на войско, но и остальные, необходимые для рационального управления государством, а сверх того, и все то, что необходимо будет истратить на непредвиденные войны и на другие обычные потребности момента, то в результате следует без оговорок наложить налоги на все, что приносит известный доход владельцу, и установить подати со всех, находящихся под нашей властью. Ибо и справедливо и следует, чтобы никто из них не был свободен от взноса податей, ни отдельное лицо, ни целый народ, так как они, одинаково с другими, пользуются выгодами, приносимыми государством. Везде следует назначить лиц, наблюдающих за сбором налогов с тем, чтобы они взыскивали все, следуемое за время их наблюдения со всех доходов. Это облегчит и нам взыскивание налогов, да и плательщикам доставит не меньше выгоды. Я имею в виду, чтобы они вносили, что с них следует, понемногу в определенные сроки, а не принуждались бы, легкомысленно пропустив короткий срок, уплачивать все сразу и притом в больших размерах.

29. Я прекрасно знаю, что некоторые из устанавливаемых податей и налогов будут тягостны, но знаю также и то, что плательщики, если их не будут притеснять сверх меры и если они убедятся на деле в том, что они будут вносить все это для своего же блага и для возможности безбоязненно пользоваться остальным имуществом, что, сверх того, большей частью этих денег воспользуется не другой кто-либо, а они же сами в качестве лиц начальствующих, управляющих и несущих военную службу, будут тебе в высшей степени благодарны, отдавая немало за то многое, чем они пользуются без всяких

притеснений, в особенности если они увидят, что ты живешь благоразумно и попусту ничего не тра-тишь. Ибо кто же может отказаться от добровольного взноса податей, видя, что ты в высшей степени бережлив в своих домашних расходах и очень щедр на общественные надобности, и отождествляя свою безопасность и достаток с твоим обогащением.

30. Таким образом, из этих источников мож-но иметь под рукой очень большие суммы денег. Остальное же я советую тебе устроить следую-щим образом. Этот город укрась с возможною ро-скошью и придай ему блеск всевозможного рода празднествами. Ибо нам, владеющим столь мно-гим, следует во всем быть выше всех; это содейству-ет внушению уважения союзникам и ужаса врагам. Остальное же устрой так. Прежде всего, провинции не должны пользоваться ни малейшей автономией и совершенно не должны пользоваться правом собраний: хорошего-то они ничего придумать не могут, а постоянные волнения возможны часто. В силу этого же, по моему мнению, не следует и на-шему народу собираться ни на судебные заседания, ни на собрания для выбора властей, ни на иные по-добные собрания, на которых приходится зани-маться делами. Затем населению городов не следует иметь слишком много и слишком больших домов, и не следует слишком расточительно тратиться на устройство в большом количестве и притом разно-образных общественных игр, чтобы оно не разоря-лось от суетных стремлений и не состязалось в не-разумном честолюбии. Пусть оно имеет известное количество празднеств и зрелищ, кроме устраиваемых у нас конных состязаний, чтобы таким обра-зом не уничтожалось ни общественное, ни частное имущество, чтобы ни один чужестранец не принуж-

дался ими к каким бы то ни было расходам и чтобы не выдавалось пожизненное содержание всем, кто только ни победит в каком-либо состязании. Ибо неразумно принуждать и богатых людей тратиться вне их родины, а для борцов достаточно наград, получаемых на каждом отдельном состязании, за исключением тех случаев, если бы кто-нибудь из них получил награду или на Олимпийских играх, или на Пифийских, или на каком-нибудь другом подобном состязании. Вот этих-то одних и следует содержать на общественный счет, чтобы города не разорялись понапрасну и чтобы, за исключением такого лица, имеющего возможность и в чем-либо другом быть полезным и для себя самого и для своей общины, никто не претендовал на пальму первенства. Я такого мнения относительно изложенного. Конные же состязания, совершаемые без гимнастических, я полагаю, не следует поручать устраивать другому какому-либо городу (кроме Рима), чтобы не тратились необдуманно слишком большие суммы денег, чтобы люди не приходили в неистовое бешенство, а самое главное, чтобы войска не чувствовали недостатка в хороших лошадях. В силу этого я совершенно запретил бы производить это где бы то ни было в другом месте, кроме Рима. Во всем остальном мои требования сводятся к тому, чтобы жители остальных городов, устраивая, каждые отдельно, требующие известных издержек увеселения, услаждающие зрение и слух, жили умеренно и мирно. Никто из них не должен иметь собственной монеты, весов и мер, но все они пусть пользуются нашими. Они не должны посылать к тебе никаких депутаций, за исключением тех случаев, если бы имелось какое-либо дело, требующее такого рода разрешения, но пусть докладывают о своих желаниях сво-

ему наместнику и через него пусть приносят свои просьбы, какие он одобрит. Таким образом, они не будут ничего тратить и не будут прибегать к негодным средствам, но будут получать ответы непосредственно без расходов и хлопот.

31. Остальное, по моему мнению, ты можешь наилучше устроить следующим образом. Прежде всего, посольства, прибывающие от неприятелей или союзных царей и народов, вводи в сенат. Во всех отношениях почетно и похвально, чтобы это учреждение казалось господином положения и чтобы людям, не посвященным в истинное положение дел, представлялось большое количество лиц, имеющих возможность дать отпор. Во-вторых, все законы проводи через сенат и вообще ничего не проводи в жизнь без постановления сената. Таким образом, будет более укреплен авторитет власти, и требования, основанные на законе, будут для всех бесспорны и вместе с тем совершенно ясны. В-третьих, если кто-нибудь из членов сената, их дети и жены подвергнутся такому тяжкому обвинению, что в случае его доказанности виновному грозит лишение гражданских прав, изгнание или даже смертная казнь, то предавай их суду сената, ничего не предрешая, и поручи последнему вынести совершенно независимое решение относительно их, чтобы, с одной стороны, совершившие какое-либо преступление, будучи изобличены в нем среди лиц, равных им по положению, понесли наказание, независимо от твоего отношения к делу, а с другой, чтобы остальные, видя это, становились лучше из страха быть разоблаченными таким же образом. Изложенное я сказал, имея в виду такие преступления, которые предусмотрены законами и которые имеют место в судебной практике. Если же кто-

нибудь будет порицать тебя или скажет что-нибудь неподобающее, то ты не обращай внимания на какие бы то ни было доносы и не возбуждай преследований. Позорно верить, чтобы кто-либо поносил тебя, никому не причиняющего никакой несправедливости и общего благодетеля; так поступают только плохие правители. Сознывая за собой подобное, они допускают справедливость сказанного. Опасно негодовать на подобные вещи. Если они имеют место на самом деле, то лучше их не делать, а если это — ложь, то лучше не придавать ей формы правдоподобия. Многие, благодаря этому, добились уже того, что относительно их пускаются в обращение еще более неприятные выдумки. Вот что я полагаю относительно обвиняемых в словесном оскорблении. Тебе следует быть лучше и выше всякого оскорбления, и не следует никогда ни самому приходить, ни других приводить к такому заключению, что кто-нибудь может поступить нагло по отношению к тебе, чтобы, как относительно богов, так и относительно тебя, все были того убеждения, что личность твоя священна. Если же кто-нибудь был бы обвинен в злых замыслах против тебя (ведь может же случиться и подобное), то и относительно его не твори суда сам и не предрешай осуждения (неприлично самому быть вместе и обвинителем и судьей), но, представив его на суд сената, дай ему возможность защищаться, и если бы вина его была доказана, накажи его, умерив, насколько возможно, строгость взыскания, чтобы вина его не возбуждала сомнений. Ибо с большим трудом масса верит тому, чтобы безоружный мог злоумышлять против человека, находящегося во всеоружии. И ты только в том случае можешь рассчитывать на ее сочувствие, если накажешь его без ожесточения и, на-

сколько возможно, не очень сурово. Я говорю это, конечно, не принимая во внимание тех случаев, если бы кто-либо прямо восстал против тебя, имея за собой вооруженную силу. Подобного человека следует не отдавать под суд, но покарать как врага.

32. Изложенное должно быть так устроено. Сверх того, тебе следует возложить на сенат большинство важнейших дел. Общественные дела должны и устраиваться при помощи представителей общества. Всем людям присуще как-то радоваться, если они удостоятся со стороны могущественного лица одинаковой с ним чести, а все, что он решил вместе с кем-нибудь из них, им присуще хвалить, как свое собственное, и любить, как сделанное по их доброй воле. Итак, подобного рода дела, говорю я, следует вносить в сенат, и все присутствующие на его заседании одинаково имеют право высказывать свое мнение относительно их. Если же под суд будет отдан кто-либо из сенаторов, то — не все, за исключением тех случаев, когда подсудимый ни разу не отправлял обязанностей сенатора или был еще только в квесторском звании. Неудобно ведь, чтобы человек, не бывший еще ни народным трибуном, ни эдилом, подавал свой голос против кого-либо из названных лиц или, паче того, против кого-либо из бывших преторов или консулов. Вот эти последние должны иметь право высказывать свое мнение относительно всех без исключения, все же остальные только относительно лиц, равных им или занимающих низшее положение.

33. Апелляции, имеющие возможность поступить на решение высших сановников и прокураторов, равно как и городского префекта, младшего цензора и префектов, заведующих доставкой хлеба и ночной стражей, разбирай лично сам. Никто из

них не должен быть настолько самостоятельным и самодовлеющим в судебном отношении, чтобы на его решение не могла быть принесена апелляционная жалоба. Вот эти дела подлежат твоему разрешению, равно как и дела всадников, центурионов, находящихся на действительной службе, и частных лиц, занимающих высокое положение, в особенности, если дело может окончиться смертной казнью или лишением гражданских прав. Все подобные дела должны быть поручаемы только тебе, и никто другой, по изложенным мною мотивам, не должен сам по себе иметь права на их разрешение. Вместе с тобой всегда должны принимать участие в разрешении этих дел (в одном случае — одни, в другом — другие) наиболее уважаемые из сенаторов и всадников, равно как и другие лица из числа бывших консулов и преторов, чтобы, с одной стороны, ты, изучив при этом наиболее тщательно их образ мыслей, мог ими пользоваться, как следует, а с другой стороны, и они, познакомившись ближе с твоими мыслями и планами, вступали, таким образом, в управление провинциями. Ты требуй от них не устной подачи их мнений (это нуждается в очень большой осмотрительности, чтобы, следуя за лицами, стоящими выше их, они не стеснялись высказываться с полной откровенностью), но пусть они подают мнения, изложенные в записках. Прочти их только ты один и сейчас же прикажи их уничтожить, чтобы они не стали известны никому другому. Только таким образом ты можешь познакомиться вполне основательно с мнением каждого из них, если они будут уверены, что оно не попадет в руки другим. Да и вообще в делах судебных, в переписке, при рассмотрении постановлений отдельных городов и просьб частных лиц и во всем остальном, что

относится к области государственного управления, ты набирай себе помощников и слуг из числа всадников. Таким образом, все дела пойдут легче, и ты не устанешь, делая все сам. Ты предоставь каждому желающему полную возможность подавать тебе советы без всякого опасения. Ибо, если тебе понравится сказанное им, ты извлечешь большую выгоду, а если оно тебя не удовлетворит, то тебе от этого не будет ни малейшего вреда. Напавших на правильную мысль и хвали и цени (ведь ты же сам воспользуешься почетом от их планов), ошибающихся же не унижай и не обвиняй. Следует обращать внимание на их образ мыслей, а не упрекать их в недостижении цели. То же самое соблюдай и в военных делах. Не сердись за невольную неудачу ни на кого и не завидуй успеху, чтобы все подвергались за тебя опасностям охотно и с удовольствием, будучи уверены в том, что, потерпев какое-либо поражение, они не подвергнутся наказанию, а при успехе против них не будут строить козней. Ведь очень многие, боясь зависти носителей власти, предпочитают успеху скорее потерпеть поражение. Правда, это им гарантировало безопасность, но первым зато наносило ущерб. Так что, пользуясь, прежде всего, сам одинаково и теми и другими, и худшими и лучшими, ты ни в коем случае не можешь пожелать позавидовать на словах другим, а на самом деле самому себе.

34. Все, что ты желал бы, чтобы думали и делали подданные, говори и делай сам. Таким образом, ты будешь иметь больше возможности воспитывать их, чем устрашая воздействием законов. Ибо в первом случае действует соревнование, а во втором — страх, и каждый охотнее подражает лучшему, видя происходящее в действительности, чем остерегает-

ся дурного, которое воспрещается, как он слышит, только на словах. Итак, делай все сам и притом тщательно, не оказывая себе ни малейшего снисхождения, прекрасно зная, что все немедленно заметят, что ты сказал и что ты сделал. Ведь ты живешь как будто на какой-то открытой перед всей вселенной сцене, и у тебя нет возможности скрыть самую незначительную свою погрешность. Ты ведь будешь действовать ни в коем случае не наедине, но всегда в присутствии многих. Все окружающие всегда в высшей степени интересуются действиями правителя, так что, если хотя бы раз заметят, что ты нам приказываешь одно, а сам делаешь другое, не будут бояться твоих угроз, но будут подражать твоим поступкам. Наблюдай за жизнью других людей; наблюдай, однако, не так, чтобы это становилось им в тягость. Вот если на что-нибудь поступит к тебе жалоба со стороны других лиц, то разбери ее, а о том, что ни с чьей стороны не вызывает нарекания, ты даже и вида не подавай, что ты о нем знаешь. Из этого исключаются, конечно, проступки против государства. На последние следует обратить подобающее внимание, если бы даже никто и не жаловался. Остальные частные дела тебе следует знать, чтобы не быть введенным в заблуждение как-нибудь, пользуясь в каком-либо отношении помощью неспособного слуги; изобличать же этого, однако, не следует. Природа человеческая очень многих и очень часто заставляет преступать законы. Так что если начать всех их тщательно испытывать, то пришлось бы оставить без наказания или самое незначительное количество или даже и ни одного из них; если же по-человечески соединить требование правосудия с гуманностью, то таким образом скоро можно и образумить их. Ибо закон, применяющий по не-

обходимости хотя бы и сильные карательные меры, не может постоянно господствовать над природой. Некоторые люди становятся лучше, полагая, что их не замечают, или же подвергаясь увещаниям с соблюдением должной меры, одни — стыдясь обличений, другие — опасаясь снова быть введенными в соблазн. Будучи же изобличены открыто, потеряв способность краснеть от стыда и подвергнувшись наказанию выше всякой меры, они уничтожают и попирают все, допускаемое законом и обычаем, и подчиняются единственно своим природным влечениям. Отсюда следует, что, с одной стороны, не легко наказать всех их, а с другой, не следует не обращать внимания на явно разнузданных людей. Такое отношение рекомендую я тебе к проступкам людей, за исключением тех, которые совершенно неисправимы. Наоборот, их правильные поступки цени выше, чем они заслуживают. Таким образом, путем гуманного отношения ты скорее всего добьешься того, что они отстанут от дурных наклонностей, а щедростью заставишь их обратиться к положительным. Тебе нечего опасаться, что у тебя когда-либо не хватит или денег, или другого чего-либо на воздаяние людям, совершившим что-либо хорошее (гораздо скорее, по моему мнению, будет чувствоваться недостаток в людях, достойных испытать что-либо хорошее, даже при наличии под твоей властью такого огромного количества и моря и суши), или того, что некоторые из них, будучи облагодетельствованы, окажутся неблагодарными. Ничто так не подчиняет, ничто так не привязывает кого-либо, если бы даже он почему-либо относился с нерасположением и враждой, как возможность, не подвергаясь никакой несправедливости, сверх того, быть еще и облагодетельствованным.

35. К другим я советую тебе относиться таким образом, по отношению же к себе лично тебе не следует допускать проявления ничего излишнего и чрезмерного ни со стороны сената, ни со стороны прочих людей, ни на деле, ни на словах. Ибо для других почет с твоей стороны приносит честь, тебе же лично ничего нельзя дать больше того, что у тебя есть, и может только возникнуть подозрение в фальши. С одной стороны, никто из окружающих не кажется уделяющим что-либо подобное человеку, в руках которого находится управление, добровольно, а с другой, человек, получающий все это от самого же себя, не только не получает похвалы, но, сверх того, навлекает еще на себя насмешки. Ты приготовь для себя славу во всех отношениях добрыми делами, и не следует тебе позволять, чтобы хотя бы где-либо стояли твои золотые или серебряные статуи (они ведь не только требуют больших издержек, но, сверх того, на них покушаются и они недолговечны), а ты создай другие путем благодеяний, невредимые и бессмертные, в глубине человеческих сердец. Не допускай также когда-либо основания в твою честь храма. Ибо на это будет потрачено совершенно напрасно слишком много денег, которые лучше израсходовать на то, что действительно необходимо (ведь источник богатства, строго говоря, не столько в больших поступлениях, сколько в экономии расходов), да и для славы от этого ничего не прибавится. Добродетель многих делает равными богам, но никто никогда не стал богом путем избрания. Так что, если ты будешь хорош и будешь прекрасно управлять, то вся земля будет участком, посвященным богу, все города — храмами, а все лица — священными изображениями: в их сердцах ты будешь всегда пользоваться почетом.

Тех же, кто использует власть каким-либо иным образом, все вышеприведенное ничуть не возвеличит, если бы им даже воздвигли статуи и храмы во всех городах; наоборот, все это принесло бы им только лишний позор, являясь памятником их беславия в известном отношении и воспоминанием о несправедливости. И чем дальше существовали бы они, тем дольше продолжала бы существовать и их дурная слава.

36. Так что, если ты хочешь действительно быть бессмертным, то делай так, как я тебе говорю, а сверх того, везде всячески почитай богов по обычаю предков и других заставляй почитать, вносящих же в культ чужие обычаи ненавидь и наказывай не только ради богов, так как пренебрегающий ими не может почитать, как следует, и никого другого, но и потому, что люди, вводящие почитание новых божеств, склоняют многих к чуждым верованиям. Отсюда происходят заговоры, восстания и партии, которые меньше всего приличествуют монархии. Тебе не следует идти на уступки ни безбожникам, ни шарлатанам. Искусство предсказания будущего необходимо. Поэтому ты во всяком случае назначь известное число гадателей по внутренностям жертвенных животных и по полету птиц, с которыми и будут вступать в сношения желающие спросить совета; магов же совершенно не должно быть. Последние очень часто и притом очень многих подстрекают к переворотам, говоря им кое-что и верное, а в большинстве случаев — ложное. Подобное этому совершают очень многие и из числа тех, которые выдают себя за философов. Поэтому я советую тебе остерегаться и последних. Из того, что ты уверен в порядочности Ария и Афинодора, ты еще не верь, что и все остальные, называющие

себя философами, похожи на них. Тысячу зол причиняют и целым народам и отдельным лицам люди, прикрывающиеся этим именем.

37. Так как на самом деле тебе нечего желать больше, чем у тебя есть, то тебе следует быть в высшей степени миролюбивым, но, с другой стороны, совершенно готовым к войне, чтобы ни в коем случае никто не захотел и не попытался причинить тебе несправедливость, а в противном случае, чтобы он без труда и немедленно подвергся наказанию. В тех же случаях, когда в силу тех или иных обстоятельств необходимо за кем-либо следить и наблюдать за всем, что имеет отношение к твоей власти, чтобы тебе не быть в неведении относительно того, что нуждается в какой-либо охране и исправлении, помни, что не следует верить на слово всему, что будут говорить, но следует все это внимательно взвешивать. Нередко ведь обвиняют других в стремлении к перевороту или в каких-либо неприязненных по отношению к носителю власти мыслях или словах. Одни — из ненависти к кому-либо, другие — из желания получить их имущество, третьи — из угодничества перед кем-либо, четвертые — потребовав от кого-либо денег и не получив таковых. Поэтому не следует сразу и легко обращать на них внимание, но следует совершенно все тщательно исследовать. Не торопясь с доверием, ты никому ни в чем не сможешь повредить сильно, поторопившись же слишком, ты можешь сделать такую ошибку, которую не в состоянии будешь исправить. Тебе следует и необходимо высоко ценить хороших людей из вольноотпущенников и из числа других твоих приверженцев. Это доставит тебе честь и обеспечит тебе полную их верность. Тем не менее они не должны иметь слишком большого значения, но все они

должны быть в высшей степени скромными, так чтобы, благодаря им, ничуть не возбуждалась ненависть против тебя. Ибо все, хорошо ли или дурно будут они поступать, будет приписываться тебе, и мнение всех относительно тебя будет находиться в прямой зависимости от того, что ты позволишь делать вышеупомянутым лицам. Людям могущественным ты не позволяй обогащаться на чужой счет, ни опять-таки заниматься доносами. Но пусть также никому из них не будет поставлен в вину сам факт его могущества, если он даже ни в чем и не погрешим. Остальную массу, с одной стороны, старательно защищай от несправедливости, с другой же, не придавай слишком большого значения жалобам, но исследуй по существу все обстоятельства дела, не будучи слишком подозрительным ко всему выдающемуся и не доверяя каждому, занимающему более низкое положение. Оказывай должное внимание полезным труженикам и ремесленникам, бездельников же и лентяев ненавидь, чтобы, стремясь к первому, ввиду связанных с ним выгод, и воздерживаясь от второго, люди становились у тебя лучшими по отношению к своим собственным делам и более полезными по отношению к государству. Прекрасно, сводя к наименьшему числу тяжбы, возникающие между частными лицами, выносить по ним решения, как только возможно скоро. Всякие же проявления чувств со стороны отдельных общин лучше всего отклонять, и если они, принося какие-либо обеты за твою власть, спасение и счастье, начнут принуждать кого-либо или что-нибудь делать, или тратиться сверх сил, не следует допускать этого, нужно всячески искоренять вражду между ними и соперничество друг с другом, и не следует позволять им присваивать себе какие-либо

пустые прозвища или что-либо подобное, имеющее возможность быть источником вражды. Без труда будут все тебе повиноваться и в этом отношении и в остальных, и каждый отдельно и все вместе, если ты в этом никогда никому не сделаешь никакой уступки; непоследовательность разрушает и то, что крепко связано. Поэтому с самого же начала будет полезно тебе запретить им просить о том, чего ты не дашь, и вместе с тем сразу же следует накрепко принудить их остерегаться домогаться того, что запрещено.

38. Это вот говорю тебе о вышеизложенном, вообще же советую тебе ни в коем случае не злоупотреблять своей властью и не считать как бы уменьшением ее, если бы ты хотя бы раз не сделал того, что можешь. Но чем больше можешь ты осуществлять все то, чего желаешь, тем больше желай всего того, чего следует желать. Постоянно, с другой стороны, обдумывай в душе, правильно ли ты поступаешь или нет, за какие поступки будут любить тебя известные люди, а за какие — нет, с тем, чтобы одно из этого делать, а другое — отклонять. Тебе не следует думать, что ты постольку действуешь, как следует, по мнению окружающих, поскольку не слышишь на себя ни одной жалобы; и не жди, чтобы кто-нибудь настолько когда-либо обезумел, чтобы открыто порицать тебя в чем-либо. Этого никто не сделает, если даже он и пострадал очень сильно. Со всем наоборот, очень многие вынуждены публично хвалить причинивших им несправедливости, изо всех сил стараясь показать, что они не сердятся. Правитель должен догадываться о настроении окружающих не из того, что они говорят, а из того, что они, по всей вероятности, думают.

39. Я желаю, чтобы ты поступал таким именно

образом. Многое при этом я оставляю в стороне ввиду невозможности сказать обо всем в совокупности сразу. Одно только вкратце посоветую тебе и относительно того, что сказано, и относительно остального. Если ты добровольно будешь поступать так, как ты желал бы, чтобы поступало какое-либо другое лицо, будучи твоим повелителем, если не будешь делать промахов и во всем иметь успех, то в силу этого будешь жить самым приятным образом и в полнейшей безопасности. Разве не будут все смотреть на тебя, как на отца, как на спасителя, и не будут разве любить тебя, видя, что ты умерен, благопристоен, опытен в военном деле и миролюбив, если ты не надменен и не корыстолюбив, если ты относишься к ним одинаковым образом, сам не богат, но не вымогаешь денег у других, сам не живешь в роскоши, заставляя других страдать, сам не ведешь распутного образа жизни, а других наставляешь, если ты вообще во всех отношениях ведешь совершенно одинаковый с ними образ жизни? Будь совершенно спокоен, имея у себя такой могущественный талисман, как непричинение никому никогда никакой несправедливости, и верь моим словам, что ты не подвергнешься ни ненависти, ни заговорам. При таком положении вещей у тебя налицо все основания для счастливой жизни. Ибо что может быть приятнее, что может быть счастливее, наслаждаясь благополучно всеми доступными человеку благами, быть в состоянии уделять их и другим?

40. Обдумав это и все остальное, сказанное мной, послушайся меня и не упускай счастья, которое отметило тебя среди всех остальных и поставило впереди всех. Если ты на самом деле предпочитаешь монархический образ правления, но боишься само-

го названия — царь, как проклятого, то не принимай его, а правь, пользуясь титулом цезаря. Если ты пожелаешь других каких-либо титулов, то тебе дадут титул императора, как дали уже твоему отцу, почтят тебя и другим каким-либо наименованием, так что ты будешь пользоваться царской властью без ее ненавистного названия».

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ¹

Великий понтифик — верховный жрец, глава высшей жреческой коллегии понтификов, представлявший государственную религию в Риме и осуществлявший надзор за другими жреческими коллегиями. Должность великого понтифика была пожизненной и, начиная с Августа, в основном присваивалась только римским императорам. С 440 года великими понтификами стали именоваться римские папы, поэтому данный титул считается самым древним из действующих до сих пор в Европе.

Весталки — жрицы римской богини Весты. Богиня Веста являлась покровительницей домашнего очага и священного очага римской общины. Жрицы Весты обязаны были поддерживать вечный огонь на алтаре в храме богини, который находился в роще на склоне Палатинского холма близ форума. Особа весталок была священна и неприкосновенна, поэтому им очень часто передавали на хранение особо ценные документы, в том числе завещания.

Ветераны — легионеры, отслужившие в войсках положенный срок и демобилизовавшиеся. Обычно ветераны получали земельные наделы на территории так называемых «колоний» — поселений, которые специально для этого основывались на территории римских провинций.

Вольноотпущенники — рабы, отпущенные (или выкупившиеся) на волю. Их гражданские права были ограничены. Часто они продолжали служить своим прежним хозяевам. В некоторых случаях добивались богатства и высоких постов в государстве. Их дети могли стать всадниками и даже сенаторами.

Восток — территория Передней Азии, включавшая в себя конгломерат государств, часть из которых была превращена в римские провинции.

¹ При составлении терминологического словаря автор в основном использовал «Словарь античности» (М., 1989).

Всадники — римское сословие, второе после сенаторов. Изначально всадники составляли основу римской кавалерии; позднее именно из них формировался офицерский костяк армии. Всадники были весьма жадными, поскольку занимались в основном финансовыми делами: государственными подрядами и откупам, сбором податей, арендой казенных земель, банковским делом и торговлей. Нередко всадники становились юристами, судьями; занимали достаточно высокие административные должности. Политическое влияние всадников было весьма значительным, особенно в провинциях.

Диктатор — высшее должностное лицо с чрезвычайными полномочиями, назначавшееся на срок не более шести месяцев. Назначался консулами по предложению сената в чрезвычайных обстоятельствах, например, в условиях войны, грозившей нарушением территориальной целостности государства. Диктатору были обязаны беспрекословно подчиняться все должностные лица. Кроме того, диктатор выбирал себе помощника (заместителя) — «начальника конницы».

Игры — культовые празднества, устраивавшиеся в определенные сроки. В период игр граждане не работали, устраивали жертвоприношения богам, торжественные процессии, сценические представления, конные бега и гладиаторские бои.

Император — высший римский военный титул. Титул «император» присваивали полководцу его солдаты после одержанной им крупной победы. Никакой реальной власти он не давал и лишь предоставлял возможность полководцу претендовать на триумф. Впоследствии этот титул приобрел чисто монархический характер. *Империя* — это, соответственно, территория, на которую распространяется империй высшего магистрата (императора).

Империй — вся полнота исполнительной власти; высшая военно-административная власть. Империем от имени народа Рима наделялись только высшие магистраты (консулы, преторы, диктаторы).

Квестор — должностное лицо, заведовавшее финансами и казной города Рима. Существовали также провинциальные квесторы, отвечавшие за казну той или иной римской провинции.

Клиент (клиентела) — зависимый человек. Клиентела как форма социальной зависимости была весьма распространена в Риме. Клиент всегда и везде сопровождал своего патрона, даже в дальних поездках, защищал его с оружием в руках, если в этом была необходимость, поддерживал его кандидатуру на выборах. Кроме того, клиент был обязан каждое утро являться в дом своего патрона и приветствовать его. Часто клиенты принимались в род патрона и брали его родовое имя. В свою очередь, патрон должен был всячески опекать своего клиента, защищать его интересы в суде, помогать деньгами и время от времени приглашать к своему столу. Практиковалось и наделение клиентов участками из земельного фонда патрона.

Колумбарий — хранилище урн с прахом усопших. Представляло собой специальное, часто весьма значительное здание, иногда подземное, снабженное рядом особых ниш, в которые помещались урны.

Консул — высшее должностное лицо Римской республики. Всего было два консула, которых избирало народное собрание сроком на один год. Консулы обладали высшей военной и гражданской властью (империем), созывали сенат и народное собрание, председательствовали в них; в период войны командовали армиями. Должность консула не мог занимать человек моложе сорока лет. Сложив свои полномочия по окончании срока должности, консул получал звание проконсула и право управлять одной из римских провинций. Знаки власти консула: тога с широкой пурпурной каймой, курульное кресло из слоновой кости. Каждого консула в качестве охраны сопровождали 12 служителей (ликторов) с фасциями (связанными пучками прутьями с воткнутыми в них топориками). В соответствии с римской системой летоисчисления годы обозначались по именам консулов текущего года.

Легион — основное подразделение римской армии. Численность легиона в различные периоды римской истории колебалась, насчитывая несколько тысяч пехотинцев и несколько сотен всадников. Каждый легион имел свое название и номер, обладал определенным количеством боевой техники и вспомогательных войск, имел оружейные мастерские.

Либитинарии — устроители похорон, должностные лица при храме Либитины — богини смерти и погребения. О смерти каждого римского гражданина необходимо было сообщать либитинариям, которые вносили его имя в список умерших и организовывали похороны, правда, за весьма высокую оплату. В силу этого услугами либитинариев пользовались только весьма состоятельные семьи. Бедняков же и рабов хоронили как попало. Либитинарии посылали в дом умершего специальных служителей, которые обмывали, бальзамировали, облачали в одежду и украшали тело покойного. Они же приглашали плакальщиц, флейтистов, мимов и носильщиков. Словом, полностью обеспечивали проведение похорон на самом высшем уровне.

Мим (мимы) — жанр сценического представления. Обычно это были короткие бытовые сценки из жизни низших слоев населения, иногда «на злобу дня», сопровождавшиеся пением и танцами. *Мимы* — актеры, исполнявшие роли в представлениях мимического жанра.

Народный трибун — одна из высших государственных должностей. Народные трибуны, число которых не превышало десяти, были обязаны защищать интересы плебса. Они обладали правом законодательной инициативы, могли созывать народное собрание и председательствовать в нем. Каждый из трибунов имел право отменить любое решение сената или магистратов, если оно было направлено против плебеев. Власть и личность народных трибунов считалась священной и неприкосновенной. Избирались трибуны народом сроком на один год.

Нимфей — небольшое святилище нимф, сооруженное над источником. Обычно включало в себя грот, алтарь и

небольшой бассейн или водоем. Иногда при нимфеях сооружался павильон с нишей, где помещался медленнотекущий фонтан.

Нобили (нобилитет) — представители правящего слоя римской знати, включавшего в себя родовитые и богатые патрицианские и плебейские семьи, в числе предков которых были высшие магистраты.

Патриции — представители римской родовой земледельческой аристократии, предки которой некогда составляли царский сенат. Принадлежать к патрициям можно было только по праву рождения или же путем усыновления.

Плебеи (плебс) — представители римского населения, не принадлежавшие к римской родовой аристократии. В основном это были свободные ремесленники, крестьяне, торговцы и беднота. Изначально же плебсом называлось пришлое население, не входившее в состав римского народа и не имевшее политических прав.

Претор — одна из высших государственных должностей. Избирались преторы на один год; число их в разные периоды колебалось. Обладали широкими судебными полномочиями; в отсутствие консулов в городе замещали их должности. Могли командовать войском или осуществлять управление провинцией.

Префект города — должностное лицо, обладавшее полицейской и судебной властью в Риме. Он контролировал лиц, отвечавших за снабжение города продуктами питания, за водоснабжение, за вывоз мусора и нечистот. Ему также подчинялись городской гарнизон и различные городские службы.

Принцепс — принцепс сената был самым уважаемым, «первым» сенатором, который имел право высказываться первым по любому вопросу и первым подавать голос, ибо его имя стояло первым в списке сенаторов.

Принципат — условный термин в научной литературе, обозначающий форму государственного строя, который существовал в Риме более трех веков (27 год до н. э. — 284 год н. э.) и сочетал в себе черты монархии и республики.

Провинция — завоеванная и подчиненная Риму область, находящаяся вне Италии и управляющаяся римскими наместниками.

Проконсул — государственная должность, которую имели право занимать только бывшие консулы. Проконсулы обычно назначались наместниками римских провинций и обладали всей полнотой власти консулов на их территории.

Пропретор — государственная должность, которую имели право занимать только бывшие преторы. Пропретор осуществлял управление преторской провинцией и командовал войсками.

Республика (Римская республика) (res publica — общее дело) — правовое понятие. Рассматривается как совокупность интересов и прав всего римского народа. В период позднего Средневековья стало отождествляться с понятием «государство». В научной литературе под термином «Республика» подразумевается определенная историческая эпоха существования Древнеримского государства (510/509 — 30/27 год до н. э.), когда его строй совмещал в себе черты аристократии и олигархии.

Ростры (ростра) — ораторская трибуна на Римском форуме, украшенная деревянными носами (рострами) трофейных вражеских кораблей.

Сенат — совет старейшин, высший орган государственной власти в Древнем Риме. В состав сената входили (пожизненно) все бывшие магистраты. Во главе сената стоял самый старый и уважаемый сенатор (принцепс). Сенат имел достаточно широкие полномочия: утверждал законы и результаты выборов, следил за деятельностью магистратов, решал важнейшие вопросы внешней и внутренней политики, контролировал государственные финансы и религиозную деятельность. Численность римского сената в разное время колебалась.

Форум — центр политической, экономической и религиозной жизни города. Здесь заключались торговые сделки, вершился суд, проводились народные собрания, заседали важнейшие магистраты, находились наиболее

важные храмы. Римский форум располагался в низине между холмами Капитолий, Палатин и Эсквилин.

Цензор — римский магистрат, избиравшийся раз в пять лет на срок 18 месяцев из числа бывших консулов (консуляров). Цензор проводил перепись населения с целью установления состава и имущественного положения граждан, ревизию списков сенаторов (вычеркивал недостойных и вписывал имена новых), а также осуществлял надзор за нравственностью граждан. Кроме того, он контролировал государственный бюджет и следил за использованием государственного имущества.

Эдил — одна из высших государственных должностей. Всего было четыре эдила, которые следили за состоянием улиц, храмов и общественных зданий, обеспечивали снабжение города хлебом, надзирали за рынками, устраивали различные общественные празднества и игры.

Эпод (от греч. «припев») — стихотворение, написанное ямбом, где второй стих короче первого и напоминает припев.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГАЯ ЦИЛЬНИЯ МЕЦЕНАТА

- 65, 13 апреля — день появления на свет Гая Цильния Мецената в городе Арретий в Этрурии.
- 63 — заговор Катилины.
- 49, январь — переход Гая Юлия Цезаря через реку Рубикон. Начало гражданской войны между Помпеем и Цезарем.
- 48, 9 августа — победа Цезаря в битве при Фарсале.
- 44, 15 марта — убийство Цезаря.
Май — Гай Октавий, наследник Цезаря, приезжает в Рим.
Октябрь — Луций Меценат, отец Гая Цильния Мецената, вместе с сыном Гаем сопровождает Октавиана в Кампании.
- 43, апрель — Меценат наблюдает за битвой при Мутине.
19 августа — Октавиан провозглашается консулом.
Октябрь — совещание Октавиана, Антония и Лепида. Образование второго триумвирата.
- 42, октябрь — Меценат наблюдает за битвой при Филиппах.
- 40, февраль—март — Меценат присутствует при осаде Перузии.
Лето — Меценат устраивает брак Октавиана и Скрибонии.
Октябрь — Меценат выступает в качестве посредника при заключении Брундизийского договора. Брак Антония и Октавии.
- 39—38 — знакомство Мецената с Вергилием и Горацием.
- 39, лето — Мизенский мир, заключенный триумвирами и Секстом Помпеем.
- 38, лето — сражение при Скилле и гибель флота Октавиана.
Сентябрь — Меценат отправляется с дипломатической миссией в Афины.
- 37, весна — Меценат участвует в переговорах Октавиана и Антония в Таренте.
- 36, лето — две поездки Мецената в Рим с целью усмирения народных волнений, в результате которых Октавиан возлагает на него управление Римом и всей Италией.

- 3 сентября* — морское сражение при Навлохе и поражение Секста Помпея.
- 36—31* — Меценат разбивает сад и возводит дворец на холме Эсквилин в Риме.
- 32, июль* — объявление войны Клеопатре.
- 31, 2 сентября* — битва при Акции.
- Осень* — Меценат раскрывает заговор Марка Лепида Младшего. Агриппа по приказу Октавиана отправляется в Рим и становится соправителем Мецената.
- 30, январь—февраль* — Меценат переносит тяжелую болезнь.
- 1 августа* — Октавиан захватывает Александрию. Антоний кончает жизнь самоубийством.
- 29* — дискуссия между Агриппой и Меценатом о наилучшем государственном устройстве.
- 28—24* — Меценат продолжает заниматься государственными делами, оставаясь частным человеком.
- 27, 13 января* — Октавиан «отказывается» от верховной власти.
- 16 января* — Октавиан получает имя «Август».
- 27* — знакомство Мецената с Проперцием.
- 22* — раскрытие заговора Мурены, брата Теренции, жены Мецената.
- 21* — Октавиан советуется с Меценатом по поводу судьбы Агриппы.
- 19, 21 сентября* — смерть Вергилия.
- 16* — Август отправляется в Галлию. Меценат разводится со своей женой Теренцией.
- 15* — смерть Проперция.
- 13, 4 июля* — Меценат участвует в торжественной процессии по случаю закладки и освящения Алтаря Мира на Марсовом поле.
- 12, март* — смерть Агриппы.
- 11, осень* — начало неизлечимой болезни Мецената.
- 8, сентябрь* — смерть Мецената.
- 27 ноября* — смерть Горация.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Авл Геллий. Аттические ночи. Книги XI—XX / Пер. колл. авт. СПб., 2008.

Аппиан Александрийский. Римская история / Пер. С. П. Кондратьева, С. А. Жебелева, С. И. Ковалева и др. М., 1998.

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С. Шервинского, С. Ошерова. М., 1979.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. О знаменитых людях / Пер. с лат. М. Л. Гаспарова. М., 1964.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. О. П. Цыбенко. М., 2000.

Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LI—LXIII / Пер. с др.-греч. А. В. Махлаюка. СПб., 2014.

Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания / Пер. с лат. Н. Гинцбурга, М. Гаспарова, М. Дмитриева, А. Семенова-Тян-Шанского и др. М., 1970.

Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т.: Т. 1. Анналы. Малые произведения / Пер. с лат. А. С. Бобовича. М., 1969.

Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С. А. Ошерова. М., 1977.

Луций Анней Сенека. О благодеяниях / Пер. с лат. П. Краснова // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995.

Луций Анней Сенека. Философские трактаты / Пер. с лат. Т. Ю. Бородай. СПб., 2000.

Макробий Феодосий. Сатурналии / Пер. В. Т. Звиревича. М., 2013.

Малые римские историки: *Веллей Патеркул*. Римская история. *Анней Флор*. Две книги Римских войн. *Луций Ампейлий*. Памятная книжица / Пер. А. Немировского, М. Дашковой. М., 1995.

Марк Валерий Марциал. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф. А. Петровского, М. Л. Гаспарова. СПб., 1994.

Петроний. Сатирикон / Пер. А. Гаврилова // Римская сатира. М., 1989.

Письма Плиния Младшего / Пер. с лат. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватура. М., 1982.

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. Книги XXXIII—XXXVII / Пер. с лат. Г. А. Тароняна. М., 1994.

Плиний Старший. Естественная история. Книга VII / Пер. с лат. и коммент. А. А. Павлова // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М., 2009. № 17.

Плиний Старший. Естественная история. Книга VIII / Пер. И. Ю. Шабаги // Труды кафедры древних языков. Вып. 2. Исторический факультет МГУ. М., 2009.

Плиний Старший. Естественная история. Книга IX / Пер. с лат. Г. С. Литичевского // Архив истории науки и техники. М., 1995. Вып. 1.

Плутарх. Об Эроте / Пер. Я. М. Боровского // *Плутарх*. Сочинения. М., 1983.

Плутарх. Застольные беседы / Пер. с др.-греч. Я. М. Боровского, М. Л. Гаспарова, М. Н. Ботвинника, Н. В. Брагинской. Л., 1990.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. / Пер. С. П. Маркиша и др. М., 1994. Т. 2.

Проперций. Элегии / Пер. с лат. Л. Остроумова // Катулл. Тибулл. Проперций. М., 1963.

Ювенал. Сатиры / Пер. с лат. Д. Недовича, Ф. Петровского // Римская сатира. М., 1989.

Секст Проперций. Элегии: В 4 кн. / Пер. с лат. А. И. Любжина. М., 2004.

Литература

Благовещенский Н. М. Гораций и его время. СПб., 1864.

Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Гиро П. Частная и общественная жизнь римлян. СПб., 1995.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

История римской литературы / Под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. М., 1959. Т. 1.

Каркопино Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М., 2008.

Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность: Очерки. М., 1986.

Мартин Т. Гораций. СПб., 1876.

Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949.

Модестов В. И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888.

Морева-Вулих Н. В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб., 2000.

Нагуевский Д. История римской литературы. Век Августа. Казань, 1915.

Неродо Ж.-П. Август. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»).

Робер Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений. М., 2006.

Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима. 2-е изд. СПб., 2000.

Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979.

Федорова Е. В., Лесницкая М. М. Неаполь и его окрестности: века, люди, искусство. М., 2005.

Ферреро Г. Величие и падение Рима: В 2 кн. СПб., 1997—1998.

Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990.

Эргон Ж. Повседневная жизнь этрусков. М., 2009.

Andre J.-M. Mécène. Essai de biographie spirituelle. Paris, 1967.

Avallone R. Mecenate. I frammenti. Salerno, 1945.

Fougnies A. Mécène, ministre d'Auguste, protecteur des lettres. Bruxelles, 1947.

Fraenkel E. Horace. Oxford, 1957.

Frandsen P. S. C. Cilnius Maecenas. Altona, 1843.

Frank T. Vergil: A biography. New-York, 1922.

Goetz G. C. Maecenas. Jena, 1902.

Graverini L. Un secolo di studi su Mecenate // RSA. 1997. № 27.

Harder Fr. Uber die fragmente des Maecenas. Berlin, 1889.

Lion A. Maecenatiana, sive de C. Cilnii Maecenatis, vita et moribus. Gottingae, 1824.

Paturzo F. Mecenate: Il ministro D'Augusto: politica, filosofia, letteratura nel periodo Augusteo. Cortona, 1999.

Richer M. The life of Maecenas. London, 1748.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
<i>Глава первая.</i> Детство, отрочество, юность	11
<i>Глава вторая.</i> Восхождение на политический олимп ...	62
<i>Глава третья.</i> Будни сибарита	106
<i>Глава четвертая.</i> Сочинитель и покровитель поэтов	161
<i>Глава пятая.</i> «О Мecenат, мой оплот и гордость!»	205
Послесловие	228
Приложения	
<i>Приложение 1.</i> Фрагменты произведений	
Гая Цильния Мecenата	231
<i>Приложение 2.</i> Речь Мecenата к Августу	238
Терминологический словарь	272
Основные даты жизни и деятельности	
Гая Цильния Мecenата	279
Краткая библиография	281

Бондаренко М. Е.

Б 81 Меценат / Михаил Бондаренко. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 285[3] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия: сер. биогр.; вып. 99).

ISBN 978-5-235-03875-2

Имя этого человека давно стало нарицательным. На протяжении вот уже двух тысячелетий меценатами называют тех людей, которые бескорыстно и щедро помогают талантливым поэтам, писателям, художникам, архитекторам, скульпторам, музыкантам. Благодаря их доброте и заботе создаются гениальные произведения литературы и искусства. Но, говоря о таких людях, мы чаще всего забываем о человеке, давшем им свое имя, — Гае Цильнии Меценате, жившем в Древнем Риме в I веке до н. э. и бывшем соратником императора Октавиана Августа и покровителем величайших римских поэтов Горация, Вергилия, Проперция. Именно о нем и рассказывает эта книга, написанная на основе скрупулезного и полного анализа сохранившихся источников.

УДК 94(3)“-01”

ББК 63.3(0)323

знак информационной
продукции **16+**

Бондаренко Михаил Евгеньевич
МЕЦЕНАТ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **А. В. Никитин**
Технический редактор **М. П. Качуринна**
Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Плятова**

Сдано в набор 13.11.2015. Подписано в печать 15.12.2015.
Формат 70×100/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 11,7+0,65 вкл. Тираж 2000 экз.
Заказ № 1517980.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>.
E-mail: dse@gvardiya.ru

arvato Отпечатано в полном соответствии с качеством
BERTELSMANN предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03875-2

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03875-2

9 785235 038752 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ